

g

КИРА
МУРОМЦЕВА

ПОДАРИЮ ТЕБЕ

НОВУЮ ЖИЗНЬ

Мой мир давно рухнул и на его руинах я безуспешно пыталась воссоздать иллюзию жизни, посвятив всю себя работе.

Но когда в моё мирное существование врывается бывший муж, спустя три года после развода, всё мнимое спокойствие летит в пропасть. Сергей — без пяти минут женат, между нами давно огромная бездна из прошлых обид, но сердце тянется к нему с новой силой, а я не могу препятствовать этому притяжению.

Еще и этот маленький мальчуган, которому всего семь, но он умело заставляет меня вспоминать, какого это жить полноценно и дышать полной грудью...

Пролог

«Во мне-тебе теперь зима

Не трогай меня дальше я сама

И эта любовь поломанная

Мне не нужна...»

Artik Asti — Роза

Яна

— Я ухожу... — мужской голос разорвавшимся снарядом возникает в моём сознании.

Почему-то в океане горя и боли, раньше именно его тембр всегда был для меня спасательным жилетом, который заставлял держаться на плаву. Был моей силой, опорой, надеждой... Вплоть до этого момента.

— Так не может больше продолжаться, — вещает муж.

У меня нет сил даже кивнуть, но я полностью с ним солидарна. Наша жизнь давно перестала напоминать любовный роман со счастливым концом, превратившись в сплошную драму. День за днем в серой пелене. День за днем ни живя полноценно, а просто существуя.

Внутри меня теперь властвует ледяная пустошь. Она замела снегом все мои эмоции и чувства, покрыла толстенной коркой льда обезумевшее от горя сердце, которое казалось невозможно было спасти иначе. Только не в нашем случае.

— Ты скажешь хоть что-то? — Сергей как обычно на взводе. Лоб расчерчивают глубокие линии морщин, брови нахмурены, темная челка растрепана и постоянно падает на глаза.

Он всегда был таким. Вздорным, вспыльчивым, нетерпеливым. Предпочитал решать все проблемы сходу, не задумываясь о последствиях. И если раньше меня это раздражало и бесило, то сейчас я даже была рада этой его импульсивности. Сама бы я ни за что не решилась разорвать сей замкнутый круг.

Мои глаза сухие. Я не могу проронить ни слезинки, хотя уверена, что заяви бы он о своём желании бросить меня хотя бы год назад, моя истерика не знала бы границ. Я бы падала ему в ноги, разбивая колени в кровь. Я была бы готова на всё, только бы он остался со мной. Прощая я была слишком чувствительна ко всему, что касалось Сергея.

— Яна, — муж лохматит ладонью волосы на затылке, а затем, рвано выдохнув сквозь сжатые зубы, пытается взять меня за руку.

Мне приходится отклониться и сжать ладони в кулаки. Я не хочу, чтобы он меня касался. Не хочу, чтобы жалел. И я никогда не хотела. Тем более он.

Сергею давно пора было уйти. Не держаться двумя руками за эфемерное благополучие,

боясь причинить мне новую боль своим очередным предательством. Больнее уже точно не будет.

— Только скажи, что у нас всё станет как раньше. Я готов ждать. Черт, Яна! Скажи хоть что-то, пожалуйста, — в каждом его слове отчаянная мольба и крик о помощи.

Знаю, что моё безразличие наносит ему глубокие болезненные раны. Кинжалами вонзается в нутро и потрошит, выворачивая наизнанку. Знаю, потому что сама прошла все эти стадии по дорожке в ад. И он правда готов на всё в своих бесполезных попытках спасти наш союз, однако это рвение прснулось слишком поздно.

Я кутаюсь сильнее в теплый шерстяной плед в безуспешных попытках согреться. Мне так холодно, что периодически я забываю, как дышать. И причиной тому не сильные морозы, выпавшие на декабрь-месяц и даже не сломанная система отопления в квартире. Всё гораздо сложнее...

Легкие обжигает огнем. Я делаю глубокий вдох, пытаюсь собрать мельтешащие перед глазами слова в единую строчку, чтобы выдать из себя хоть что-то.

Наверное, я должна ощущать себя последней тварью и эгоисткой. Наверное, я должна во чтобы то ни стало, заверить его, что всё исправимо. Что «мы» всё еще существуем в этой чертовой вселенной. Что завтра я открою глаза и мир вновь обретет свои краски. Должна, но не могу. Потому что ничего уже не исправить. Ничего не вернуть.

— Не будет как раньше, Сережа. У нас уже никогда не будет как раньше, — деревянный язык не желает шевелиться, а голосовые связки издают едва различимый хрип, вместо человеческих слов.

Постоянные рыдания и крики от безысходности не проходят для меня бесследно. Я почти разучилась говорить. Слова стали какими-то пустыми и абсолютно ненужными вещами в моём заледеневшем мире. Я сама стала пустой и ненужной.

Держать его я больше не могла. Отпускала, чтобы не видеть в его глазах всепоглощающую ненависть и безысходность от того, что я лишаю его чего-то важного. Лишаю его настоящей жизни, а не той фальшивки, которую могу предложить.

Пройденный материал. Пустышка. Ледяная статуя. Живой мертвец.

Вроде и дышит, и ходит, и ест, но все это лишь базовые, отработанные до автоматизма действия, которые не несут в себе смысла. Ничего больше не несет смысла. Даже смерть.

Он слишком быстро, как по мне, собирает свои вещи. Слово только и ждал моего разрешения исчезнуть. Слово, давно устал от трудностей, которые выпали на нашем жизненном пути. Или же просто бушующая злость со всей дури толкает его в спину, в попытках поскорее избавиться от постоянного раздражителя, коим стала я.

Иной раз мне казалось, что желая достучаться, он был готов меня не только встряхнуть, но и ударить. Слишком сильное бешенство плескалось на дне его глаз в те моменты. Слово в одно мгновение в моего любящего и заботливого супруга вселялся неуправляемый зверь, готовый крушить и рвать.

И я не могла его винить. Безумно, всепоглощающе хотела, но не могла. Чересчур сильна была привязка и то безграничное счастье, которое подарило нам обжигающе пламя нашей любви.

— Прости меня... — говорит напоследок Сергей.

Я слышу в его словах раскаянье. Он и правда сожалеет, что наш брак рухнул, а мы стали друг другу абсолютно чужими людьми.

— И ты меня, — тихо шепчу я пересохшими губами, когда за ним закрываются двери.

Я не могу сказать ему это в лицо. Я даже не могу смотреть в его глаза, потому что боюсь вновь испытать режущую боль где-то в районе груди. Я так долго бежала от этих эмоций, так долго старалась справиться со своей потерей, выстраивая хрупкое безжизненное равновесие, что позабыла, какого это любить. Чувствовать хоть что-то, кроме сосущей внутри пустоты, которую я так старательно глушила.

Сергей действительно уходит. Без сожалений, обрывает последние связующие нас нити. Стреляет в упор, убивая последние капли жизни во мне. Как, впрочем, я и хотела.

Отчего тогда крепкая, высеченная из монолита стена идет трещинами?! Отчего мне хочется орать в голос, запуская пальцы в волосы и выдирая их клочьями, ощущая на своих плечах тяжесть свалившейся на меня внезапно агонии. Отчего сердце снова воет, болезненно сжимаясь в груди и разбиваясь об ребра?!

Я сижу неподвижно, едва дыша. И даже встать, чтобы банально закрыть за ним дверь на щеколду, нет никаких сил. Я выжита досуха, до последней капли. Выжита и уничтожена.

«Больше не будет больно и плохо...Сегодня не кончится никогда...» — играет по — новой в голове мой личный похоронный марш. Я давно умерла, но сегодня окончательно.

1.1. Яна

«Чтобы не чувствовать ничего — я притворюсь статуей гипсовой.

Люди, прошу лишь одного: похороните меня за плинтусом.»

Лолита — Раневская

Три года спустя

Яна

В зеркале напротив отображается старуха. У нее серая морщинистая кожа, похожая на наждачную бумагу, посеребренные виски, обветренные, искусанные до крови, губы. В ней нет ничего схожего со мной прежней — яркой и цветущей. Но в то же время она — это я. Теперешняя я.

Изменения в своей внешности я отмечаю вскользь. Мозг нагруженный событиями последних лет, цепляется за каждую глупость, лишь бы вновь не погружаться в пучину боли.

Заперта глубоко внутри меня по ночам она прорывается, вгрызаясь в слабую плоть острыми зубами. Режет клыками, словно оголодавший волк и исчезает с наступлением рассвета.

Я боюсь ее и одновременно жажду её прихода. Закрываю глаза и отпускаю вожжи, ощущая, как заполненное ею до краёв моё тело начинает вздрагивать в тихих рыданиях, которые постепенно превращаются в настоящую истерику.

Наедине с собой, я разрешаю себе эту маленькую слабость. Снять маску безразличия, которая кажется приросла ко мне намертво и на долю секунды ощутить себя живой. Настоящей, а не слепленной из некачественного гипса статуей. Того и гляди, чтобы не обзавестись глубокой трещиной, после чего меня уже будет не собрать.

Мне приходится даже вновь посмотреть на своё отражение и удостовериться, что эта самая трещина не ползет по моей щеке. Я тру с остервенением кожу ладонью, не представляя какого эффекта желаю добиться. То ли, чтобы ненавистная старуха исчезла, осыпавшись прахом, то ли, чтобы моё сердце, закованное в ледяную броню, вновь забилося как прежде, пустив по венам алую кровь, вместо суррогата.

Старуха, не мигая цепко смотрит на мои безуспешные потуги. Она знает, как никто другой, что более провальной цели не найти.

На прикроватной тумбочке начинает нервно вибрировать мобильный телефон.

Заведенный будильник, напоминает, что мне пора выдвигаться из дома, но я все также неподвижно сижу напротив зеркала в одном тонком халате и не могу заставить себя подняться.

Сегодняшний вечер обещает быть очередным кругом моей личной каторги. Сотни людей, жалостливых лиц, шепотков за спиной. Я могла бы просто не прийти, вновь закрыться за семью замками, но ситуация оказалась безвыходной. Не явиться, значило наплевать на волю начальства и лишиться работы. А работа — это единственное, что еще хоть самую малость было важно для меня.

Выдавливаю из тюбика на ладонь тональный крем и наношу его на лицо толстым слоем, пытаюсь скрыть серость кожи от посторонних глаз. Хотя на самом деле просто тяну время. Мне без разницы, что подумают остальные. Они привыкли видеть перед собой смело идущую вперед по карьерной лестнице стерву. Она умна, расчётлива и не приемлет никаких слабостей. В её лексиконе нет слов: «любовь», «семья». Её самой как таковой тоже нет.

Я создавала её долго и кропотливо. Оттачивала перед этим самым зеркалом мельчайшие эмоции и изгиб темных бровей. Я училась быть ею, чтобы больше никто не смог пробраться глубоко под кожу и стать моим смыслом. Всё еще свежи рубцы, пусть и прошло без малого несколько лет.

С помощью макияжа я умело стираю отражение старухи с зеркальной глади. Выравниваю тон, рисую стрелки, наношу тушь и крашу губы красной помадой. Словно кидаю себе еще один вызов. Вызов протянуть еще хотя бы день, окончательно не скатившись в бездну. И так каждый день. Держать на плаву, казалось бы, на последних силах, просыпаясь просто от того, что кому-то там наверху явно нравится, измываться надо мной.

Настенные часы упрямо напоминают, что я катастрофически опаздываю. Но получить выговор за опоздание, не равно тому, чтобы не явиться вовсе. И я все же заставляю себя избавиться от халата и облачиться в черное наглухо закрытое платье, внеся некий диссонанс в созданный образ.

Выхожу из квартиры, сжимая в руке ключи от машины. Стук железных набоек моих черных лодочек, отскакивая от стен в пустом подъезде, отдает в виски.

Машинально проверяю почтовый ящик, вышколенной утренней привычкой и обнаруживаю белый непримечательный конверт, вместе с квитанциями на оплату коммунальных услуг.

Времени просмотреть почту не остается. Уже в машине я кидаю стопку корреспонденции в бардачок и неспешно заведя машину выруливаю со двора.

Белый конверт не покидает мои мысли. В наше время мало кто пользуется обычной почтой, предпочитая электронные письма. К тому же, отсутствие элементарных подписей слегка обескураживает. Не настолько, чтобы притормозить у обочины и удовлетворить своё любопытство, но достаточно для того, чтобы всю дорогу задумчиво постукивать кончиками пальцев по рулю.

Предчувствие очередного неизбежного краха неприятно щекочет горло. Мне не привыкать, подставляться под ритмичные удары плети судьбы, но разве можно когда-то с этим смириться?! Я пыталась. Много лет я пыталась понять, где допустила ошибку и почему мой мир рухнул, оставив меня один на один в луже собственной крови. Почему вдруг счастливая семейная жизнь, превратилась в самый страшный кошмар, который кажется не придумает ни один, даже самый отбитый сценарист?!

Я сжимаю зубы, не боясь, что они превратятся в крошку. Зубы можно вставить, а вот

мою душу уже никто, увы, не реанимирует.

Я появляюсь на вечере в самый разгар веселья. Киваю коллегам, которые уже изрядно набрались, но не переступили еще тот рубеж, когда стыдно показываться перед начальством.

По залу снуют официанты, разнося на подносе закуски и шампанское. Я тут же хватаю бокал с шипучкой и взглядом пытаюсь отыскать укромный уголок, где смогу скрыться, избавив себя от великой чести оказаться в гуще события, когда наш генеральный начнет объявлять имя счастливицы, который займет кресло его второго заместителя.

У меня были все шансы. Это еще одна причина, почему сегодня я решила не пропускать увеселительное мероприятие. В моём мирке, где работа была единственной отдушиной, глупо было разбрасываться такими возможностями.

— Яна Викторовна, — тихая, будто тень, но яркая, словно звезда. Моя секретарша Инна всегда умела появляться незаметно, но до раздражающей точности, вовремя. — Я думала, Вы не приедете. Закуски?

Я хмыкнула, но приняла предложение, едва кивнув. Инна умела предугадывать любые желания, чем сразу располагала. Подбитая прошлыми отношениями и нашедшая свою любовь в новом браке, она в отличие от других не вызывала во мне неприязни.

Она умела лицемерить и врать. Умела изворачиваться, подобно ужу на сковороде, ища свою выгоду в любой ситуации, но в день нашего знакомства, за маской расчётливой с*ки, я увидела своё отражение. Искалеченную, выбитую из колеи женщину, которая не знала куда идти и как жить дальше, оставшись с маленьким ребенком на руках.

— Я тоже так думала, — делаю несколько глотков шампанского, ощущая приторную сладость на языке и морщусь от послевкусия.

1.2. Яна

«Каменная леди, ледяная сказка,

Вместо сердца — камень, вместо чувства — маска.

И что? Больно всё равно»

Слава — Одиночество

Яна

Речь генерального директора затягивается, пестря речевыми оборотами, перлами из посредственных мотивационных тренингов и хвалебными одами самому себе и компании.

Повод действительно был весомый. Двадцать лет фирме исполняется не каждый день, поэтому назначение на должность и было приурочено к юбилею. Кроме того, впереди было награждение особо отличившихся сотрудников и настоящая вечеринка, которая начнется сразу после ухода вышестоящего начальства.

— А теперь мы подходим к главному... — усиленный микрофоном голос Михаила Семеновича, подобно раскатам грома, разносится по помещению, заставляя собравшихся оборачиваться и искать глазами кандидатом на лакомую должность.

Моим конкурентом был Леонов Артём Сергеевич. Старше меня почти на пятнадцать лет, старожил компании — он был великолепным специалистом и просто дерьмовым человеком. Скользкий, циничный, не терпящий возражений самодур. Человек, под началом которого тяжело придется всем, в том числе и мне.

В своё время, после развода с Сергеем, он предпринимал попытки меня утешить, наплевав на собственную жену и малолетних отпрысков. Носил пышные букеты лилий, которые я, словом, терпеть не могла, пытался намекать на протекцию перед генеральным,

но быстро сдулся, натолкнувшись на мою броню.

Мужчины часто теряют интерес, когда их цель вместо ярых попыток избавиться от ухажера или же принять его ухаживания, смотрит сквозь него, даже не подмечая попыток понравиться.

Я раздраженно повела плечами, ощущая липкий мужской взгляд на себе, но старательно сделала вид, что происходящее меня не волнует. Впрочем, в какой-то степени, это действительно стало так.

Инна же отсалютовала Леонову бокалом, но пить не стала, вместо этого криво усмехнувшись конкуренту.

— Заместителем генерального директора становится... — все затаили дыхание и только я в самый ответственный момент залпом выпила шампанское и с плохо скрываемым недовольством поставила бокал на стоящий неподалеку столик. Ответ уже так был мне давно известен. — Артём Сергеевич Леонов.

Инна понятливо всунула мне в руку свой бокал, и я мгновенно опустошила и его тоже. Ничего внутри меня не дернулось и не дрогнуло. Только шампанское стало горчить, неприятно обжигая горло, словно самый крепкий напиток в мире.

Все бросились поздравлять новоиспеченного начальника, окружая Леонова со всех сторон.

Пора заканчивать этот балаган и уезжать домой. Оставаться дальше и третировать свою психику смысла не было. Я не из тех, кто бросится выцарапывать глаза конкуренту, позорно проигрывая в ментальной схватке. Леонов старше, сильнее и возможно умнее. А еще он умеет улыбаться. Пусть и после его противной улыбки ощущение, будто тебя искупали в вонючей, прокисшей жиже.

— Яна Витальевна, уже уходите? — слегка полноватая фигура Михаила Семеновича возникает на моём пути.

Генеральный директор протягивает ладонь, жестом приглашая меня на танец. И я могу отказаться, сославшись на мигрень, женские боли или что-то еще столь же высокопарное, но принимаю приглашение. Не потому что хочу. Не потому, что жажду каких-то нелепых объяснений, почему вдруг Леонов, оказался лучше меня. Я ведь и сама не знаю, зачем принимаю приглашение. Просто иду не задумываясь, впадая в какое-то жалкое оцепенение.

— Яночка, — тон становится менее официальным, рука мужчины покоится на моей талии, не нарушая рамки приличия, но при этом я борюсь с невыносимым желанием отодвинуться. — Ты же понимаешь, почему я сделал выбор в пользу Артёма Сергеевича?

— Нет, — я отрицательно качаю головой. — И не хочу понимать.

— Ты хороший специалист. Просто замечательный, но... — генеральный тяжело вздыхает.

— Но?

— Ты будто кукла. Красивая, но пустая. Внутри пустая, Яна.

— Какое это имеет отношение к работе, Михаил Семенович? Вы сами только что утверждали, что я прекрасный специалист.

— Утверждал, — мужчина кивает. — Но даже хороший специалист, должен оставаться человеком. Иначе я бы поручил отделу кадров набирать роботов. Ян... Ты молодая красивая женщина. Вокруг тебя столько возможностей, мужчин. Жизнь продолжается. Понимаешь?

— Понимаю, — приходит мой черед кивать. Благо в этот самый момент музыка останавливается, и ярываю контакт, отстраняясь от генерального директора. — Вы

правы. Жизнь продолжается. К сожалению.

Его слова, действуют на меня подобно пощечине. Злят и выводят из шаткого равновесия. То, что так старательно закапывалось мною годами с корнем выворачивается наружу.

Никто не мог понять. Никто не знал моей боли, но каждый норовил вынести свой вердикт. Каждый считал своим долгом уведомить меня, что я все еще живая. Что внутри меня бьется сердце, оно все еще качает кровь, а значит может выполнять и другие функции. Например: снова любить.

Я иду, рассекает толпу как тот ледокол, пытаюсь укутаться в мнимое спокойствие. На самом деле мне нужен воздух, и я едва держусь, чтобы не сорваться на бег.

Ворот платья начинает душить. Я расстегиваю несколько пуговиц и с облегчением вдыхаю свежий воздух, оказавшись на парковке ресторана.

Жизнь и правда продолжается. Летят года, но легче не становится. Ни на грамм. И спроси меня кто-то, я бы без промедления описала каждую секунду того кошмара, что нам с Сергеем довелось пережить.

Сергей...Я любила его. Один Бог знает, как я любила этого мужчину. И как невыносимо было больно больше не видеть в нем прежнюю опору. Как невыносимо было ждать его звонка, когда он был так нужен. Как невыносимо было плакать не на его плече.

— Яна Викторовна, подождите, — оборачиваюсь и наблюдая как ко мне спешит Инна, видимо, окрикнувшая меня уже не единожды. — Не садитесь за руль в таком состоянии. Я сейчас заберу сумку и Вас отвезу. Специально сегодня не пила.

— А потом как? — вяло интересуюсь я, поглядывая на черный блестящий капот своего авто.

— Муж заберет.

Я киваю, принимая её ответ. Может и к лучшему. Садиться за руль дурацкая идея, к тому же внутри меня до сих пор плещется два бокала шампанского. А муж у Инны замечательный и действительно с пониманием относится к её работе.

Пока Инна уходит за своей сумкой, сажусь на переднее пассажирское сиденье. Носки туфель покрылись серой пленкой пыли, и я в попытках отвлечься от воспоминаний лезу в бардачок за влажными салфетками.

Пальцы натыкаются на белый конверт, который я ранее обнаружила в почтовом ящике и закинула в дальний угол бардачка, совсем позабыв про него.

Верчу простенький белый прямоугольник в руках, на сей раз действительно удостоверившись, что никакой информации сам конверт не несет, но и вскрывать медлю.

Нервно кусаю губу, собираясь с силами, словно это тот самый пресловутый ящик Пандоры.

Наконец, распечатываю бумагу. На колени падает карточка с золотистым теснением и мне хватает одного взгляда, чтобы буквы перед глазами пустились в пляс, а горло сжали железные тиски.

Пальцы подрагивают. Я заставляю себя сфокусироваться, но не получается. Волна застаревшей боли, вскрывается подобно нарыву, окутывая меня с ног до головы.

— Приглашаем Вас на самое главное торжество, посвящённое нашему бракосочетанию, которое состоится....- пересохшими губами вслух я читаю содержимое карточки, страшась того, что будет дальше, но когда дохожу до имен молодоженом всё окончательно становится на свои места.

— Сергей и Виктория...

Спустя три года, прошлое от которого я так старательно бежала, вновь настигло меня. Прошлое, которое я предпочла бы забыть.

2.1. Яна

«Мой родной, знакомый

Ну как же я скучала

Сколько зим холодных

Ты не звонил ночами...»

LOBODA — Родной

Яна

Я выскакиваю из машины, отбросив от себя приглашение на свадьбу, словно ядовитую змею. Сгибаюсь пополам и все-таки рву несчастный воротник. Пуговицы с характерным звоном рассыпаются по серому асфальту, но никакого облегчения я не ощущаю.

Голова кружится, пространство вокруг обволакивает туман, и я тщетно пытаюсь восстановить сбившееся дыхание. Я должна была понимать, должна была предугадать, что в холостяках Сергей не будет ходить вечно. Что траур по нашей прошлой жизни не прошел только у меня и время застыло лишь в моей квартире.

Это становится похоже на самое настоящее безумие. Я в какой-то неконтролируемой панике, заскакиваю обратно в машину, занимая водительское сиденье, и срываюсь с места, упрямо вдавливая педаль газа в пол. Быстрее. Только бы переступить порог дома. Только бы доползти до кровати, чтобы обнаженная и окровавленная душа смогла выплеснуть скопившиеся эмоции.

Я мечтала, что наша любовь будет жить вечно. Таяла в его объятиях в день нашей свадьбы, ощущая себя самой счастливой женщиной во Вселенной. Мой муж, мой Сергей, всегда был рядом. Стоял нерушимой скалой, закрывая меня от любых неприятностей своей крепкой спиной. Губами собирал мои слезинки счастья и что-то нежное и ласковое шептал на ушко. Я не помню суть тех слов, да и неважно это было. Лишь его страстный шепот и горячее дыхание осталось в памяти, врезавшись в самую подкорку разума.

Да, мы были счастливы. Молодые, влюбленные, наивные. Мечтающие покорить все недостижимые вершины, рука об руку идя против всех, кто попытался встать на нашем пути. И тогда это казалось нерушимым. Он и я. Я и он. Вместе. Навсегда.

Кровь пульсирует в висках. Я продолжаю давить на газ, невзирая на встречные машины. Один миг, одно неловкое движение в сторону и машину занесет. Я вылечу в этот чертов кювет и забуду. Забуду, как любила и как больно затем упала, потеряв крылья.

Я оказалась на грани. И мне бы притормозить у обочины, остановить эту чертову колесницу, чтобы окончательно не провалиться в засасывающую меня все сильнее темноту, но вопреки здравому смыслу я продолжаю гнать.

Мобильный не переставая вибрирует, оповещая о входящих вызовах. Кто-то настойчиво пытается до меня дозвониться, но вести диалоги с кем бы то ни было нет желания. И лишь одно проведение, заставляет взглянуть меня на дисплей.

«Муж» — высвечивается имя контакта и долбанное сердечко в придачу.

Я так и не смогла переименовать его в телефоне. Как и не смогла убрать наши семейные фотографии со стен в квартире или выбросить позабытый тогда им журнал. И это на разрыв голосовых связок и схлопывающихся альвеолов в легких.

Я бью по рулю со всей силы своих маленьких хрупких ладоней.

Он не звонил целых три года. Три года боли, одиночества и пустоты. Он не звонил, чтобы сейчас в один день ворваться ураганом в мою жизнь и снести её до основания, позабыв, что я и так давно втоптана в землю.

Закусываю губу до крови, ощущая на языке металлический привкус.

Надо бы ответить. Сделать вид, что не вспоминала про него, не думала. Сказаться сильной, но мнимого спокойствия хватает только для того, чтобы принять входящий вызов.

Бортовой компьютер автомобиля, автоматически подключается к телефону и в салоне машины раздаётся такой родной и знакомый голос Сергея:

— Привет.

Я возвращаюсь в прошлое, хотя и так жила в нем последние годы. Прикрываю на секунду глаза, наплевав, что несусь по дороге в неизвестность и молчу.

— Ты за рулем? — спрашивает он.

— Да.

Каждое слово, словно выживается раскаленными клещами. Я хочу сказать еще что-то, но едва ли смогу не зареветь в голос.

— Остановись, — его тон неоспорим, слишком многое намешано в этом голосе.

По всему телу бьет крупная дрожь. Мне снова холодно. Я снова замерзла.

Послушно резко торможу, отчего авто немного заносит вправо и шины возмущенно визжат. Где-то на грани сознания слышу гневные сигналы других участников дорожного движения.

Я никогда не отличалась покладистостью, но ради того, чтобы продлить свою личную агонию его голосом, я готова была послушаться. Принять его правила игры и выбросить белый флаг.

Выскакиваю из машины. В руке до боли зажат мобильный и я подношу его к уху, чтобы слышать хриплое дыхание на том конце провода.

Холодный ветер треплет волосы, задувает под юбку, пробирает до костей.

— Как ты? — я первая нарушаю молчание, поддаваясь желанию услышать Сергея снова.

Я хочу спросить, кто она? Кто та женщина, которая смогла завоевать его любовь? Как её зовут? Какой у нее цвет волос? Как она смеется?

— Хорошо, — ударом в моё солнечное сплетение звучит его ответ. — А ты?

Я молчу. Никогда не умела врать, тем более ему.

— Сережа, ты с кем? — в нашем немом диалоге появляется третье лицо.

У нее красивый голос. И наверняка шикарная фигура, идущая комплектом к миловидному лицу.

Сергей всегда был этаким эстетом. Если женщины — то самые красивые, если блюда — самые необычные, если машины — самые престижные. Он работал для этого, как проклятый, но со стороны казалось, что всё в его жизни происходит легко и просто. И лишь я знала, что за фасадом успешного мужчины, прячется обычный трудолюбивый парнишка, в которого я безоговорочно влюбилась когда-то.

— Ян, прости. Мне пора, — я продолжаю молчать, хотя больше всего на свете хочу попросить его остаться. Сказать хоть что-то, какую-то ерунду, но только, чтобы он не уходил. Лишь на сегодня вновь, пусть и на минуту, стал моим. Как тогда.

— Рад был услышать.

Он бросает трубку, а я еще минут пять не могу пошевелиться. Цепляюсь пальцами за

перила моста на котором так непредусмотрительно оказалась и смотрю на водную гладь, пытаюсь сосредоточиться и разобраться в себе.

— Яна Витальевна, — оклик Инны становится неожиданностью.

Я поворачиваю голову, наблюдая, как мой секретарь выскакивает из машины, предварительно расплатившись с водителем такси, и спешит ко мне, кутаясь в кашемировый кардиган.

— Думала, что уже не догоню Вас. Хорошо, что кто-то предусмотрительный вызвал этого «шумахера», — девушка кивает головой в сторону отчалившего таксиста и становится от меня по правую руку.

Мы долгое время сохраняем тишину, прислушиваясь к плеску воды и думая о своем.

Цунами в моей душе постепенно угасает. Сергей умело сыграл на струнах моей души, когда, казалось бы, от них осталась одна лишь пыль. Этот мужчина, как ни прискорбно, все еще имел на меня особое влияние.

— Судьба — это еще та беспощадная стерва, — произносит вдруг Инна. — Я знаю это не понаслышке, но за однообразием черных полос, обязательно найдется тоненькая белая.

— Зачем? — спрашиваю еле слышно, облизав пересохшие губы. — Зачем ты мне это говоришь?

— Когда-то я сама была на краю, один на один с болью, — Инна горько усмехается и протягивает мне свою руку. — Ключи, Яна Витальевна. Отвезу-ка я Вас домой.

2.2. Сергей

«Прости меня, именно за то, что я выменял

Тебя на одну минуту прошлого.

За что на мою свалилась голову

Внезапная эта ностальгия?»

Валерий Меладзе — Се ля ви

Сергей

Её звонкий смех, вплетается в какофонию разнообразных звуков, волной разносясь по пустынному песчаному берегу пляжа.

Она убегает, облаченная в легкое белоснежное платье, оставляя следы миниатюрных ножек на мокром песке. Вновь и вновь ускользает от меня, словно мираж, а я безуспешно пытаюсь схватить её за подол, но непослушные пальцы ловят одну пустоту.

Легкий тропический ветер, путается в копне её каштановых волос. Ласкает её плечи, ноги, разносит аромат её духов, заставляя меня скрипеть зубами и завидовать ему с бешеной силой.

Да, я чокнутый. Я завидую ветру. Завидую солнцу, которое имеет возможность прикоснуться к ней своими лучами. И даже завидую песку, чью песчинки прилипают к её ступням.

Я хотел бы быть с ней наедине. Прижимать её к себе, целовать тонкие пальчики на руках и ногах, обладать ею единолично, скрыв её тоненькую фигурку от чужих глаз.

Яна дразнит меня. Заставляет чувствовать себя полнейшим идиотом. Разрешает приблизиться, но затем вновь ускользает, ослепляя своей улыбкой, которая становится для меня ярче любого светила во вселенной.

— Поймай, если сможешь, — призывно облизывая губы, идет на провокацию моя жена.

Знает, чертовка, какую власть имеет надо мной и умело пользуется ей.

В моей груди теплой волной разливается счастье. Поймаю, родная! Обязательно

поймаю...

Я просыпаюсь рывком, будто от удара. Устало тру глаза и почти с нескрываемой ненавистью смотрю на горящий экран ноутбука, за которым, собственно, и умудрился уснуть, хотя планировал еще немного поработать.

Теперь же ни о какой работе и речи быть не могло. Сон совершенно выбил почву из-под ног. Разум решил устроить вечер ностальгии, подсунув самые счастливые моменты моей прошлой семейной жизни.

Мда, в высшей степени гадко грезить во снах об одной женщине, когда в твоей постели спит другая, которая к тому же совсем скоро станет твоей женой.

Откинувшись на спинку дивана, прикрываю глаза.

Следует успокоиться хоть немного и прекратить воспроизводить сцену из сновидения. Всё давным-давно осталось в прошлом. У нее другая жизнь, возможно даже другая семья...

Невесело усмехнувшись, я поддаюсь вперед и беру в руки мобильный телефон. Кручу его в руках, рассматриваю мелкие царапины на защитном стекле и нерешительно жму на экран, чтобы разблокировать свой гаджет.

Нажимаю на значок уведомления от облачного хранилища и едва не издаю протяжный стон в голос, видя всплывающие фотографии. На них вся моя прошлая жизнь. На них изображена моя Яна, когда она еще была моей, в полном смысле этого слова.

Надо бы прекратить эту пытку. Недрогнувшей рукой стереть все фотографии, чтобы ничего больше не мешало строить новую жизнь с другой женщиной, которая любит меня. Она ведь и правда не заслуживает этого предательства.

Виктория в какой-то момент стала моим спасением. Тягловой силой, сумевшей вытащить меня из того болота, в котором я погряз. Я жил одной лишь надеждой, что однажды, приняв входящий вызов я услышу голос Яны, который попросит меня вернуться. Я ждал, что её любовь очнется, но позже потерял всякую надежду.

Яна воздвигла между нами стену. Кирпичную, глухую. Я разбивал об эту стену кулаки в кровь, бился, как муха об стекло, но достучаться так и не смог. Моя жена похоронила себя заживо и воскресать не собиралась, а я просто потерял всякий смысл в попытках её вылечить.

Сам не замечаю, как нахожу нужный контакт в телефоне. Выжидаю чего-то, словно и сам не могу решиться, чтобы впервые за три года набрать её. Не знаю зачем. Просто стойкое ощущение, что именно сейчас я нужен ей как никто другой, напрочь сшибает все предохранители.

— Привет, — говорю я, когда бывшая жена принимает вызов.

«Я скучал» — проносится в голове, но я не позволяю себе это озвучить.

— Ты за рулем? — интересуюсь, не дождавшись никакого ответа и уловив характерный гул работающего двигателя.

— Да, — рвано отвечает она.

Одно единственное слово, а меня прошибает током от её тихого хриплого голоса. Пальцы впиваются в подлокотник дивана до побелевших костяшек, удерживая меня на месте. Натянутые точно канаты нервы подрагивают. И сердце своим грохотом заглушает любые мои попытки мыслить разумно. Мне до зубового скрежета хочется оказаться рядом с ней в эту минуту, чтобы взглянуть хоть на миг в серость её глаз.

Я прошу, точнее требую, её остановится, и она подчиняется. Взвизгивают шины,

хлопает дверь и необъятное чувство тревоги, которое душило ранее и заставило позвонить, отпускает.

Твою мать! Я никогда не верил в высшие силы и проведение, но в этот самый момент вдруг понимаю, что для нее этот звонок стал в какой-то мере спасением.

— Как ты? — интересуется она.

«Плохо»

— Хорошо. А ты? — ложь горчит на языке, но Яна этого никогда не сможет узнать. Да и не стоит ей знать такие мелочи.

У меня и правда должно быть все хорошо. Бизнес, свой загородный дом, красавица-невеста. Я успешен, счастливчик можно сказать, но блага почему-то не радуют.

— Сережа, ты с кем? — Вика появляется внезапно.

Сонная, в одной моей серой хлопковой футболке, блондинка, облокотившись бедром о дверной косяк, угрюмо сверлит меня глазами. Я пожимаю плечами и заканчиваю абсолютно не несущий никакого умысла и смысла разговор.

— С Яной, — честно отвечаю, глядя как Виктория медленными кошачьими шагами подходит ко мне.

— Бывшей? Seriously? При живой невесте? — девушка седлает меня как какого-то породистого жеребца и кладет свои ладошки мне на грудь. — Мне начинать ревновать?

Я ухмыляюсь. Ладони скользят на ладные женские бедра, предварительно отбросив куда-то в угол дивана мобильный, и поглаживают нежную женскую кожу.

— Ты же понимаешь, что всё это в прошлом. Между нами нет и быть не может ничего общего, малыш.

3.1. Яна

«Дай мне Бог еще чуточку совсем силы

Как же мало нам времени с тобой было

Бьется за двоих, сильное мое сердце

Бьется, чтобы жить»

Тина Кароль — Бесконечность

Яна

Один день в году я разрешаю себе вспоминать. Вспоминать, что ненавижу весну, раздражаясь от пения птиц и ароматов распускающихся на деревьях цветов. Вспоминать, что влюбленные парочки в парках и скверах, дети, бегающие по тротуарам, счастливые лица окружающих, которые радуются приходу тепла — моя прошлая, кажется, уже совсем ненастоящая жизнь.

Один день в году я обрываю почти любую связь с внешним миром: не выхожу на работу, отключаю телефон, не разговариваю с людьми. Один день в году я одеваюсь во все черное и покупаю букет алых роз, как память. Один день в году на улице всегда льет дождь, за которым легко спрятать слезы.

Кованые черные ворота встречают неприветливо. Я поднимаю заплаканные глаза на небо и криво усмехаюсь. За четыре года скитаний — это места стало для меня родным. Я знаю, каждую ямку, кочку, каждую облезлую и нахохлившуюся ворону на ветке.

Ступаю по дорожке засыпанной гравием, пересекая ряд за рядом, пока не дохожу до своей остановки. Долгое время вглядываюсь в самые любимые глаза, не замечая, как по щекам градом льются слезы.

— Здравствуй, Сашенька, — пальцы проходятся по гранитной плите, вытирая попутно

слои пыли и я падаю на колени у могилы. — Здравствуй, сынок.

Розы, которые так сильно сжимают мои пальцы, прокалывают кожу до крови, но душевная боль гораздо хуже физической. Она съедает тебя изнутри, жалит, сжигает дотла. И не убежать от нее, не спрятаться. Не повернуть время вспять, чтобы спасти и хоть как-то уберечь, не закрыть от беды самой дорогое для каждой женщины на Земле — её ребенка.

Эта боль никогда не утихнет. И время, черт возьми, ни*рена не лечит, как бы мне не пытались доказать обратное. Каждую весну я умираю вновь и вновь. Каждую весну, я ненавидела все сильнее, стоя на могиле своего мальчика, промокая до нитки.

Рак — это приговор. Рак — это с*ка, которая забирает любого от мала до велика. Я готова была отдать за Сашу свою жизнь. Готова была тогда и готова сейчас, пусть и прошло без малого четыре года.

Я старалась. Я билась за него с самой смертью каждый божий день. Отчаянно молила всех известных богов, только бы уберечь моего маленького, но такого храброго мальчика. Но боги были глухи к моим отчаянным мольбам. Они насмеялись надо мной. Они знали, что у злодейки-судьбы давно уже заготовлены свои коварные планы.

После смерти Сашеньки с Сергеем мы прожили ровно год. А затем и он ушел, хлопнув дверью, не выдержав каждый день видеть рядом с собой ледяную глыбу, вместо законной супруги.

Хотя отделились мы с ним гораздо раньше. Весь мой мир стал вращаться вокруг сына. Мир же Сергея внезапно перетек в работу. Да, у нас были лучшие врачи, лекарства, но поддержки, сильного мужского плеча, опоры рядом с собой я больше не видела. Он словно самоустранился, предпочитая помогать материально. И лишь краткие визиты, когда он целовал сына в лысую макушку и устало улыбался, будто это дается ему с большим трудом, напоминали мне о том, что у меня есть муж. Где-то там, далеко, за пределами нашей с Сашей вселенной.

Сашеньке было всего три. Возраст, когда вместо опостылевшей больничной палаты, ребенок должен познавать мир. Ходить в детский сад, играть со сверстниками. У него было все впереди, и я отчаянно верила, что увижу, как он из маленького щуплого утенка, вырастет в красавца-лебедя. Как упорхнет в армию, женится, как в обнимку с Сергеем мы будем стоять у ворот нашего дома и встречать ватагу внуков.

— Прости нас, сынок. Прости, что мы с папой потеряли друг друга, — я глажу камень, ощущая его тепло, будто Сашенька и правда слышит меня. Словно следует только оглянуться, и он будет стоять поблизости, улыбаться мне своим щербатым ртом и забавно морщить курносый нос. Мой маленький солнечный малыш. Мой смысл существования в этом несправедливом мире.

Я как сейчас помню первые его шаги. И первый несвязный лепет, когда я с уверенностью доказывала, что та абракадабра, не что иное, как: «Мама». Помню самый первый стон боли и свой страх, потерять его навсегда.

Мне становится тяжело дышать. Я кажется погребена под грудой из воспоминаний, но выбираться из-под нее совершенно не хочу. Пора признать, что я так и не научилась жить без Саши. Что так и не отпустила его.

Болезненные спазмы сжимают моё сердце. Мне бы вскрыть себе грудную клетку и вырвать его к чертям собачьим, чтобы больше не мучило и не болело. Чтобы каждый день не заканчивался просьбой уйти вслед за сыном. Чтобы я просто научилась заново жить за нас двоих.

— Прости... — шевелятся беззвучно обветренные губы. Я вновь прощу прощение и вновь не прощаю себя. Я слишком плохо старалась, слишком самоуверенной была когда-то.

«Сергей обнимает меня за плечи, оттаскивая от края разрытой могилы.

— Ты не виновата, слышишь?! Мы сделали, что могли! — его спокойствию можно позавидовать.

Я бьюсь в пустой истерике и не желаю его слышать. Нет! Нет! Нет! Этого просто не может быть. Не со мной. Не с моим ребенком.

— Яна! — муж встряхивает меня все сильнее, но мне жизненно необходимо удостовериться, что в этом деревянном гробу мой сын. Что это не чья-то злая и совершенно глупая шутка.

— Пусти меня! Пусти!»

Он не отпустил. Да и не требовалось. В открытом гробу действительно лежал Саша. Измученный, бледный, с синевой под впалыми глазами на исхудавшем лице.

Я не верила и не могла поверить до последнего. Не разрешала опускать гроб и бросалась за ним в могилу, словно полоумная. И лишь крепкая хватка Сергея на моих плечах удержала меня от безумства.

— Помоги мне, сынок. Я больше так не могу, — я обнимаю надгробие, упираясь лбом в камень. — Не могу жить без тебя. Я пыталась, выходит из рук вон плохо.

3.2. Яна

«Не могли знать, что все-таки так болит

Шумный город — свидетель в нашем привет

Только ветер бьется о гранит»

Гузель Хасанова — Призрак

Яна

Этот день повторяется раз за разом. Льет дождь, завывает мне в унисон ледяной ветер, мир прекращает своё существование. Я прекращаю своё существование, превращаюсь в сплошной комок, сотканный из слез и боли, прерывая свой анабиоз, в котором нахожусь все остальное время.

Я сидела на простой облезлой деревянной скамейке, промокшая до нитки, пальцами путаясь в ворот кофты, чтобы хоть как-то защититься от ветра. Но вдруг ощутив на своем лице теплые касания весеннего солнца, выглянувшего из-за темного затянутого неба, я опешила.

Этот день должен был повторяться раз за разом, но именно в тот момент, мне показалось, что что-то неумолимо изменилось. И когда свет загородила мужская тень, мне не понадобилось даже поворачивать головы, чтобы понять, кто вновь ворвался в мой шаткий мир.

В руках бывшего мужа были розы. Красные. Точно такие же, как совсем недавно сжимала в ладонях я, шипами оставляя глубокие следы на нежной коже.

Я разглядываю царапины на своих ладонях, не поднимая глаз, будто это самая интересная вещь на земле.

Мне хочется повернуться и встретиться с ним взглядами. Хочется отметить каждую новую морщинку на его лице, хочется удостовериться, что ему так же паршиво, как и мне.

Но я банально боюсь. Боюсь, что увижу нечто другое и это нечто окончательно вышибет все предохранители в моей нервной системе.

— Привет, — его сухой отрывистый шепот, разносится по пустынному кладбищу ветром.

— Привет, — мой мячиком отбивается от гранитной плиты и растворяется в воздухе, едва уловимым гулом долетая до Сергея.

И снова тишина. Как героиня старой и заезженной киноплёнки я нервно тру костяшки пальцев, вглядываясь в щербинку на памятнике Саши. Надо бы сказать хоть что-то, но слова застревают в глотке колючим комком и язык предательски прилипает к небу.

Между нами давно огромная пропасть, так почему же именно сейчас, мне до безумия нужно соорудить какой-то мост, чтобы преодолеть её?! Именно сейчас, а не три года назад, когда еще можно было смириться и попытаться заново выстроить свою семейную жизнь.

— Мне тоже его не хватает, — произносит тихо Сергей.

Я собираю все свои силы в кулак и все же поворачиваю голову, чтобы удостовериться в правдивости его слов.

Сергей сидит неподвижно, опустив темную голову. Я не вижу его лица, не могу поймать его взгляд, но отчего-то отчаянно верю или просто хочу верить.

— Ты женишься? Поздравляю, — неизвестная мне ранее язвительность, ядовитой змеей пробирается в самое нутро, заставляя горько ухмыляться.

Я наблюдаю, как Сергей вздрагивает и резко поднимает голову, чтобы встретиться со мной взглядом. Глаза в глаза. Внахлест. Словно два противника на поле боя и это решающий поединок, который рассудит кому продолжать жить, а кто падет смертью храбрых, истекая кровью. Хотя я и без того знаю победителя...

Я отвожу взгляд первой. Просто потому что не выдерживаю того напряжение, тех искр, что вспыхивают между нами. То ли ненависти, то ли боли, то ли страсти. Искры, включающие во мне воспоминания, о которых я давно предпочла бы забыть...

«— Нравится? — спрашивает муж, обнимая меня со спины и не забывая при этом поглаживать прилично округлившийся животик.

— Нравится, — счастливо заключаю я, разглядывая ремонт, сделанный в детской комнате и млея от нежных касаний Сергея.

— Старался к твоему приезду, — горячее дыхание мужа обдаёт мою ушную раковину, и я жмурюсь, чувствую внутри себя, как плещется абсолютное и всепоглощающее счастье. Совсем скоро нас будет трое и моя жизнь обретет еще больше красок.

— Я люблю тебя, — оборачиваюсь, утыкаясь носом в его твердую грудь и дышу. Глубоко, размеренно, стараясь впитать каждой клеточкой кожи его запах.

— А я тебя, — широкая ладонь Сергея нежно гладит меня по голове.

— Скажи, что это навсегда? — прошу я.

— Навсегда, — твердо отвечает Сережа и хрипло смеется. — Глупенькая, конечно навсегда.»

Навсегда... Как оказалось, ничего не бывает вечным. Как оказалось, выдержать радость может каждый, а вот горе... Горе мы не пережили.

В ушах до сих пор звенит его смех. Я ведь верила ему. Безоговорочно. Верила, что любые проблемы и сложности мы сможем решить, главное не отпускать руки друг друга.

— Мне надо идти. Прости, — прерывает молчание Сергей. — Тебя подвезти? Я на машине.

Отрицательно качая головой и в какой-то прострации поднимаюсь со скамьи. Наблюдаю за тем, как Сережа возлагает цветы на могилу и лбом упирается в памятник, что-то беззвучно говоря на прощания нашему сыну.

Я не знаю зачем иду вместе с ним. Словно в каком-то бреду, дохожу до ворот и смотрю, как он спешно направляется к своей машине. Как из авто выскакивает красивая стройная блондинка, стоит ей из окна автомобиля увидеть меня, виснет у Сергея на шею, страстно целуя в губы, подобно пиявке присасываясь к бывшему мужу.

Мне казалось, что я давно переболела. Что ничего больше не сможет меня ударить сильнее, но именно эта демонстрация его новой жизни заставляет сердце болезненно сжиматься.

Калейдоскоп событий, сотканных из прошлого, пролетает перед глазами. Мы — прошлое. Она — настоящее. И с этим уже ничего не поделаешь. Я сама собственноручно вручила ему билет в новую жизнь. Дала шанс выпутаться из паутины потери, научиться дышать по-новому.

Мне надо идти. Скорее скрыться от столь миловидной картины. Надо забыть, как страшный сон и вернуться к тому состоянию, когда изморозь спасала от боли. Надо, но я продолжаю стоять. Истязая себя, подобно мазохисту и жду непонятно чего, закусывая щеку изнутри едва ли не до крови.

— Вика, — Сергей отлепляет от себя невесту и хмурит брови.

— А Вы Яна, да? — щебечет девушка и, улыбаясь, протягивает мне ладошку. — Наслышана. Вы получили моё приглашение на нашу свадьбу? Сергей говорил, что Вы расстались друзьями, вот я и подумала...

Я вопросительно вскидываю брови, вглядываясь в лицо бывшего мужа.

Друзьями... После всего, что между нами было, после всех испытаний, которые выпали на нас, мы оказывается остались друзьями. Надо же.

— Да. Друзьями, — киваю я, поджимая губы.

— Так Вы придете на свадьбу? — напирает Виктория.

— Вика, иди в машину, — аккуратно беря за локоть невесту, Сергей обратно усаживает её в салон авто и зло хлопает дверью.

Это выглядит по меньшей мере странно и совершенно неподходяще для любящего мужчины, но я молчу, оставаясь лишь сторонним наблюдателем в семейных разборках.

— Ян, я не знал, что она решит отправить приглашение. Я поговорю с ней обязательно.

— Все нормально, — я даже пытаюсь улыбнуться. Выходит, из рук вон плохо и лицо перекашивает какая-то нелепая гримаса.

— Яна, — Сергей пытается сказать еще что-то, но я взмахом руки перебиваю его.

— Жизнь продолжается, — озвучиваю слова, которые совсем недавно услышала от начальника и не прощаясь, разворачиваюсь, чтобы уйти.

Где-то между лопаток ощущаю обжигающий взгляд и с каждым шагом, я ускоряюсь в пустых попытках сбежать. От прошлого, от будущего и от самой себя, понимая бесполезность своих попыток.

4.1. Яна

«И сказал мне ангел: «Чуть-чуть продержись»

Я завтра подарю тебе новую жизнь
Завтра подарю тебе новую жизнь
Я подарю тебе новую жизнь.»
Баста ft. Полина Гагарина-Ангел Веры

Яна

Я шагаю по людной улице огибая обычных прохожих, спешащих по своим каким-то важным делам. Прохожу улицы, перекрестки, останавливаюсь, чтобы посмотреть на стаю голубей, собирающую крошки у фонтана, смотрю на абсолютно ясное небо, которое совсем недавно непроглядно было затянуто тучами.

Я вроде бы жива. Вроде бы чувствую, как все еще мокрые волосы неприятно липнут к щекам, вижу осуждающие взгляды окружающих на мой весьма потрепанный вид, слышу невероятную какофонию звуков, сотканную из гула людских голосов, криков детворы, гудков автомобилей.

Да, я жива. Однозначно. Жива вопреки тому, что сегодня больше прежнего хочется умереть. И дело даже не в невесте Сергея, которая из кожи вон лезла, показывая свое превосходство. Хотя и её появление на кладбище стало для меня сродни предательству со стороны бывшего мужа. Очередному предательству.

Саша — наш сын! Наш! Мой и Сергея. И никакая Виктория не должна касаться его светлой памяти и омрачать её своим присутствием.

Я понимала, что меня несет. Что, впрочем, было совершенно не удивительно в сложившейся ситуации. Знала, что Сергей никакого злого умысла не имел, что возможно все показательные выступления его невесты не более чем от малого ума, но легче не становилось. Более того, было только хуже.

Зачем он снова возник в моей жизни? Зачем раз за разом все чаще напоминает мне о себе и о нас прошлых?! Почему мне так больно и как вновь научиться быть холоднокровной, когда больше всего на свете, хочется лежать на полу в позе эмбриона и выть от боли вместе с безысходностью?!

Я резко останавливаюсь посреди тротуара, чтобы перевести дыхание. Часто моргаю, в попытках прогнать дрожащие на ресницах непрошенные слезы, где-то на границе сознания, будто сквозь слой ваты, слыша возмущенное фырканье прохожих, которым теперь приходится меня обходить.

— Караул! Держи вора!

Громогласный женский крик заставляет меня очнуться. А следом, словно маленький вихрь из близлежащей булочной вылетает мальчонка, врезаясь прямиком в меня.

Да только и это стечение обстоятельств, абсолютно не становится для него помехой. Отряхнувшись подобно мокрому воробушку, он еще теснее прижимает к себе буханку обычного темного хлеба и снова срывается бежать, подальше от разъяренной продавщицы.

Я будто каменею. Сердце пропускает удар: один, второй, а потом снова начинает в приступе бешеной тахикардии. И в памяти каленым железом отпечатываются большие испуганные синие глаза мальчика. Точно такие же, как были у моего Саши...

Это было проведение. Тот самый шанс на жизнь, который я отчаянно молила на могиле сына. Иначе как объяснить появления ребенка именно в тот момент, когда силы совершенно покинули меня, я не знала.

— Сколько он должен? — голосовые связки не хотели поддаваться, поэтому мой вопрос

больше был похож на набор каких-то невнятных звуков и букв.

— Что? — запыхавшаяся женщина, оттерла ладошки о белый фартук, завязанный на её округлой талии и уставилась на меня, нахмутив темные кустистые брови.

— Сколько он должен за хлеб? Я заплачу.

— Ваш что ли? — подозрительно протянула женщина, но сумму все же назвала, грозно наблюдая за тем, как я копошусь в сумке в поисках кошелька.

— Мой, — кивнула, вытаскивая купюру большего номинала, чем стоимость украденного хлеба.

— Воспитывать детей надо, дамочка, — продавщица вырывает у меня из рук деньги, окидывая мою фигуру осуждающим взглядом и покачав головой, идет прочь, бубня себе под нос про неблагополучных мамаш, которыми почему-то не интересуются органы опеки.

Я оглядываюсь в поисках своего беглеца, но ребенок давно затерялся в толпе спящих людей, вместе со своей добычей. И где искать его я даже не представляла.

Улица оживленная, дворов, где можно спрятаться, тоже уйма. А дитя явно было голодное, судя по тому с какой нежностью он прижимал к груди эту несчастную копеечную булку хлеба и убежал он вероятнее всего недалеко, чтобы как можно скорее иметь возможность утолить свои потребности.

Прохожу немного вперед, заворачиваю за угол в подворотню, огибаю жилой дом и утыкаюсь в аварийное здание, которое давным-давно подлежало сносу, но у местных властей так и не дошли руки стереть его с лица земли.

Мысли путаются, от чего голова неумолимо начинает гудеть, вызывая ноющую боль в затылке. Но вопреки этому, сжимая кулаки, я продолжала идти.

Ступая по разбитым ступенькам бывшего многоквартирного дома, я мысленно молилась, чтобы мои догадки оказались правильными, и беглец прятался именно здесь. Что будет дальше, когда ребенок будет найден, я предпочитала не загадывать.

Заброшенное здание навевало ужас. Тут и там валялись старые детские игрушки, стены пестрели граффити и матерными словами. То и дело я подворачивала ноги, спотыкалась, огибая самые, как мне казалось, опасные участки. В воздухе пахло испражнениями, а на ступеньках и вовсе обитала мумия усопшей кошки, больше напоминающая тряпочку, чем когда-то бывшее живое существо.

Я обхватила себя руками и закусил губу, чтобы невольно не запищать от испытываемого ужаса. Место явно хранило в себе далеко не миролюбивые воспоминания и лишь страх, что я не найду ребенка, гнал меня дальше, невзирая на подозрительные шорохи и писк хозяйничающий по углам крыс и мышей.

— Ты кто? — детский голосок впечатался мне прямым в спину, заставляя тело вздрогнуть от неожиданности.

Медленно обернувшись, чтобы не напугать мальчика своим ошалевшим видом, я облизала пересохшие вмиг губы и вперила в него взглядом.

Ему было не больше семи лет. Столько же бы исполнилось Саше в этом году. И кожа его имела более темный оттенок, чем у моего сына, хотя возможно решающим был слой грязи и пыли на лице ребенка. А еще у него был шрам на лбу. Точно такой же как был у моего, но отраженный зеркально.

Ноги подкосились. Я уперлась ладонью в стену, чтобы окончательно не свалиться на грязный пол и смотрела, смотрела, смотрела... Любовалась каждой его черточкой, каждой родинкой, каждым пятнышком на чумазом лице. Словно вернулась в прошлое и видела в нем

своего сыночка.

— Тебе плохо? — настороженно уточнил ребенок, но сделал несколько шагов назад, явно опасаясь меня и страшась.

— Нет, — я покачала головой. — Уже нет.

4.2. Сергей

«И, вспоминая меня

Ты, вспоминая меня

Вновь ненавидишь себя

Ведь она не я»

Artik Asti — Она не я

Сергей

Сажусь за руль, устало протирая лицо ладонью, чтобы хоть как-то прийти в себя. Еще ни один поход на могилу сына не вызывал во мне такую неподходящую в данный момент бурю эмоций.

Я вновь увидел Яну. Сидел рядом, почти касаясь её плеча своим и боролся с одержимостью просто обнять её, прижать к себе, вытереть мокрые от слез щеки.

Она изменилась. Похудела почти до неузнаваемости, осунулась. И лишь взгляд когда-то давно любимых глаз, остался таким-же невыносимо пустым, как и в последнюю нашу встречу.

Я предпочитал помнить её другой. Яркой, манящей, живой. Когда она бросалась в мои объятия и в глазах плескался нерастроченный океан любви. Когда глядя на нее, я не верил, что заслужил у судьбы в подарок чистое сокровище. Когда её облик, подсвеченный золотым сиянием, всегда стоял перед глазами, независимо от того был ли я рядом с ней или нет.

Я не видел других женщин. Их просто не существовало в моей жизни. После тяжелого рабочего дня среди искусственных улыбок и пластмассовых лиц, я летел домой, чтобы прижаться лбом к её груди и выдохнуть, пусть всего на один вечер, забыв, что за дверью моей тихой гавани, я вновь начну безудержную гонку за успехом и деньгами.

Только вот затем началась другая гонка. Гонка, где на кону стояла жизнь нашего сына. И в ней мы оба с треском проиграли.

Я банально устал. Устал гнаться за чем-то, устал от безуспешных попыток удержать Яну на плаву, когда как она заживо хоронила себя вместе с сыном.

Да, это было эгоистично с моей стороны. Да, я предал её в какой-то степени. Но сейчас что-то большее, чем чувство вины неистово билось в груди, не давая мне мыслить здраво.

— И что это было? — напомнила о себе Вика недовольно, едва ли, не подскакивая от праведного возмущения на заднем сидении моего автомобиля.

Я бросил хмурый взгляд на отражение невесты в зеркало заднего вида и неопределенно хмыкнул. Из головы совершенно вылетело, что в салоне автомобиля я оказался не один.

— Хотел спросить то же самое. Что это было, Вика? Какого хр*на ты вообще полезла к моей бывшей жене?

— А что не так, позволь узнать? Ты сам сказал, что вы расстались без ссор и скандалов, по обоюдному согласию. Я думала, что тебе будет приятно, пригласи я её на наше бракосочетание, — Виктория независимо откидывает светлые волосы с плеч и принимает оборонительную позицию, скрещивая руки на груди и упрямо задирая подбородок. — А вот ты...

— Лучше молчи, — во мне начинается закипать гнев. Я предпочитаю не продолжать, но посыл и без этого ясен.

Я все чаще стал задумываться над тем, что со свадьбой мы поспешили. А с возвращением в мою жизнь Яны и подавно.

Любил ли я Вику? Возможно. Но явно не той всепоглощающей, жертвенной любовью, которую испытывал к Яне. Виктория была интересной, местами забавной. Она почти не раздражала и не выводила меня из себя. Всегда была рядом, но кроме благодарности долгое время я ни чувствовал ничего. Абсолютно ничего.

Холодность Яны в свое время затронула и меня. Выжгла изнутри возможность любить. Любить кого-то еще, кроме нее самой.

— Сереж, — Виктория преображается ментально. — Прости. Я не думала, что тебя это огорчит.

Блондинка всегда умело чувствует грань, когда перегибает палку и злит меня этим. И это в какой-то степени меня даже восхищает, пусть и на языке появляется горький осадок.

«Огорчит» — насмешливо хмыкает внутренний голос.

Меня мало что может огорчить в моей жизни. Черт возьми, да я счастливчик. У меня есть все, что ассоциируется с ярлыком: «идеальная жизнь»: деньги, красивая женщина, успех в работе, недвижимость, автомобиль. У меня есть всё... Кроме выхода.

Маятник раскачивается со стороны в сторону. Яна и Вика. Черное и белое. Жизнь и анабиоз.

Я не понимал, почему вдруг так остро встал этот выбор. Всего одна встреча и один телефонный звонок и прошлая жизнь, вдруг разорвала моё сознание. Вытряхнула наружу все сомнения, насильно заставила взглянуть на заново выстроенный мир под другим углом.

— Любимый, — изящные ладошки Вики скользят по плечам, разминают напряженные мышцы, дарят ласку. — Прости.

И этот хриплый шепот на ухо, но только память яркой вспышкой подкидывает совершенно другую сцену, и я не могу ей сопротивляться, как не пытаюсь.

«— Дай поработать, — смеюсь я, пытаюсь отодвинуться от льнувшей ко мне жены.

Кончики тонких пальчиков, оглаживают плечи, пробираются к вороту рубашки, в попытках его расстегнуть. Я пытаюсь ускользнуть, но уже знаю проигравшего в этом неравном «бою».

— Нет, — смеется Яна, категорически качая головой. — Совсем со своей работой забыл про жену. А ей нужна ласка, любовь и обожание.

Я сдаюсь. Послушно закрываю крышку ноутбука и привлекаю девушку к себе, усаживая легкую, словно перышко жену на колени.

Нежность и жажда пополам борются во мне. Одна часть беснуется и требует немедленно обладать своей женщиной, а другая наслаждается моментом тепла и душевной близости. И я никак не могу привыкнуть к этим противоречиям, ибо всю жизнь считал себя зажатым сухарем, который лишь пользуется, но отдавать любовь не умеет.

С Яной не получалось быть бесчувственным. С ней все было абсолютно иначе. И каждый раз целуя её сладкие губы я убеждался в этом. Она была другой. Частью моей души, родным человеком, любимой женщиной.

Я убираю гриву волос с её лица, беру его в ладони и долгое время просто смотрю в глаза. Почти не мигая, страшась упустить мельчайшие искорки в радужке её очей.

— Так не бывает, — выдыхаю я. — Признайся: ты моё воображение?

Она вновь заливисто смеется, качая головой. И я люблюсь, сжимая её в своих объятиях столь крепко, что кажется еще немного и она запищит от боли.

— Люблю тебя, — Яна целует меня в уголок губ. — И если ты когда-то надумаешь уйти — я умру. Обещаю.

— Сколько же глупостей в твой славной головке, — недовольно отзываюсь я и ловлю её губы в свой плен.»

— Я отвезу тебя домой, — припечатываю, убирая руки Виктории со своих плеч. Слишком большой диссонанс вносят они сейчас.

— Но милый, мы же хотели... — неуверенно тянет она.

— Планы поменялись, — прерываю её я и завожу мотор.

В голове абсолютная пустота. Я даже не помню, что конкретно мы хотели и куда собирались ехать, но четко осознаю, что не могу видеть сейчас свою невесту. Не могу и не хочу.

5.1. Яна

«Надежда кажется призраком,
но за спиною стоит, как живая.

Чего ты ждешь?

Обернись, обрети ее вновь!»

Ирина Дубцова ft. Виктор Романченко — Живи

Яна

На веранде уютной кофейни было сегодня многолюдно, что, впрочем, совсем не удивляло, если учитывать, обеденное время буднего дня.

Нам повезло. Именно в тот момент, как мы подошли, освободился один из столиков за который я для начала усадила ребенка, сняв с него грязную, надвинутую на глаза шапку и присев напротив, разместила головной убор и свою сумку на оставшимся свободном стуле.

— Тут красиво, — с любопытством диковатого зверька поделился со мной мальчик, вертясь по сторонам.

Я так и не узнала, как его зовут. Попросту не успела. Много времени мне понадобилось, чтобы вернуть себе хоть какое-то самообладание и не напугать ребенка еще больше. Я была уверена, что сейчас скорее похожа на какую-то городскую сумасшедшую, чем на адекватную женщину. Однако, упоминание горячего обеда и вкусного десерта, заставило дитя преодолеть страх и доверившись, пойти со мной. Правда, то и дело, мальчишка оглядывался по сторонам, держался обособленно и напряжено, готовый в любой момент скрыться от меня в неизвестном направлении.

Я понимала его. Доверия я заслужить не успела, да и мой странный растрепанный вид его не внушал. Я все понимала, но материнское израненное сердце не могло видеть, оно умело лишь чувствовать. И в этот самый момент оно било набатом о том, что этот ребенок нужен мне так же остро, как нужна ему я.

— Тебя как зовут? — спросила, жестов пододзав девочку-официанта.

— Тимофей, — шмыгнул малыш, рукавом тоненькой засаленной курточки, вытерев нос. — Мама называла Тимкой.

— Тимка, значит, — улыбка непроизвольно растянула мои губы.

Я и забыла, что умею улыбаться. Не скрываться за маской профессиональной усмешки, а улыбаться. Просто потому, что хочется. Просто потому, что замерший нос Тимофея вызывал во мне отнюдь не отвращение, а умиление.

Подошедшая официантка явно не лучилась добром. Смотрела искоса, отмечая и мои спутанные волосы, и бледное лицо, и Тимкину грязную одежду. Осуждение так и плескалось в её глазах, пополам с подозрением об неплатежеспособности клиентов.

— Ваше меню, — девушка аккуратно положила две папочки на стол, стараясь как можно меньше контактировать с окружающим нас пространством и шустро удалилась.

— Они смотрят, — поведал мне Тима, рассматривая кучку, собравшихся чуть поодаль, обслуживающего персонала кафе. — Боятся, что мы уйдем не заплатив. Но мы же заплатим, правда?

— Правда, — кивнула я и пододвинула папку с меню к себе, листая странички с предложенными вариантами блюд. — Будешь суп? Или лучше сразу второе? И еще чай, наверное. Ты замерз.

Тимофей задумчиво рассматривал меня из-под лба и молчал. Я же пыталась не подать вид, что его колючий взгляд заставляет меня нервничать и переживать. Что если он опять сбежит? Искать маленького мальчика в большом городе, равноценно поиску иголки в стоге сена.

Руки нервно начали подрагивать, и я захлопнула меню, тем самым пытаюсь хоть как-то скрыть их тремор, чтобы не выдать Тиме своё взвинченное состояние.

— Значит: всё и сразу, — решительно откликнулась я и подозвав официанта, тут же заказала стандартный комплексный обед, дабы избежать долгого ожидания еды.

— Вы сдадите меня на органы? — вдруг спросил Тимофей, отчего подошедшая с супом девушка, споткнувшись, едва не пролила содержимое тарелки.

Кажется, мы привлекли теперь еще больше ненужного внимания.

Я и сама поперхнулась воздухом от назревшего вопроса в маленькой голове ребенка. И даже подумать не могла, что его глазами ситуация выглядит более чем подозрительной.

— Что? — я откашлялась. — Нет, конечно. Откуда такие мысли?

— Пацаны рассказывали, — Тимофей задумчиво столовым прибором стал черпать принесенный суп, при этом не забывая поглядывать на меня.

Набрав полную ложку ароматного куриного бульона с лапшой, дитя принялось и с некой опаской поднесло еду ко рту. Попробовал, едва касаясь губами, радостно вспыхнул, будто бы фитилек и набросился на суп, словно не ел тысячу лет.

Я подперла рукой подбородок и боялась произнести малейший звук, чтобы не отвлечь ребенка от столь увлекательного занятия, как поедание вкусной пищи.

— Вкусно? — тихо поинтересовалась.

— Угу, — кивнул Тимофей с набитым ртом, пихая горбушку простого темного хлеба в рот.

Я удовлетворенно замолкла и все время, пока Тимка насыщался едой, молча за ним наблюдала, переживая лишь о том, чтобы из-за долгой голодовки ему не стало плохо от количества поступившей в организм пищи.

— Наелся?

— Угу, — промычал ребенок и шустро схватив шапку со стула, прижал к щуплой груди. — Ну я пойду тогда?

— Куда?

Паника ударила в район солнечного сплетения. Я не могу его отпустить. Куда он пойдет? Снова голодать? Скитаться по заброшенным домам? А если действительно существует эта банда, которая крадет ребят и сдает на органы? Я ведь не единожды видела пестрящие заголовками новостные ленты о пропаже детей.

— Где твои родители?

— Мама умерла, когда мне было три, — пожал плечами Тимофей.

Саша умер, когда ему было три и в это самое время Тима потерял родную мать. И этот факт, всё больше заставил уверовать меня в правильность своего решения. Осталось уточнить лишь один момент...

— А отец?

— Батя пьет, — Тима опустил глаза и быстро заморгал, стараясь прогнать столь непрошенные слезы.

Я видела, что эта тема слишком болезненна для него, ведь тот, кто должен был стать опорой бросил его на произвол судьбы. Бросил маленького, незащитного ребенка в океан людской злобы и ненависти. Заставил выживать в мире где выйти ночью из дома и вернуться живым и невредимым, сравнимо с героизмом, и где давно надо бояться не чудовищ, а людей. Они гораздо страшнее.

Мы были похожи. Однажды, я тоже осталась один на один со своей болью. Захлебывалась в ней, утопала, как та самая лягушка. Только она смогла взбить из сливок масло, а меня забросили в ледяную воду и мне ничего не оставалось, как самой превратиться в лед, чтобы иметь хоть мизерные шансы на выживание.

Мы были похожи. И мы должны были держаться вместе — это я знала со стопроцентной уверенностью.

Я расплатилась за обед и поспешила ретироваться из враждебно настроенного заведения скорее, прихватив сумку и подав руку своему маленькому джентльмену.

— Я отведу тебя к отцу.

— Зачем? — встрепенулся Тимофей и глаза вновь забегали в поисках убежища.

Руки Тима мне так и не дал. Проигнорировал её и спрыгнув со стула, натянул свою кошмарную шапку на косматую голову.

Я была зла, напугана, раздосадована и все эти чувства жили во мне, бурлили, отрезвляли. словно, я вернулась назад в прошлое, где умела любить и боролась до последнего за свою любовь.

Еще утром я не понимала, почему живу. Еще утром я, упираясь лбом в могильную плиту сына, ожидала смерти, будто освобождение от мук. Но как же далеко было это утро, словно в другой жизни.

— Мы заберем твои вещи, а дальше будем думать. Ладно? — мы вышли из кафе, и я резко остановилась, присаживаясь на корточки возле ребенка. — Посмотри на меня, Тима. Я не дам тебя в обиду. Обещаю. Сама не обижу и никому не дам больше обижать.

5.2. Яна

«Ерунда:

Все советы и здравый смысл

Против смерти есть только жизнь

Навсегда — только жизнь»

Анжелика Агурбаш- Я буду жить для тебя

Яна

— Почему? — спросил Тимофей, глядя упрямо мне в глаза.

Абсолютно логичный вопрос ребенка поставил меня в тупик. Я не знала, что ему сказать, но и отмалчиваться было не выход.

— Я просто хочу помочь, — пожала плечами, осознавая глупость своего объяснения.

Впрочем, Тимофей, насколько я уже поняла, был достаточно умным ребенком и мои аргументы его очевидно не устроили. Он нахмурил брови, взглянул на меня серьезно и даже слегка сердито и упрямо мотнул головой.

— Ты не бывает. Люди не помогают просто так, — фыркнул он.

За его заявлением явно стоял, несмотря на юный возраст, достаточно богатый жизненный опыт.

Мои глаза непроизвольно увлажнились. Я не могла представить, что пришлось пережить этому малышу и какие еще испытания ждали бы его в дальнейшем. Но моё решение не отпускать его было непоколебимым. Возможно, сейчас я делала самую большую глупость в своей жизни, но, если эта самая жизнь давно бездыханным телом валяется на дне пропасти, то риск был вполне оправдан.

— Не бывает, — соглашаюсь я, поджимая губы.

Потому что он чертовски прав в этом моменте. И если родные люди предпочитают отворачиваться, то если ли смысл говорить что-то про абсолютно посторонних?!

— Если я скажу, что это ты помогаешь мне, а не наоборот? — спустя секунду раздумий, произношу я.

— Как это?

— Это сложно объяснить, Тимка. Очень сложно. Когда-то я расскажу тебе, но чуть позже. Просто поверь, что у меня нет ни единого злого умысла. А теперь нам пора идти, — я выпрямляюсь, одергивая одежду и, улыбнувшись, вновь подаю ему руку, мысленно ожидая нового вопроса или протеста со стороны ребенка.

Он в своём праве отказаться. Я не могу неволить его или навязывать своё общество, но до чего же муторно внутри. И в душе самая настоящая война со своими желаниями, которые вопят и требуют прижать его косматую головку к груди и не отпускать. Никогда. Стать ему тем ангелом-хранителем, которым должен был быть его отец.

Тимофей сверлит меня взглядом минуту, которая превращается едва ли не в целую вечность. Я вижу, что он хочет поверить мне, но не решается. В нём живут страхи и опасения, которые поможет развеять лишь время.

— Ладно, — шмыгнув сопливым носом, выдает Тимофей.

Дитё натягивает шапку на глаза еще сильнее и, засунув руки в карманы куртки, кивает подбородком в противоположную от кафе сторону:

— Пойдем. Если повезет, застанем батю в адекватном состоянии.

«Если повезет» — про себя повторила я.

Что будет, если нам не повезет — думать не хотелось. Но судя по той решимости с которой Тимка шагал вперед и по напряженной, вытянутой струной спине, и по почти остекленевшим глазам, словно веду я его на казнь, везение обойдет нас стороной и план побега, стоило продумать немедленно.

И когда я вдруг решила, что причину забрать Тимофея к себе домой искать не стоит и

оголодавший ребенок сам по себе уже весомая причина, Тима затормозила возле обычной панельной пятиэтажки и изрек:

— Пришли.

Мы стояли друг возле друга, синхронно запрокинув голову и разглядывая безмолвные темные окна дома. И я все же не глядя нашла его маленькую ладошку и крепко сжала в своей руке, не позволяя себе большего.

«Он — не Саша. Он — не твой сын!» — твердил разум упрямо, но сердце уже не желало слушать. С первой секунды, как я увидела этот взгляд голодных глаз, оно оглохло, своим галопом заглушая любые дурацкие мысли.

Вполне возможно, что я сошла с ума. Окончательно слетела с катушек, помешалась на почве незаживающей раны в сердце. Да, именно так. Отрицать будет бессмысленно и глупо, как, впрочем, и пытаться это исправить.

Момент слабости проходит быстро. Тимофей хмурит брови, разглядывая мою руку, а затем и вовсе, вырвав ладонь, направляется в сторону подъезда.

Безмолвной тенью я следую за Тимкой, когда мы поднимаемся на третий этаж и останавливаемся напротив стандартной, слегка покосившейся железной двери, где отверстие дверного глазка, заклеено обычной пожелтевшей газетой.

— Мы можем не ходить, — предупреждаю я. — Хочешь, поедем ко мне домой? У меня есть большой телевизор, а по дороге купим конфет!

— Нет, — отчеканивает Тима и прерывает диалог, отворяя дверь в квартиру с характерным скрипом не смазанных петель.

В нос ударяет запах спирта, вперемишку с чем-то ужасно кислым. Я сдерживаю рвотные позывы, стараясь задержать дыхание и осторожно ступаю в квартиру за ребенком, наблюдая полнейшую разруху и антисанитарию.

В углу сиротливо валяются стеклянные бутылки, стены окрашены синей, местами облупленной, краской, на потолке качается провод с тусклой лампочкой, под ногами, чувствуя себя полноправными хозяевами, бегают тараканы.

За приоткрытой дверью дальше по коридору слышны грубые мужские голоса и пьяный смех.

Тимофей поворачивается ко мне и приставляет указательный палец к губам, повелевая мне молчать и не выдавать нашего присутствия в квартире, а сам крадучись, чуть ли не по стеночке, направляется в соседнюю с кухней комнату.

Я понятиливо киваю, но рассматривая убранство квартиры не смотрю под ноги и спотыкаюсь об какие-то коробки. Звук треснувшей посуды разрывает пространство, и мужской голос затихает на полуслове.

— Тимоха, ты чего там крадешься, паразит? — пробасил мужчина. — А? Язык проглотил?

Дверь на кухню открывается резко и на пороге появляется тело в растянута майке-алкоголичке, спортивных штанах, пугая меня своей бородатой и обрюзгшей мордой.

— Опа, что за краля? Слыш, мужики. Гляди какую нам бабу мой малец подогнал! — противно ухмыльнувшись, своими маленькими поросычьими глазенками, отец Тимы стал обсматривать меня с ног до головы.

— Я забираю Вашего сына, — я пытаюсь игнорировать его зубоскаливание, сжимая кулаки до боли и твердо встречаю лоснящийся пьяной похотью взгляд мужчины.

— Чё ты сказала? — хмыкнул весело мужик и хрипло засмеялся. — Тимоху моего

решила себе прибрать к рукам, курица?

Я сглотнула нервный ком в горле и повторила громче с расстановкой:

— Я. Забираю. Вашего. Сына. Мальчик не будет жить в таких условиях с таким неадекватным папашей, как Вы. Ребенку приходится воровать еду, чтобы не умереть с голоду. Это по-вашему забота?

— Тебя, с*ка, волновать не должно, как я забочусь о своем сыне. Сначала своего щенка роди, а потом указывай, — заревел он и стал наступать на меня.

6.1. Сергей

«Я смотрел на тени, на дорогу,

Я пытался заглушить тревогу.

Сердца остановка, ни слова -

Для тебя застучало снова»

Максим Фадеев MOLLY — Рассыпая серебро

Сергей

Я был заядлым трудоголиком еще задолго до встречи с Яной. Желания жить лучше, чем остальные, выкарабкаться наконец из бедности и избавиться от ярлыка ребенка из неблагополучной семьи стали для меня лучшими мотиваторами.

Я пахал, как проклятый всю свою жизнь, чтобы потакать любым своим капризам. Пахал, когда на душе было в высшей степени паршиво, чтобы заглушить свою боль, способом гораздо более эффективным, чем легкодоступные женщины и крепкий алкоголь.

Жизнь продолжала свой бег, сменялись времена года, росли чужие дети, в то время как упоминания о моём сыне остались лишь фотокарточками в альбоме и изображением на гранитном камне. И я злился. На себя и на Яну. На судьбу в целом и на весь белый свет.

А затем, спустя год после развода, в моей жизни возникла Вика.

Наша встреча не казалась мне чем-то особенным. Обычный ужин в ресторане, обычная, пусть и красивая девушка за соседним столиком. Без флёра романтизма и электрических разрядов в сердце. Но это было уже разнообразием моих серых будней, и я мысленно отпустил ситуацию, предпочитая просто наблюдать, куда это нас приведет.

Теперь я женюсь. Забавно, но данный факт не вызывает сейчас во мне ничего, кроме зудящего раздражения, когда как я сам загнал себя в эту западню. Всё должно было быть идеально. Виктория ждала закономерный финал, что как в красивой сказке принц женится на принцессе и будут жить они долго и счастливо. Да только я далеко не принц. Хотя эту истину моя невеста отчего-то предпочитала не учитывать.

Сконцентрировать внимание на дороге получается весьма слабо. И я взащей гоню от себя мысли о Яне, переключаясь на совсем иные воспоминания, но бывшая жена не желает покидать мой разум.

Три года я пытался забыть её. Пытался, как мог и умел. Поменял машину, переехал в офис на другом конце города, полностью сменил гардероб, безжалостно выбросив в урну галстуки, что она мне дарила. Это было весьма глупо и по-детски и это не помогло. Никогда не помогало.

Периферическим зрением улавливаю смазанные тени и по инерции нажимаю на тормоза, когда как прямо перед капотом возникает девушка, держащая за руку пацаненка. И лишь затем, выдохнув и сквозь зубы выругавшись, я понимаю, что эти большие и испуганные

глаза мне до боли знакомы.

Сердце в грудной клетке пропуская несколько ударов и делает кульбит. Пальцы сжимают руль до побелевших костяшек, на лбу выступает испарина и пульс ускоряет свой бег, набатом отдавая в виски.

Молнией вылетаю из машины и размашистыми шагами направляюсь к Яне, не отдавая себе никакого отчета.

Я мог убить её. Ни среагировать, ни увидеть, прокатив на капоте своего авто. Вновь потерять её, так и не в силах обрести снова.

- Какого чёрта ты здесь делаешь? Я если бы я не успел затормозить? — я перекрикиваю недовольные сигналы автомобилей, возвышаясь над бывшей женой.

— Не кричи на меня, — холодно обрывает она, прикрывая слегка ошалелого от происходящего мальчика.

Страх отступает под гнётом арктического холода, который сочиться из голоса моей бывшей жены. И только потом я начинаю понимать, что третье действующее лицо мне абсолютно незнакомо.

Пацану на вид лет семь. Чумазый, одетый в сплошные обноски, глаза закрывает рваная челка и такая же грязная, как и он сам, шапка.

Я перевожу взгляд с него на облаченную во всё черное Яну пытаюсь найти хоть какое-то объяснение всему происходящему, но пазл упрямо отказывается складываться в единую картинку.

Выдыхаю, сквозь сжатые зубы и потираю переносицу.

Почему же у меня такое ощущение, что Яна влезла в какую-то *опу?! И это никоим образом не должно меня волновать, но, черт возьми, волнует.

— Садись в машину — подвезу, — киваю я ей.

Меня подмывает узнать про пацана и что вообще происходит, но я молча сажусь в авто, через лобовое стекло наблюдая за тем, как малец переговаривается с Яной.

До жути хочется закурить, но я вроде как обещал Виктории, что брошу и сейчас на последнем издыхании держу свои обещания. Впрочем, не только касательно сигарет.

Нельзя вычеркнуть человека из своей жизни так просто. Нельзя забыть женщину, которую ты так безоговорочно любил, просто потому что штамп в паспорте гласит, будто вы чужие друг другу люди.

Да, мы всё проср*ли. Свою любовь, доверие, наш брак. И в целом пора искоренять старые привычки рвать на части любого, кто только посмел сделать ей больно. Ибо первым делом я должен был бы порвать именно себя.

— Что у тебя с лицом? — интересуюсь, когда Яна посадив на заднее сиденье пацана, присоединяется к нему.

— Ничего, — бывшая жена отворачивается к окну, но мне хватает и пары секунд, чтобы заметить наливающийся на щеке синяк. — Отвези нас домой.

Я неопределенно хмыкаю, но завожу машину и трогаюсь с места, при этом не забывая поглядывать в зеркало заднего вида, лишней раз отмечая изгиб тонких темных бровей и сурово поджатые губы Яны и её ладонь, которая крепко сжимает руку мальчика.

— Откуда ребенок? — спрашиваю, не в силах сдержать любопытство.

— Украла, — лаконично отвечает Яна.

— Я серьезно.

— Я тоже.

Наши взгляды встречаются в зеркале заднего вида. Её упрямый и злой, мой удивленный и обескураженный. И я понимаю, что это далеко не *опа, а глобальный тры*дец.

Аккуратно выруливаю на обочину и торможу. Выхожу из машины, обхожу её и открываю пассажирскую дверь.

— Можно тебя на секундочку, — прошу Яну, отступая и засунув руки в карманы брюк.

Мне хочется заорать, стряхнуть её хорошенько, сделать хоть что-то, дабы она наконец очнулась и прекратила планомерно разрушать свою жизнь дальше. Но я молча наблюдаю как моя в прошлом любимая женщина, выходит из авто и скрестив руки на груди, задирает подбородок, приготовившись к бою.

— Так нельзя, Яна. Нельзя просто взять и украсть чужого ребенка. Это наказуемо, ты понимаешь?

— Это не твоё дело, — отрезает она, глядя мне прямо в глаза. — Моя жизнь давно уже не твоё дело.

— Яна...

— Он похож на Сашу. Разве ты не видишь? Он копия нашего сына.

— Не похож, Ян. Совсем не похож, — вздыхаю я, подходя ближе. — Он не Саша. Наш сын умер и его уже не вернешь. Надо жить дальше, слышишь? Жить, а не пытаться искать замену, которой нет и никогда не будет.

Мне стоит только протянуть руку, и она вновь окажется в моих объятиях. Всего полшага, но она права: больше я не имею никакого права находиться столь близко.

— Пошёл ты, — рычит она, словно раненый зверь и щеку обжигает пощечину, которую, как бы то ни было, я действительно заслужил.

6.2. Яна

«Бежим с тобой по лужам, бывало и похуже.

Мы оба не сдаёмся, не бойся — мы прорвёмся!»

Юлия Савичева — Не бойся

Яна

— Пошёл ты, — неосознанно размахиваюсь и бью Сергея ладонью по лицу, даже не пытаюсь сдержать kloкочущий внутри меня гнев.

Никто не вправе осуждать меня. Тем более он. Тем более сейчас, когда как я вновь начала чувствовать хоть что-то, кроме опостылевшего холода. И все это благодаря маленькому мальчику, который за пару часов сделал то, что мой муж, после смерти нашего сына, не смог сделать и за год совместной жизни: заставил меня хотеть жить.

Обезумившей фурией подлетаю к машине бывшего мужа и открываю пассажирскую дверь:

— Тима, пойдём. Сами доберёмся.

— Яна, не глупи — окликает меня Сергей, но оборачиваться у меня нет никакого желания.

Пусть катится к лешему со своими нотациями, «заботой» и тщедушными попытками якобы помочь, когда его об этом не просили. Я не сумасшедшая и прекрасно понимаю, что кража ребенка уголовно наказуема, но и оставить Тиму в квартире с буйным папашей я бы сама себе не позволила.

Упоминание о произошедшем, отзывается саднящей болью в щеке. С*кин сын умудрился ударить, прежде чем Тимка повис на его локте, не давая папаше обрушиться на

меня с кулаками. Хорошо хоть собутыльники у него оказались гораздо более адекватными и смогли его удержать, благодаря чему у нас и получилось сбежать почти что целыми и невредимыми.

Крепко держа Тимофея за руку, боясь отпустить его даже на секунду и ликуя, что он вопреки всему не делает попыток вырваться, я упрямо продолжаю идти вперед, стараясь как можно скорее укрыться от прожигающего спину взгляда бывшего супруга.

— Это твой муж? — поинтересовался Тима.

Всё это время пока мы ехали в машине Тимка сидел молча и с некой опаской наблюдал за Сергеем, то и дело напрягаясь, когда его взор останавливался на нашем отражении в зеркале.

— Бывший, — уточнила я, на ходу доставая из сумки мобильный телефон, чтобы вызвать нам такси до дома. Благо в отличие от меня, современный смартфон с легкостью может определить моё местоположение, так как убежали мы, не разбирая дороги, да и потом, уже оказавшись в одной машине с Сергеем, я не слишком обращала внимание, каким маршрутом он нас везёт.

— Мне так не показалось, — замечает дитя. — Он любит тебя.

— Глупости, — раздраженно фырчу я. — Он женится.

— Ну и дурак, — констатирует Тима, пожимая плечами.

Хмыкаю, удивляясь с детской непосредственности и улыбаюсь, глядя на серьезного и собранного ребенка.

— Почему это?

— Ты добрая. И первая, кто защитил меня от бати.

Едва сдерживаю себя, чтобы не зарыдать и прикусываю губу, разглядывая грязное детское лицо, и эту его дурацкую, надвинутую на глаза, шапку с которой он кажется не растается, и лохматую засаленную челку.

Натянута улыбаюсь до боли в жевательных мышцах и присаживаясь у его ног, прижимаю напряженное детское тельце к себе, потакая древнему, как сама жизнь, материнскому инстинкту.

И пусть ученые всех стран мира твердят, что пресловутого инстинкта не существует. Что у людей и вовсе нет никаких инстинктов. Одно я всецело знала — это мой ребенок. Мой и точка. Без каких-либо оправданий и обреченных на провал попыток меня образумить.

— Ты чего? — прищурился Тима, отодвигаясь от меня.

— Ничего. Прости, пожалуйста, — отстраняюсь, чтобы и дальше не пугать ребенка своим напором и, как ни в чем не бывало, произношу, украдкой вытирая мокрые от непроизвольно набежавших слез, щеки. — Вот и наше такси.

— Да ладно, — буркнул, отмахнувшись от меня Тимофей и засунув руки в карман куртки, побрел в подъехавшему автомобилю с желтой шашечкой на крыше, смурно поздоровавшись с водителем.

Ему было три, когда он лишился материнского тепла и заботы. Три, когда отец стал беспробудно пить и я уверена, бить ни в чем неповинного ребенка. И думая об этом, единственное, что мне хочется сделать, это вернуться и задушить подонка голыми руками. Просто за то, что обычные объятия ничего кроме страха и непонимания у семилетнего ребенка больше не вызывают.

Присаживаюсь рядом, продиктовав водителю адрес и отворачиваюсь к окну, отмечая про себя, что машина Сергея, которую я так старательно игнорировала, но она все равно

молчаливо следовала за нами по пятам, уезжает.

Возможно, он прав. Нельзя украсть чужого ребенка. Да вот только если он не чужой?! Ведь за краткий миг нашей встречи, я успела прикипеть к Тимке. И я чертовски боюсь, что это вновь обернется новой трагедией, после которой шанс остаться в живых будет равен нулю.

«Он любит тебя» — насмешливо повторяет слова Тимофея внутренний голос.

Наша любовь была яркой и обжигающей. Но потухла так же быстро, как и разгорелась. Просто вместе со смертью нашего сына, всё вдруг рухнуло и развалилось. И оказалось, что «нас» уже давно нет. И лишь Сашенька был тем суперклеем, что держал эту шаткую конструкцию, которую мы по привычки все еще называли: «семьей».

— Приехали, — оповещает таксист, вырывая меня из размышлений.

Расплачиваюсь и пытаюсь помочь Тиме выбраться, но он старательно игнорирует мою руку и снова закрывается в себе.

Тихонько вздыхаю, понимаю, что кажется действительно немного перегнула палку и направляюсь к подъезду.

Нервы скручиваются тугим комком, и с каждой ступенькой руки начинают подрагивать. Моя обитель впервые за три года впустит кого-то еще, кроме меня. Мой личный зал скорби и памяти, где каждая вещь все еще хранит след Саши. Каждая безделушка и даже маленькая зубная щетка с ручкой в виде динозавра, возле зеркала в ванной комнате.

Я так и не смогла убрать лишнее. И не позволяла притрагиваться Сергею к этим вещам, чтя их как что-то святое и неприкосновенное.

— Ого, — вырывается у Тимофея, как только мы оказываемся на пороге моей квартиры.

Взгляд ребенка тут же прикипает к фотографиям на стенах и он с любопытством маленькой обезьянки, позабыв снять свои грязные ботинки, шлепает по ламинату, оставляя черные следы после себя.

Я скидываю обувь, снимаю кофту, страшась новых вопросов, которые непременно созреют в детской голове.

Вот я одна на берегу Черного моря. На мне летящее белое платье, волосы развеваются на ветру, глаза горят, улыбка озаряет всё вокруг.

Вот свадебная фотография. Где я и Сергей счастливо улыбаемся на камеру. Его крепкая ладонь покоится на моей талии, а я будто бы крошечная рядом с ним, лгну к его боку, пряча лицо в букет нежно-розовых роз.

Вот я беременная Сашей, вот и сам новорожденный сыночек, а далее фото из садика, аккуратно перед постановкой страшного диагноза.

Я прохожу их все вместе с Тимофеем. Прохожу, закусив изнутри щеку до крови, чтобы не впасть в очередную истерику. Нельзя. Только не сейчас. Только не рядом с Тимой.

— А это твой сын? — спрашивает ребенок, указывая пальцем на последнюю фотографию.

— Да, — хрипло отвечаю я.

— Он умер, да? — грустно продолжает Тим, и я лишь киваю, понимая, что больше не смогу сказать ни слова.

7.1. Яна

«По реке случайных событий всех ведет подруга-судьба.

В мире этом столько открытий — и все для тебя.»

Тина Кароль — Сдаться ты всегда успеешь

Яна

В холодильнике, как бы это прискорбно не звучало, повесилась мышь. Само собой, фигурально. Я даже припомнить не могла, когда в последний раз покупала хоть что-то съестное, иногда даже неделями ограничиваясь одним чаем или вином. Кстати, именно оно было единственным годным для употребления на полках.

Я еще минуту попросту рассматривала нутро холодильника, пока пространство не всколыхнул возмущенный звуковой сигнал. Отшвырнула с глухим отчаяньем дверцу, вздрогнув от слишком громкого характерного хлопка и, повернувшись, задумчиво уставилась на Тимку.

Все это время он планомерно обходил мою квартиру, то и дело зависая по несколько секунд на каждой мелочёвке.

Тимофея интересовало абсолютно всё. От бумажных книг на высоком стеллаже в гостиной, до кухонной утвари на тумбах, которая давно покрылась толстым слоем пыли. Его маленький чуткий нос ищейки умудрялся заглянуть в каждый уголок, тем самым заставляя раз за разом моё сердце выворачиваться наизнанку.

«Ребенок не виноват, что ты съехавшая с катушек истеричка» — про себя повторяла я, как мантру. И все равно вздрагивала, когда детская ладошка хватала с тумбочки рамку с фотографией или детскую книжку, которую я читала Саше перед сном.

Я вновь отвернулась к холодильнику, припечатав себя к одному месту и до мушек перед глазами зажмурилась. Уткнулась лбом в холодную сталь теплоизолированной камеры и попыталась посчитать до десяти.

Надо отвлечься. Первым делом решить что-то с продуктами и одеждой. Не будет же Тима ходить в этих грязных и вонючих обносках. Да и урегулировать вопрос с работой не мешало. Про неё мозг благополучно забыл, вытеснив мысли, насыщенными событиями этого дня.

Допустим, насущный вопрос нашего пропитания решить в век современных технологий очень просто. Заказать доставку продуктов, вспомнить все свои кулинарные навыки, которыми раньше я успешно пользовалась, обожая баловать домочадцев чем-то вкусненьким. Но с остальным... Какой размер одежды у семилетнего ребенка? А обуви? Ему ведь и куртка нужна. На улице, пусть и царствует весна, холода могут еще вернуться и застать врасплох.

— А тут что? — послышался детский голос откуда-то издали.

Со всеми своими размышлениями я потеряла Тимофея из вида. Ребенок же даром времени не терял и обследовав кухню-гостиную, направился вглубь коридора, где было законсервировано самое для меня сокровенное. Место, куда я никогда и никогда не пускала. И не пущу.

— Спальня моего сына.

Я брела к Тиме, будто бы в самом настоящем бреду. Медленно, пошатываясь, делала шаг за шагом и, сжимая ладони в кулаки, впивалась ногтями в кожу.

Эта комната единственное, что у меня осталось. Живое воспоминание о моём маленьком Сашеньке. Воспоминание, которое сейчас столкнулось с новой реальностью. И прошлое схлестнулось с настоящим. И я вновь лицом к лицу со своей болью. Снова в этом же омуте и ни убежать, ни скрыться. Затопит. Утянет на дно, как это обычно и происходило.

— Я хочу есть...

— Что? — выныриваю, громко вдохнув кислород в легкие и часто моргаю, понимая, что

давно уже не стою прочно на ногах, а подпираю стену возле двери в Сашину спальню.

— Ты обещала пиццу, — пожимает плечами Тимка. — Никогда не ел пиццу. Звучит вкусно.

— Да, — киваю, словно действительно помню какая на вкус пицца.

— Круто!

Ребенок меняется в лице и можно сказать впервые за время нашего с ним знакомства, улыбается мне, демонстрируя во всей красе щербатый рот.

— А телевизор можно посмотреть?

— Угу, — утвердительно мычу, но спохватившись добавляю: — Если снимешь эту ужасную шапку.

— Ну вот, — грустно заключает Тимофей. — Уже командует.

Благодаря этой маленькой перепалке с дитём, паническая атака отступает. Заползает куда-то в дальний угол подсознания, ожидая своего часа. Я знаю, что она вернется, прихватив с собой боль. Знаю, что она моя вечная спутница, но как ребенок радуюсь такой маленькой передышке и с благодарностью смотрю на своего спасателя.

Этот ребенок был за гранью моего понимания. В один момент взрослый и рассудительный, он превращался в обычного мальчугана, гонимого своим любопытством. Улыбался, шёл на контакт. Но стоило мне приблизиться к нему больше позволенного, и он снова закрывался от меня. Наглухо закупоривался в своей раковине и сидел, пока очередная интересная и неизученная им ранее вещь, не вытягивала Тимофея на свет божий.

Такой умный и разносторонний, а с другой стороны такой дикий лесной зверек, выживший в каменных джунглях, никому не нужный и никем не любимый. До этого времени...

Шапку Тима всё же снял. Задумчиво покрутил её в руках, а потом отнес и аккуратно примостил на полочке в прихожей.

— Включить тебе мультики, пока я заказываю пиццу? — поинтересовалась, отыскав на журнальном столике пульт и помахав им в воздухе.

— Можно, — важно кивает Тимофей и опускается на пол, скрестив ноги по-турецки.

Включаю телевизор и передав ребенку пульт, беру телефон, снова направляясь в зону кухни, чтобы выполнить данное мной обещание: заказать пиццу.

Сделав заказ, при этом не забывая искоса наблюдать за Тимкой, задумчиво кручу в руках мобильный и все же набираю единственного человека, которому могу довериться.

— Яна Витальевна, добрый вечер. Приятный сюрприз слышать Ваш голос в этот день. Что-то случилось?

— Инна, мне нужна твоя помощь... — задумчиво потираю переносицу и подхожу к окну, разглядывая однотипные многоэтажки.

Как сказать своей секретарше, что правильный сноб-начальник, вдруг украл чужого ребенка, привёл его к себе в квартиру и не собирается отдавать его обратно горе-папаше, которому он собственно и не нужен.

Тишина затягивается. Инна ждет, а я все никак не могу собрать мысли в одно связное предложение, чтобы окончательно не выставить себя сумасшедшей дурой.

— Только ни о чём не спрашивай, ладно? — вздыхаю я. — Мне нужна одежда на мальчика лет семи-восьми, детская зубная щетка, паста и отпуск.

— Последнее особенно впечатляет, — после секунды молчания, произносит Инна. — А что я скажу главному?

— Придумай что-то, — пожимаю плечами, хоть и понимаю, что помощница моего жеста не увидит. — Я три года не была в отпуске. Имею право.

Поворачиваюсь, бедрами упираясь в батарею под подоконником и наблюдаю, как Тима чешет свою грязную голову, пытаясь то и дело, убрать мешающие ему засаленные пряди волос, которые норовят упасть на глаза.

— А еще машинку для стрижки волос, дегтярное мыло и заскочи в аптеку. Купи витамины, рыбий жир и что-то от вшей.

— Вшей? — переспросила девушка, но тут же осеклась: — Простите.

— Спасибо, Инна, — хмыкаю я и отключаюсь. Ведь прекрасно знаю, что секретарша выполнить все мои поручения, пусть сейчас я и нагло воспользовалась своим служебным положением.

Тихонько присаживаюсь рядом с Тимкой, полностью копируя его позу и упираюсь взглядом в экран, хоть и не улавливаю сути происходящего. Но мне этого и не надо. Я просто хочу побыть рядом, словно мы одна семья. Только он и я.

7.2. Сергей

«Возвел все эти стены и теперь перелезаю через них,
Эти мерзкие пчелы искушают меня, о, Господи,
Но я не вернусь назад.»

Перевод Jonathan Roy — Keeping me alive

Сергей

Скрип входной двери острым ножом рассекает натянутые нервы. Часы в прихожей смотрят будто с укором, напоминая мне о том, что явился я глубокой ночью, весь вечер игнорируя телефонные звонки от своей невесты.

Где-то на краю сознания уныло завывает совесть. Вика явно не заслуживает такого отношения и имеет право услышать какие бы то ни было объяснения. Но проблема заключалась в том, что этих самых пресловутых объяснений, а тем более оправданий своим поступкам у меня не было.

Всё стало слишком запутанно и сложно. И вихрь, который всколыхнулся в моей душе при встрече с Яной совершенно не желал утихать. Более того, с каждой новой встречей распался всё сильнее и сильнее, будто бы кто-то невидимой рукой закручивал меня в воронку.

Еще и этот малолетний пацан, который якобы похож на Сашку. Я раз за разом прокручивал нашу встречу в своей памяти, пытался хоть на миг удостовериться в правдивости слов Яны. Найти хоть какую-то зацепку. Но чуда не случилось.

Мало ли таких обездоленных и несчастных в нашей стране? Миллионы, возможно, даже миллиарды, но спасти и обогреть всех невозможно.

С неким раздражением швыряю ключи на тумбочку в прихожей, повесив пальто в шкаф и, стараясь не шуметь, словно какой-то вор, крадучись, направляюсь в ванную.

Отражение не радуется. Осунувшееся лицо, небритый с темной жесткой щетиной подбородок, глубоко посаженные глаза. Как будто на себе вагоны разгружал, а не корпел в офисе над бумагами.

Да и как корпел. Пытался по крайней мере. Только работа избавиться от зудящих мыслей не помогала.

В своей голове я перебирал несколько вариантов развития событий и ни один из них мне не нравился. В любом случае было очевидно, что Яна вляпалась. Хорошенько так.

Основательно. И, впрочем, действительно — это не моё дело. Оставить бы все как есть, вспомнив, что на носу свадьба с женщиной, которая меня беззаветно любит. Однако, вместо этого я...

Вместо этого я как раненый зверь мечусь в воображаемой клетке, пытаюсь забыться. Три года я закапывал глубоко в себе все воспоминания, связанные с прошлой жизнью. Оправдывал сам себя, что поступил тогда правильно, дав Яне право выбора. Ушёл, исполнив её желание. Сдался, не в силах больше находиться на этом минном поле, в которое она превратила наши жизни. Хр*нов праведный идеалист!

Криво усмехаюсь и открываю кран с ледяной водой. Подставляю голову под мощный напор струи, ладонями схватившись за края раковины и статуей замираю на месте, ощущая, как стальные щупальца холода сковывают разум, будто бы пытаюсь спасти меня от самого себя.

Не знаю сколько нахожусь в таком аморфном состоянии. Желание вскрыть черепную коробку и так же прополоскать разум, чтобы забыть о столь неподходящей женщине, не замолкает. Я знал одну не прописную истину: прошлое должно оставаться там, где ему и место — в прошлом.

Рваным дёрганым движением перекрываю воду в кране и, схватив полотенце, тщательно вытирая голову, оттягивая момент возвращения в спальню. У Вики слишком чуткий сон, чтобы не заметить возвращение блудного жениха.

А в целом и к лучшему. Если ни работа, ни тренажерный зал, где я с остервенением бил боксерскую грушу, только бы освободиться от своего наваждения не спасали, оставался единственный проверенный тремя годами метод.

— Ты долго, — ласковой кошкой мурлычет Вика, выгибая спину, когда я присоединяюсь к ней в нашей будущей супружеской постели.

Забираюсь под одеяло в темноте спальни, безошибочно находя укутанное в тонкое кружево тело Виктории.

Она действительно красиво сложена. В её теле нет никаких изъянов, словно какой-то гениальный скульптор выбил по женскому образу и подобию её из мрамора. Специально для меня. Ведь я всегда стремился иметь самое лучшее в своей жизни.

— Принимал душ, — вру я.

Ладони скользят на тонкую талию невесты, спускаются ниже, сжимая бедра и притягивая плотнее к моему разгоряченному телу.

С ней всегда было гораздо проще, чем с Яной. Красивая картинка, которую не стыдно показать друзьям и партнерам, да и к тому же готова ради меня на всё. Чего еще может желать мужчина в моём возрасте? Открытая книга, которую с легкостью можно прочесть. Угадать любой её даже самый сложный код. Почти любой.

Всё же с этим приглашением Вика поставила меня в тупик. Но думать еще и об этом не было сил. Мне нужен был покой и ласка. Благо, последнее блондинка всегда отдавала сполна.

— Соскучилась? — шепчу на ухо, хотя и без того знаю её ответ.

— Безумно, — она поворачивается ко мне лицом и тут же находит своими губами мои, закидывая стройную ногу мне на бедро.

***

Единственный источник света на кухне этой глубокой ночью — огни ночного города. На столе початая бутылка виски, пепельница и недокурная сигарета. Я снова сорвался,

наплевав на все данные мной обещания.

Нет, надо срочно что-то делать с этим грызущим изнутри чувством вины. Тяжелая глыба в моём сердце не иначе решила к х*рам разрушить налаженную с таким трудом жизнь. Опять окунуться в глухое отчаянье? Жить проклиная себя и мир за то, что перед всеми и по всем фронтам остался виновен? Просыпаться в холодном поту, во снах возвращаясь в тот день, когда наши жизни рухнули?

Сигарета на краю пепельницы давно истлела, но решение моей дилеммы так и не пришло. Яне явно нужна будет помощь и кроме меня никто не сможет ей помочь. По крайней мере, я был обязан попробовать достучаться до её здравого смысла и вернуть пацана родителям или на крайний случай в детский дом, где специально обученные люди о нем позаботятся. Поддержать бывшую, если не в честь нашей давно угасшей любви, то хотя бы в память о нашем сыне.

Делаю большой глоток алкоголя прямо из горла бутылки, ощущая огненную крепость, обжигающую горло и пищевод. Тыльной стороной ладони вытираю мокрые губы и возвожу глаза к потолку, словно в немой надежде увидеть там Сашу.

Тихий шорох за спиной заставляет резко обернуться, но дверной проём все так же пустует, утопая в темноте коридора.

Пора заканчивать эту драму, пока невестушка не обнаружила моё отсутствие. В конце концов, ничего криминального я сделать не собираюсь.

Киваю самому себе, принимая окончательное решение и, сипло выпустив воздух из легких, опускаю бутылку на поверхность стола с характерным звоном.

8.1. Яна

«Странное ты моё счастье,

Чем я тебя заслужила?

Бога просила о чуде -

Чудо моё совершилось»

Елена Есенина — Мамина Песня

Яна

Дверной звонок своим мелодичным звоном оповещает о прибытии долгожданных гостей. На экране телевизора мелькают говорящие болтики, которые в этот самый момент вещают детям про устройства сифона.

Тимка вскидывает голову, ментально отвлекаясь от просмотра мультсериала. Косится в сторону прихожей с неким недоверием, напрягаясь всем телом, словно ожидая увидеть в моей квартире не иначе своего пьяного папашку, который вернулся за отпрыском.

— Наверное, пиццу привезли, — спешу успокоить я ребенка и поднимаюсь с хорошо насиженного места, чтобы встретить курьера. Благодаря настенным часам мимолетно отмечая, что наш заказ задержался почти на полчаса, но с учетом вечерних пробок для меня это не становится удивительным.

Однако, мои ожидания немного не совпадают с реальность, стоит мне лишь отворить входную дверь:

— 911 вызывали? — огласил прихожую мелодичный нарочисто веселый голос Инны.

От неё пахнет изморозью, которая вполне гармонично сочетается с собственным запахом брюнетки и её терпкими духами, создавая в прихожей неповторимый аромат чего-то отдалено знакомого.

Еще вчера эта обитель казалась пустынной и неживой. Лишь только эхо моих шагов,

разносилось по темным уголкам комнат, оставаясь единственным свидетелем нескончаемых мытарств. И столь резкое преобразование вносило диссонанс в моё мироощущение. Будто бы всё происходящее где-то за гранью моей реальности.

И Инна, вещающая пальто на вешалку в прихожей, без малого с пятью пакетами вещей, и курьер, который приходит следом спустя минуту, и выглядывающий из-за угла Тимка, перепуганный не меньше меня, всей стремительностью развивающихся событий. Всё это кажется очередной злой усмешкой судьбы. Миражом. Подуй на него и развеется в тиши позднего вечера, возвращая всё на круги своя.

— Ну, здравствуй, таинственный молодой человек, — Инна сбрасывает свои замшевые сапожки на умопомрачительной шпильке и поравнявшись с Тимой, подаёт ему руку. — Очень рада познакомиться. Меня Инна зовут.

Тимка целую долгую минуту задумчиво рассматривает гостью, хмуря бровки-домики. Переводит взгляд на меня и вновь на девушку, когда как я молча наблюдаю за немой сценой и отчего-то нервничаю.

— Тимофей, — бурчит он, но ладонь не пожимает. И тут же теряет к Инне интерес, поглядывая на коробку с пиццей в моих руках.

— Коллочка, значит, — ухмыляется брюнетка и поворачивается ко мне. — За доставку провизии оплату принимаю шедеврами итальянской пищевой промышленности.

— Да, конечно, — отмираю я и поспешно киваю. — Тима, иди мой руки и садимся ужинать.

Коробка с пиццей занимает своё почетное место на обеденном столе, а я устало опускаюсь на стул и, опираясь локтями на колени, запускаю пальцы в волосы.

Мне нужна минута, чтобы попросту перевести дыхание. А еще жизненно необходимо как-то отключить этот бесконечный страх. Страх сделать что-то не так, страх запустить своё сердце заново, довериться кому-то вновь и понять, что ничего человеческого мне не чуждо.

— Наверное, я должна спросить, — Инна присаживается на стул на другом конец стола, закинув ногу на ногу. — Но сейчас явно не время. Все эти фотографии и мальчик...

Заметила все же. Я до последнего надеялась, что Тима сможет отвлечь её внимание и мне не придется многого объяснять. Потому что я не готова. Как бы то ни было, присутствие Тимки в одно мгновение не сможет вернуть меня прежнюю. Да и смогу ли я быть прежней, после случившего?! Вряд ли...

— Тебе не кажется, что он слишком долго моет руки? — перебиваю я её и подсакиваю со стула, чтобы как можно скорее прервать поток вопросов. — Пойду проверю.

Я нахожу ребенка в ванной, но своё присутствие выдавать не спешу. В маленькую щель разглядываю с каким усердием Тима моет руки и умывает лицо. Сосредоточенный и до предела серьезный. Маленький мужичок.

Невольно печальная улыбка растягивает мои губы. Наверно, мой Сашенька был бы таким же серьезным. Прибегая с футбола, где на стадионе у дома толпа пацанят из нашего ЖК гоняют мяч, весь взмыленный и грязный, он бы мыл руки, садился за стол и счастливо рассказывал, как обыграл команду соперника. А потом бы ел, благодарил за ужин, громко целовал в щеку. И обнимал. Непременно обнимал бы меня перед сном.

Прикусываю указательный палец и отхожу в сторонку, вдавливая затылок в стену рядом с дверью, которая ведет в ванную комнату.

— Я умывался...

— Да, прости. Я просто тебя потеряла. Подумала, может помощь какая нужна, —

вздрагиваю я.

— Справился. Не маленький, — ворчливо отвечает Тима. — Пойдем уже есть. Я голоден.

И мы действительно идем есть. Точнее ест больше Тимофей с аппетитом уплетая пиццу, жадно набивая рот, как будто ничего вкуснее в своей жизни не ел. Хотя, так скорее всего и было.

— Весь в соусе, — я тяну руку с салфеткой, чтобы вытереть впалые щеки, но Тима не даёт. Отстраняется, косо поглядывая на нас с Инной и категорично заявляет, что справится со всем сам.

И я отступаю. Навязываться сейчас явно будет не лучшим решением. Нужно притормозить и попросту дать ему немного времени. Совсем капельку, чтобы он смог привыкнуть. Открылся. Чтобы видел во мне хотя бы друга, так как о большем я пока и мечтать не смею.

— Спасибо тебе большое. На работе не возникло вопросов? — интересуюсь уже у порога, когда Инна собирается уходить. Гора неразобранных пакетов так и остается сиротливой кучкой лежать у входных дверей.

— Спрашиваете, — хмыкает брюнетка, облачаясь в своё красивое черное пальто. — Миллион. Пока обошлась отговорками, что Вы приболели. Яна Витальевна, но заявление на отпуск все же придется приехать написать. Генеральный так просто не отстанет.

— Понимаю, — задумчиво киваю я. — Что-то придумаем. Еще раз спасибо.

— Яна Витальевна, и...?

— Да?

— Откуда все-таки мальчик? — кивает Инна в сторону кухни-гостиной, где Тима остался в компании плазменного телевизора и остатков пиццы.

— Украла, — пожимаю плечами, озвучивая уже ставшую мне привычной версию.

— Угу. Я так и подумала, — качает головой Инна, затягивая пояс от пальто на талии.

Она уходит, больше не задавая никаких вопросов, а я еще несколько минут стою в прихожей, гипнотизируя закрывшуюся дверь взглядом и собираясь с мыслями. Будто блохи они скачут с места на место, мельтеша и окончательно запутывая меня.

— Ладно, — вздыхаю, шепча себе под нос. — Будем решать проблемы по мере их поступления.

И возвращаясь из прихожей, позволяю себе всего пару минут любования на чудо, которое осветило своими лучами мою квартиру. Всего пару минут, а потом громко хлопаю в ладоши, привлекая к себе внимание и произношу:

— Готов?

— К чему? — хлопает глазами дитя.

— Будем тебя отмывать, пока к нам тоже не заявился Мойдодыр, — произношу я и киваю на экран телевизора, где транслируют одноименный мультфильм.

8.2. Яна

«Сон мой — гостем непрошеным

В сердце тенью из прошлого,

Держат крепкие нити,

Мой ангел, мой хранитель.»

Валентина Бирюкова — Сон мой

Яна

— Мама! — истошный душераздирающий крик кромсает пустоту улиц. — Мама...

Вокруг ни души. Я бегу, не разбирая дороги, путаясь в подоле длинной ночной сорочки. Босые ступни скручивают судороги от холода, стоим мне угодить в очередную огромную лужу на асфальтном покрытии. Серый туман клубится под ногами, щупальцами пробираясь всё выше, опутывая меня будто бы в кокон.

— Мама!

— Саша! — мой вопль отчаянья эхом разносится по проспектам, отскакивает от стен, вонзаясь острым кинжалом прямоком в сердце. Где-то здесь мой сын. Он ищет меня, зовет, ждет. Я не могу его бросить. Не могу прекратить искать.

Туман уплотняется, а затем резко рассеивается. Вдалеке маячит одинокая фигура ребенка. И я бегу пуще прежнего, спотыкаясь, падая, раздирая колени в кровь. А не в силах подняться, продолжаю свой путь ползком и тяну руки к своему ребенку.

— Мама...

Но чем ближе я подбираюсь, тем отчетливее понимаю, что там в тумане стоит не мой сыночек.

— Тима?

Яркая вспышка заставляет зажмуриться, а когда я открываю глаза, понимаю, что стою посреди своей квартиры. Одинокая, сгорбленная, совершенно потерянная. Снова одна в холодной темнице, в которую сама себя и упекла навечно.

Просыпаюсь от собственного глухого крика в подушку вся в слезах. Подрываюсь на месте и спешу в свою спальню, чтобы увидеть мирно спящего ребенка и облегченно выдохнуть. Сон. Обычный плохой сон. Я же видела их миллионы, но впервые ощутила дикое желание забыть.

По-детски жмурюсь, будто это взаправду может помочь и, глядя в окно, под нос себе тихо шепчу:

— Куда ночь — туда и сон.

Самовнушение работает на ура. Тугая пружина где-то внутри меня наконец отпускает. Не до конца, но вполне достаточно для того, чтобы выровнять дыхание и найти для себя шаткое равновесие.

Я даже завариваю себе кофе и грея чашку в ладонях долгое время наблюдая в окно, как за верхушками крыш начинают неуверенно дребезжать первые солнечные лучи, и как с каждым сантиметром поднимающегося в высь солнца, они крепнут, расправляют невидимые крылья уверенности и освещают всё вокруг, бликами играя на стеклах окон.

Красиво... Когда я любовалась рассветом в последний раз? Кажется, в той далекой, прошлой жизни. Жизни, наполненной радостями, яркими красками, пустяковыми проблемами из которых порой я умело раздувала трагедии по меньшей мере мирового масштаба.

Глупая... До чего же глупая я когда-то была. Верила, что моя любовь спасет нас. Сможет перебороть любые сопротивления, сотворит чудо. А чудеса так и не случилось...

Отворачиваюсь, задумчиво прикусывая нижнюю губу и обвожу взглядом помещение, уделив слишком пристальное внимание холодильнику и газовой поверхности.

Неведомая сила подталкивает в спину. И вот я уже отставляю чашку, достаю из холодильника нужные мне ингредиенты, благо базовую продуктовую корзину Инна тоже

привезла и начинаю колдовать. Руки живут своей собственной жизнью. Что-то взбивают, смешивают, ставят сковороду на газ, раскаляют масло.

Я будто бы отпускаю внутренние вожжи, оставаясь свободным наблюдателем за сей кухонной вакханалией. И один за другим на тарелке начинают появляться оладьи с красивой равномерной золотистой корочкой, а дом наполняется неповторимым ароматом мучного изделия.

А когда стопочка становится более внушительной на кухне появляется заспанный Тимка. Босиком, взъерошенный и в пижаме на вырост, ворот которой то и дело сползает с щуплого плеча, он громко шлепает по ламинату, не переставая сладко зевать.

— Садись, будем завтракать, — приглашаю к столу, отыскав где-то на дальних кухонных полках початую баночку с липовым мёдом. — Чай или молоко?

— Молоко, — неуверенно тянет Тимка, взбираясь на стул.

Мы приступаем к еде в тишине. Я маленькими неспешными глоточками тяну свой порядком остывший кофе из-под тени ресниц наблюдая за Тимофеем. Он больше не набрасывается на еду, подобно голодному дикому волчонку. Жуёт долго, вдумчиво, но несомненно с таким большим аппетитом, что я давлю в себе невольную улыбку, боясь вновь спугнуть эту минуту своей мизерной, но такой необходимой мне победы.

А потом нашу маленькую идиллию разрушает дверной звонок.

Я дергаюсь, будто от пощечины. Подскакиваю на месте и стараюсь не шуметь, на носочках, едва дыша, крадусь к входной двери, припав к глазку.

Прикрываю глаза всего на секунду, и перевожу дыхание. Очередное испытание, не так ли? Все же не может быть просто хорошо.

— Яна, — громкий набат ударов в дверь, заставляет сбросить оковы оцепенения.

Я не хочу его видеть, не хочу снова бредить свои старые раны, которые с таким трудом шпопала.

Я думала, что отболит. Правда, думала. И сидя в салоне его автомобиля, я вдыхала его запах и знала, что достаточно лишь протянуть руку, чтобы прикоснуться к нему. Погладить сильную шею, почувствовать его пульс, зарыться пальцами в непослушные темные волосы. Знала и поэтому боялась выдать себя даже хриплым, едва различимым дыханием. Кусала губы и старательно отводила глаза, глядя в окно. Господи, прошло столько лет, а иммунитет к бывшему мужу у меня так и не выработался.

— Здравствуй, Сергей, — дверь я все же открываю, пытаюсь унять дрожь в руках и в голосе. — Зачем ты приехал?

— Так сразу? Даже на порог непустишь?

Царёв, как обычно, одет с иголочки. До блеска начищенные туфли, серая водолазка под горло, темные брюки по фигуре. Широкие плечи обтягивает черное двубортное пальто прямого кроя. Красивый, успешный, без пяти минут женатый, мужчина. По сути чужой для меня. Этаким инопланетный гость из другой галактики, которую мне и подавно больше не постичь.

Но сердце от его хриплого баритона отчего-то сжимается, пропускает удар, а потом вновь ускоряет свой бег. И я не знаю, как это предотвратить. Как заставить предательский орган молчать? Заткнуться! Вновь замкнуться в криогенной капсуле для вечного сна.

Я действительно не хочу его пускать в квартиру, но выбора особого у меня не остается. К тому же шлепающие осторожные шажки за спиной, указывали на то, что у нашего диалога появился маленький свидетель, при котором я не желала скандалить.

— Проходи, — вздыхаю я и делаю пару шагов назад.

— Чем у вас так вкусно пахнет? — интересуется Сергей, прикрыв за собой дверь и тянет носом, безошибочно находя источник запахов.

— Оладьи, — вместо меня отвечает Тимофей и вдруг выдает совершенно ему несвойственное: — Хотите? У нас много.

— Оладьи? — темные брови в немом удивлении взлетает вверх и мне приходится слабым кивком головы подтвердить слова Тимки. — Хочу. Я не успел позавтракать. Если, конечно, Яна не будет против...

9.1. Сергей

«Кажется, все изменяется.

И бесконечного давно в природе нет.

Пол шага до твоего лица.

И я как будто в первый раз увидел свет.»

Валерий Меладзе — Чего ты хочешь от меня?

Сергей

Я сижу и как последний придурок наблюдаю за солнечными зайчиками, что запутались в копне её каштановых волос. Словно ничего красивее и совершеннее в своей жизни не видал. Словно и не касался её никогда, сам точно так же не зарывался в её волосы, не вдыхал их запах.

Она определенно дразнит меня. Собирает волосы в высокий пучок, открывая прекрасный обзор на тонкую шею, ловко снует по маленькому закутку, который мы в своё время выделили под кухню, щелкает тумблером электрического чайника.

Пацан сидит рядом и с энтузиазмом жуёт, а мне кусок в горло не лезет. Точно коротнуло внутри меня что-то, к чертям собачьим вырубив рассудительность. А ведь я был полон решимости пока пил кофе, и вел автомобиль, и тарабанил в дверь квартиры. Лишь на миг оцепенев, когда подъехал к дому.

И вот сейчас снова. Как будто кто-то невидимый решил подшутить на время закинув меня в прошлое, умело воссоздав картинку, которые все еще снились мне по ночам.

Яна заваривает мне крепкий кофе без сахара и ставит чашку передо мной, присаживаясь за стол прямым напротив ребенка, тем самым заставляя меня отвлечься и все же взглянуть на причину возможных проблем моей бывшей жены.

Теперь мелкий выглядит гораздо приличнее, избавившись от толстого слоя грязи на лице и засаленной шапки, из-за которой и глаз то было толком видно, не говоря уже о чем-то еще.

Я хмурюсь в попытках найти схожесть с Сашкой, но кроме цвета глаз и шрама на высоком лбу, ничего не замечаю.

— Што? — с набитым ртом интересуется пацаненок, громко шмыгнув носом.

Отрицательно качаю головой, за кашлем спрятав неуместный смешок и делаю вид, что меня сейчас ничего кроме содержимого моей чашки не интересует.

Яна молчит, да и я не спешу что-то говорить, напрочь растеряв все слова, словно весь мой словарный запас растворился в воздухе, оставив после себя какие-то абстрактные не несущие смысла звуки.

Взгляд сам собой натывается на стопку румяных пышных блинчиков и что-то в моей

голове щелкает. Она не готовила. Ни разу не подошла к плите после смерти Саши. Только и делала, что сидела в кресле, закутавшись в плед или беззвучно плакала. Психологи не помогали, мои потуги оживить её и помочь тоже. Замкнувшись в себе, она не видела никого и ничего.

И теперь вот олады...Чертовы олады!

Я поднимаю глаза и встречаюсь с ней взглядами. Смотрю не отрываясь, не моргая, боясь упустить мельчайшую искорку в её таких родных глазах. Время словно замирает, прекращая свой бег. Даже часы в прихожей и те затихают, останавливаются, давая нам возможность вспомнить, кто мы есть на самом деле. Кем мы были раньше и почему не смогли удержать свою любовь на плаву, когда как стоило лишь попытаться.

— Спасибо, — волшебство момента прерывает пацан. С громким хлопанием он допивает остатки молока из своей чашки и спрыгнув на пол, оповещает Яну, что идёт умываться.

— На здоровье, — кивает брюнетка и, вскочив со своего места, начинает собирать грязную посуду со стола.

Я дожидаюсь пока ребенок скроется из вида и, перевожу дыхание. Мне следует найти необходимые слова, чтобы донести до Яны всю серьезность, а главное опасность сложившейся ситуации. В любой момент мелкого могут начать искать. Как бы то ни было, у него должны быть родители, родственники, на худой конец законные представители!

— Яна, — окликаю её я.

Она стоит ко мне спиной, напрягаясь всем телом, стоит только мне её позвать. И я понимаю, сколько мужества и силы требуется ей, чтобы обернуться. Понимаю и принимаю, с готовностью ожидая сколько потребуется.

— Зачем ты пришел?

Опустив голову, она всё так же стоит неподвижно, уперев ладони по бокам от кухонной мойки. До невозможного исхудавшая, но все такая же красивая, как и раньше.

— Просто хочу помочь.

— Я не просила, — она поворачивается слишком резко, сцепляет руки на груди и волком смотрит на меня, воинственно сверкая глазами.

И я улыбаюсь, как дурак, совсем позабыв, как прекрасна была моя жена в гневе. К тому же, я так давно не видел в этих глазах абсолютно ничего, кроме пустоты, что даже злость стала расцениваться, не иначе как чудотворное явление.

— Я знаю. Мы не чужие друг другу люди.

— Чужие, — отрицательно качает головой Яна. — Чужие, Царёв. Давно.

Я не хочу спорить. Не хочу препираться из-за суших пустяков. Я-то знаю, что сколько бы лет не прошло, сколько бы лиц не мелькало рядом с нами, мы никогда не будем друг другу чужими людьми. И на смертном одре она будет единственным человеком, которого я захочу увидеть.

— Прости...

Нужны ли сейчас ей мои сожаления? И это совершенно абсурдное и дурацкое «прости». Я готов повторять его миллион раз, но изменит ли оно хоть что-то?

— Уходи. Я научилась жить и справляться с проблемами самостоятельно. Без тебя. Если мне понадобится что-то...

— Ты не попросишь, — перебиваю её я.

Не в силах противиться невообразимому притяжению, встаю из-за стола и обхожу

барную стойку, останавливаясь лишь напротив Яны.

— Не попрошу, — кивает моя бывшая жена, сжимая пухлые губы в тонкую линию.

Всего шаг. Нас снова разделяет маленький незначительный шаг, но под моими ногами не иначе обрыв, потому что даже этот шаг я не посмею сделать.

— Я так и думал... — отступаю я. — Если ты хочешь — я уйду. Но, пожалуйста, подумай. Пока не поздно. Пока я еще в силах сделать хоть что-то.

И я широкими размашистыми шагами убираюсь из кухни не дожидаясь ответа. Остановившись в прихожей, прикрываю глаза и сжимаю переносицу, пытаюсь отрешиться и прийти в себя.

Мне хочется вернуться. До ужаса хочется вернуться и обнять её. И это невыносимо пугает. Так не должно быть. Я не должен даже думать об этом, но шальные мысли дикими скакунами врываются в сознание и бредят душу. Опять.

А затем я открываю глаза и первое, что вижу перед собой — это фотографии. Наши фотографии, которые так и остались висеть на стенах, словно и не было этих трёх абсолютно пустых лет.

Я смотрю на них, как на иконы. Разглядываю, будто вижу впервые, ощущая, как сердце в груди кровит и стонет. Отчаянно стонет от боли.

Спешно ухожу прочь, тихо прикрывая двери за собой. Сбегаю по ступенькам игнорируя лифт и уже в машине, откинув голову на спинку сиденья, рычу сквозь сжатые зубы от той самой безысходности, которая, казалось бы, давно меня покинула. Да только стоило мне вновь оказаться в месте, где все начиналось, она вернулась грызть моё нутро по новой, еще отчаяннее, чем было прежде. И как с этим совладать я не знал.

9.2. Яна

«Один день, прожитый без тебя

Будет похож на два точно таких же дня

Один день, прожитый без тебя

Кажется мне пустым листком календаря»

Татьяна Буланова — Один день

Яна

Кто мы друг другу теперь? Друзья? Враги? Родственники? Две заблудших души, два одиноких искалеченных сердца.

Да, теперь я могу признаться самой себе. Теперь, когда за ним вновь слишком тихо захлопнулась дверь в прихожей, признаться в том, что без него было в высшей степени паршиво. И сейчас, разглядывая белые швы на напольной плитке, цепляясь за них взглядом, как за спасательный круг, я думала о том, что заостреннейшая боль, подобно спорам чумы жила во мне все это время. Жила и процветала. А стоило ему переступить порог нашего когда-то общего дома, как эта чума вскрылась, выбираясь наружу.

Он стоял слишком близко. И в то же время слишком далеко. Смотрел так, будто и вовсе пытался заглянуть в душу и говорил, говорил, говорил. Как же много и бессмысленно долго он говорил. А мне хотелось по-детски прижать ладошки к ушам, избавив себя от возможности слышать его голос, который умело забирался прямо под кожу, впитывался в мягкие ткани, всасывался в кровоток и разносился по всему организму, словно яд.

Чужие... Я так рьяно ему об этом говорила и так предательски не верила самой себе. Выплескивала всю свою боль и те мизерные крупицы ненависти, что копились во мне со дня

нашего развода. Именно так. Жгучей и до безобразия гадкой ненависти, которую испытывала не только к нему, но и к самой себе.

— Я это... Всё уже, — оповещает Тимофей, возвращаясь в кухню-гостиную.

После ухода Сергей проходит самое меньшее несколько минут, а я продолжаю стоять у этой дурацкой кухонной мойки почти не дыша, не говоря уже о том, чтобы пошевелиться. И детский тихий и такой неуверенный голос, запускает неведомый во мне механизм. Я громко, полной грудью вдыхаю воздух и отмираю. Хлопаю глазами, как какая-то сломанная кукла, чьи механизмы давно устарели и выныриваю из своих мыслей, оставив их для более удобного времени.

Киваю, улыбаясь одними уголками губ и спешу занять ванную комнату, памятуя о данном мною обещании, заехать на работу, чтобы написать заявление на отпуск. Подставлять Инну после всего, что она сделала для меня и Тимки было бы свинством чистой воды.

Утренняя рутина с появлением ребенка превращается в квест, особенно когда имеющиеся вещи на этого самого ребенка или безбожно велики, или до катастрофического малы.

Выгрузив содержимое всех пакетов с вещами на диван, я то и дело отмечаю совершенно неподходящие, оставляя лишь возможных претендентов, которых ждет очередное испытание примеркой.

— Может я в своих вещах пойду? — умоляюще интересуется Тимка, наблюдая за моими потугами.

В памяти невольно всплывают грязные драные лохмотья и меня передергивает.

— Нет, — категорически заявляю я, всовывая ребенку в руки штаны и джемпер. — Я их выбросила.

«Выброшу» — поправляет внутренний голос.

Понимаю, что врать некрасиво, более того, врать ребенку подло и гадко, но в нашей ситуации ложь явно была во благо.

Тимофей сдержанно кивает и шустро меняет пижаму на выданную мною одежду, но облачившись, то и дело пытается одернуть короткие рукава свитера или подтянуть сползающие штаны.

— Мда, — неловко тяну я, разглядывая ребенка и, присаживаясь на краешек дивана, виновато смотрю на него. — Мы обязательно купим тебе что-то другое. Только заедем быстренько ко мне на работу. Хорошо?

— Угу, — вздыхает Тимка. — А на ноги что?

— Ботинки нам не привезли, — недовольно замечаю я и, чтобы окончательно убедиться в этом, еще раз трясую пустыми целлофановыми пакетами в воздухе. — Придется доехать до магазина в старых.

Дальше дело ладится гораздо быстрее. Одев Тиму, я уделяю себе несколько минут, чтобы облачиться в удобную немнущуюся одежду и собрать волосы в пучок. И уже в машине, пристегнув ребенка на заднем сиденье, прогревая мотор, отмечаю, что справились мы всего лишь за час, что весьма неплохо для такой начинающей непутевой мамы, как я.

В дороге мы почти молчим. Из магнитолы льется какая-то современная незамысловатая мелодия, Тима, затаившимся мышонком, наблюдает как за окно проплывают бульвары и проспекты, а я... А я ощущая какую-то нереальность момента, вместе с тем испытывая даже некое и вовсе немислимое спокойствие. Будто всё идет правильно, своим чередом. Будто бы

этот мальчонка и есть мой сын, которого я искала во снах. Мой второй сын...

— Когда я поеду к отцу? — нарушает молчание Тимофей.

— А ты хочешь к отцу? — я стараюсь не выдавать, насколько этот вопрос болезненно бьет по моим нервам. Лишь сжимаю крепче руль, натягивая на себя неживую улыбку.

— Не особо, — пожимает плечами Тимка и с деланным безразличием отворачивается обратно к окну.

Вздыхаю, понимая, что чистая одежда, пицца и оладьи на завтрак еще не повод мне доверять. Он все так же насторожен. Притихший в ожидании, что в любой момент мне надоест играть в благотворительность и я выброшу его обратно на улицу, как какого-то нашкодившего пса. Ожидает и вместе с тем жадно желает ошибиться. И отбросив в сторону свои эмоции, я вдруг ощущаю это так явно, что во что бы то ни стало хочу убедить его в обратном. Не словами, которые в нашем мире ничего уже не значат, а действиями.

— Приехали, — оповещаю, как только мы оказываемся на парковке нашей компании. — Пойдешь со мной или посидишь в машине?

— С тобой, — не раздумывая отвечает Тима, пытаясь выпутаться из плена ремня безопасности.

Пост охраны проходим беспрепятственно. Я оцениваю риски и понимаю, что ребенок, который появился можно сказать из воздуха, вызовет вопросы. Именно поэтому веду Тимку не к лифту, а к запасной лестнице, которой мало кто пользуется, предпочитая блага двадцать первого века для комфортного передвижения по офису.

— Иди к черту лысому, Горев. Нам не о чем с тобой разговаривать, — уже подходя к кабинету слышу я раздраженный голос Инны с нотками подкатывающей истерики и невольно ускоряю шаг, чтобы появиться в приемной своего кабинета в нужный момент, пока на крики не сбежался весь офис.

— Что здесь происходит? — спрашиваю я, пока Тимка маячит сзади, пытаясь выглянуть из-за моей спины, чтобы утолить своё любопытство.

— Я уже ухожу, — произносит мужчина спокойно и улыбается.

Он настолько всем своим видом пытается казаться миролюбивым. Но вопреки всему от его злого колючего взгляда, мои внутренности сворачиваются в узел и лишь Тима та причина, по которой я это не показываю.

Посторонившись и прижав к себе ребенка за плечи, я выпускаю брюнета из приёмной и перевожу взгляд на упавшую в офисное кресло Инну.

— Это?

— Бывший, — поджимает губы мой секретарь. — Развелся с очередной женой и решил, что между нами еще не всё кончено. И плевать ему, что я давно и успешно замужем и воспитываю не только его сына, но и маленькую дочь.

— Удивительно, — задумчиво тяну я, невольно проведя параллель с Сергеем.

— Что именно?

— Да так, — отмахиваюсь я. — Мысли вслух...

10.1. Сергей

«Через мили и века, вот тебе моя рука

Ты зовешь меня, чтоб я тебя позвал»

Филипп Киркоров — Полетели

Сергей

— Я хочу что-то необыкновенное. Воздушное, легкое... — Вика нахмурилась, пытаясь

подобрать нужные слова и добавила: — Низкокалорийное. Это весьма важный пункт при выборе торта. Да, дорогой?

Я потер переносицу и едва кивнул, пытаюсь сделать вид, что встреча с организатором нашей свадьбы меня действительно волнует, как самого ответственного в мире жениха. Забавно. Столько событий произошло с моей предыдущей свадьбы. Я вырос не только в моральном, но и материальном плане. Крепко стою на ногах и могу позволить себе почти всё, если захочу. Но в этом и заключалась вся проблема. Ничего этого я не хочу.

Я боролся с отяжелевшими веками, пытаюсь прогнать непрощенный сон, который прошлой ночью не желал меня посещать, то и дело отвлекался на сообщения в мобильном телефоне и всячески делал вид, отменной такой декорации. Красивой, яркой, картонной.

Впрочем, моя невеста не сильно печалилась по этому поводу. Всё что интересовало Викторину, как можно качественнее пустить пыль в глаза. И я не осуждал её в этом стремлении. Чем бы дитя не тешилось, как говорится.

— У моего жениха свой бизнес. На свадьбу приглашены многочисленные деловые партнеры, если Вы меня понимаете? — усмехнулась блондинка, невесомо погладив меня по плечу. — Всё должно быть на высшем уровне. Я не хочу ударить в грязь лицом.

— Я всё прекрасно понимаю и могу гарантировать, что Вы обратились по адресу. Наше агентство лучшее в регионе, а наша репутация говорит сама за себя. Вы не пожалеете, что выбрали именно нас.

— Надеюсь, — величественно кивнула Вика и пододвинула к себе стопку материалов и каталогов, которые привезла организатор для ознакомления.

Я ощущал себя абсолютно лишним, выслушивая великосветские разговоры двух барышень. А от обилия незнакомых слов, споров по поводу начинки для свадебного торта, цвета декора и оформления всей свадьбы, очень скоро нещадно стала раскалываться голова. Я нервно тер виски, маленькими глоточками цедил эспрессо, иногда кивая, когда моей невесте срочно требовалось подтверждения её правоты.

— Как насчет танца молодожёнов? У меня на примете есть чудесный учитель хореографии. Он научит танцевать любого и за короткий срок! — фонтанировала идеями девушка-организатор.

— Конечно...

— Нет, — перебил я Вику, нахмурившись. — Никаких танцев.

— Дайте нам одну минутку, — попросила Вика собеседницу и как только та, понятливо кивнув, встала из-за стола и скрылась из вида, повернулась ко мне всем корпусом, решительно выпятив грудь и подбородок. — Танец молодоженов — это неотъемлемая часть любой свадьбы. Неужели тебе так сложно пойти мне на встречу?

— Никакого танца, Вика, — устало повторил я, указательным пальцем почесав бровь. — И это не обсуждается.

— Царёв!

— Нет. И закрыли тему.

Благо от дальнейшего спора меня спас звонок мобильного телефона и я, даже не взглянув, кому я так срочно понадобился, схватил смартфон, как утопающий спасательный круг. Бросив совершенно безразличное: «Извини» обиженной невесте, вышел из-за столика. На выходе, уже забрав пальто из гардеробной, придержал дверь обескураженной девушке-организатору и выскочил на улицу, глубоко выдохнув, словно избавился от стискивающего грудную клетку обруча.

Телефон продолжал нервно вибрировать в руке, а я продолжал наблюдать за снующими прохожими, автомобилями на проезжей части и пыльными витринами магазинов. И грызущая пустота, вместе с обжигающе холодным для весны ветром, дурманили разум настолько, что мне понадобилась долгая минута, дабы наконец прийти в себя и взглянуть на дисплей разрывающегося смартфона.

А потом всё стало неважным. Ни ветер, ни пустота, ни брошенная в кафе невеста. Исчезла любая грань, в омуте утонули все чувства, кроме одного — страха не успеть. Потому что на том конце провода была Яна и её дрожащий хриплый голос, несвязная речь и просьба приехать. Немедленно.

Пожалуй, бросить всё было в корне неправильным, сорваться по первому же зову, вдавливая педаль газа до упора, собирать всевозможные штрафы, проскакивая на красный свет светофора, но один её звонок и воронка времени закрутилась, отбрасывая меня назад в прошлое. Где такой же надломленный дрожащий голос просил быть просто рядом, а я не смог. И теперь, спустя годы, мчу навстречу в вялых попытках исправить то, что уже никогда не стереть из памяти и не начать с чистого лица.

Яна встречает меня на пороге. Её лицо блее мела, она с остервенением кусает губы и дрожит всем телом, обхватив себя двумя руками, покачиваясь со стороны в сторону, будто бы пьяная. И я подаюсь соблазну. Не отдавая себе отчет в своих поступках, притягиваю бывшую жену к себе и крепко обнимаю. Потому что давно хочу это сделать, вопреки всем условностям. Невесомо целую в макушку, качаю в своих руках, словно в колыбели и жду. Жду, когда она выйдет из своего ступора и снова меня оттолкнет. Заставит держать дистанцию, сделает выговор, бросит гранатой испепеляющий взгляд.

— Прости, — наконец, шепчет она где-то в районе моей груди и отстраняется. И я отпускаю, пусть и кажется мне, будто отдираю её вместе с кожей. — Я просто так испугалась...

Я киваю, хотя и так понимаю, что только сильный страх и безысходность заставили её набрать мой номер. И этот страх был явно не за себя, судя по тому какие беспокойные взгляды она бросает в сторону гостиной.

— С пацаном что-то? — догадливо уточняю я, снимая пальто и определяю его на вешалку.

— Угу, — закусив губу, кивает Яна, виновато отводя взгляд. — Он так хотел этот велосипед, и я... Я хотела его порадовать. Понимаешь?!

— Понимаю. Давай по порядку, — прошу я. — Ты купила пацану велосипед, так?

— Тимке, — поправляет меня Яна. — Да, я купила велосипед, и мы пошли в парк кататься. Сначала всё было хорошо, я держала его, а потом он попросил прокатиться самостоятельно и упал. Я надеялась, что всё обойдется, но рука такая синяя и болит, и... Я не знаю, что делать. У меня никаких документов нет, я даже скорую ему не могу вызвать. Я так боюсь, Сережа. Господи, если бы я не купила этот чертов велосипед. Я...

Яна закрывает лицо руками и отворачивается, а я не могу спокойно смотреть, как она терзает себя. Режет на куски по живому мнимой виной. Именно поэтому поворачиваю её к себе и, отняв её ладони от лица, твердо говорю:

— Ты ни в чем не виновата. Такое могло случиться абсолютно с каждым. Слышишь?!

— С каждым, — едва уловимо повторяет она за мной, но на дне глаз плещется то самое недоверие и протест. Она не верит мне. Никогда не верила. Ни тогда, ни сейчас.

10.2. Яна

«Мне бы крылья, чтобы укрыть тебя
Мне бы вьюгу, чтоб убаюкала
Мне бы звезды, чтоб осветить твой путь
Мне б увидеть сон твой когда-нибудь»
Женя Любич — Колыбельная тишины
Яна

Он заприметил его сразу. С широко открытыми глазами взирал на велосипед в витрине магазина спортивного инвентаря, едва ли не разинув рот и не прилипнув всем телом к стеклу. И сколько бы не пытался потом качать косматой головой, но блеск желания в его глазах я бы никогда ни с чем не спутала. А на обратном пути, когда мы с полностью обновленным гардеробом возвращались тем же путем на парковку торгового центра, я зашла и, вопреки насупившейся мордашке Тимофея и глубокому недоверию в детских глазах, купила этого железного «монстрика».

А потом исподтишка трогала кончиками пальцев свои губы и не верила, что не перестану улыбаться, наблюдая с какой радостью Тима взирает на приобретение, пусть и у кассы утверждал, что и кататься то не умеет.

— А когда мы поедem в парк? — интересуется Тимофеем на подъезде к дому.

Ему не терпится опробовать покупку и то и дело ребенок ерзает на сидении, в плохо скрываемых попытках унять бурлящую энергию внутри себя.

— Завтра, — прикусываю губу, чтобы снова не улыбнуться, разглядывая дитя в зеркало заднего вида. — Сегодня уже слишком поздно. Поужинаем, покупаем и спать.

— Опять купаться? — кривит мордашку Тима. — Мы же вчера купались.

— Гигиена — залог здоровья, — философски замечая я и, припарковав машину у дома, оборачиваюсь к ребенку.

— Я и так здоров, — бубнит себе под нос, отстегивая ремень безопасности, после чего выпрыгивает из машины.

Кто сказал, что материнство — это легко? К тому же, Тима привык жить самостоятельно, по законам улицы и папаши-алкоголика. Надо искать компромисс, учиться находить точки соприкосновения, если я хочу, чтобы этот ребенок принял меня. А то, что я не отступлюсь от него, пусть Сергей миллион раз прав в возможных неприятных для меня последствиях, я и не сомневалась.

Ужинаем мы пельменями со сметаной, сидя прямо на полу с тарелками в руках. По телевизору домовёнок Кузя ищет сундук со сказками, а мы за обе щеки уплетаем далеко не полезный для фигуры ужин. Тима местами тихонько хихикает над выходками главного героя, а я не устаю исподтишка любоваться детским личиком, большими широко открытыми глазами и даже шрамом на лбу.

Сердце болезненно сжимается в груди... Как же он похож на Сашу. Наклон головы, разлет бровей, впалые щеки и шрам. Зеркальный шрам, который так и не даёт мне покоя.

— Чего? — интересуется Тима с набитым ртом, замечая внимание к своей персоне.

Я качаю головой и пытаюсь улыбнуться, но дрожащие на ресницах слезы, никак не вписываются в общую картину. Меня бросает из крайности в крайность. Я то улыбаюсь, подобно городской сумасшедшей, то готова в одну секунду снова разрыдаться. И эти эмоциональные качели настолько необычное явление, что впору вызывать бригаду психиатрической помощи.

— Откуда он? — интересуюсь я, протянув руку и кончиком пальца пройдясь по

шершавому рубцу.

Тима фыркает, дернув недовольно головой и мне приходится убрать руку, чтобы не нагнетать ситуацию еще больше.

— Упал, — пожимает плечами Тимка, вновь обращая свой взор к экрану.

Я киваю, принимая такой ответ, хотя сама уже мысленно нахожусь в далеком прошлом. Когда мой сын посадил точно такой же шрам, упав с ходунков и лбом врезавшись прямым в дверь на кухне.

Сколько слез было тогда выплакано и им и мной. И сколько успокоительного потратил Сергей, отпаивая меня, когда врачи скорой помощи обрабатывали рану нашему сыну. И с какой силой сжимал до боли мои плечи, и как потом старательно дул Сашеньке на ранку. Тогда только Царёв мог успокоить мою слишком впечатлительную натуру. И только Царёв знал, какой боли стоил мне этот маленький рубец, про который Сашка спустя полтора часа, кажется, уже позабыл.

В попытках отрешиться, спешно забираю опустевшую грязную тарелку у Тимофея и, сгрузив посуду в кухонную мойку, направляюсь набирать горячую ванну для ребятёнка.

Мне нравятся эти мелкие бытовые заботы. Набирать ему ванну с ароматной пеной, греть чистое полотенце, укутывать разморенного ребеночка, как в кокон. Быть хоть на маленький шаг ближе к нему. Прижимать его к себе и тайком, словно какой-то преступник, вдыхать запах волос на макушке. А потом, сожалея, разжимать руки и отпускать. Потому что Тимофей неприемлем таких нежностей. Мой маленький взрослый мальчик.

Мне страшно с какой скоростью я прикипаю к нему. Страшно, что я снова познаю боль потери, страшно оглядываться назад, вспоминая, как жила в том ледяном плену, в который загнала сама себя. И этот липкий страх, пробегая по позвоночнику, опоясывает меня, стоит только уложить Тимофея спать и оказаться в темной квартире наедине с собой. И я не сплю всю ночь, уткнувшись совершенно пустым взглядом в окно. Не сплю и как сбредившая терзаю себя горькими воспоминаниями, которые не позволяла себе раньше изымать из недр памяти.

Могло ли быть всё иначе?! Не будь мы с Сергеем такими трусами. Не прячь каждый голову в своей норе, сотканной из боли, а продолжая идти вместе, крепко держать друг за друга. Были бы мы сейчас счастливы? Смогли ли создать новый мир на руинах старого?

Эти вопросы, этот бесконечный рой не дает мне покоя. Я хочу знать. Я, черт возьми, просто хочу понять, в какой момент своей жизни шагнула не туда. Где черта этой пропасти, где та любовь, которая грела меня с первой нашей с ним встречи. И почему только сейчас этот тлеющий уголек начинает разгораться с новой силой. Сейчас, а не четыре года назад, когда я умирала и казалось уже ничто меня не сможет спасти.

Утром ничего не предвещает беды. Вопреки бессонной ночи, после сытного завтрака, я, как и обещала, отвожу Тимофея в парк. В багажнике томится от нетерпения велосипед, а сам Тимка едва ли не вприпрыжку несется к моему авто. И уже в парке, подкрепившись порцией мороженого, разглядывает свое новое приобретение с таким благоговением, что мне вновь приходится прятать предательскую улыбку на губах, боясь задеть его чувства. Хотя увлекшегося ребенка казалось на тот момент не может отвлечь абсолютно ничего.

Высунув кончик языка, Тима с усердием пыхтит, пытаясь крутить педали, а я придерживаю велосипед сзади, страшась отпустить. И ведь понимаю, что разбитых коленей не избежать. Я не смогу держать его вечно. Однажды он захочет быть самостоятельным и это касается не только поездки на велосипеде.

Ведь он жил как-то до меня. Выживал на улице, питался чем придется, воровал булки в магазине. Взрослел слишком быстро, забывая, что по сути еще ребенок.

И мне до одури хотелось подарить ему настоящее детство. Вот этим велосипедом, мороженым, просмотром мультиков... Чем угодно, лишь бы никогда больше он не нуждался в чем-либо.

— Можно я сам? Смотри, как у меня уже хорошо получается, — хвастается Тима. — Всего один разочек. Пожалуйста.

И это его «пожалуйста» бьет меня наотмашь. Я не могу отказать. Только не ему и только не сейчас, когда как сама эгоистично держусь за него, как за спасательный круг. Завишу от него гораздо больше, чем он от меня.

Я отпускаю руки. Обхватываю себя за плечи, закусываю до боли щеку изнутри и отступаю. И Тима действительно едет сам. Еще шатаясь со стороны в сторону, кренясь то в один, то в другой бок, но едет. А еще улыбается мне, довольный и счастливый.

— Правда, круто? — интересуется ребенок.

— Очень, — киваю я головой и ощущая, как тугая пружина напряжение отпускает. — Давай еще разок прокатись и пойдём обедать.

— Ладно, — вздыхает Тима, садясь на велосипед.

Однако, не успевает проехать и нескольких метров, как мимо проезжающий парнишка на скейтборде, отвлекает его внимание. Словно в замедленной съемке я вижу, как Тима не справляется с управлением велосипеда и летит напрямик на асфальт, приземляясь на правую руку.

— Тима! — кричу я и бегу к нему, падая на колени возле ребенка.

— Рука, — хнычет Тимофей. — Больно.

11.1. Яна

«Погашен свет

Сердце и телефон в тишине ждут смс

Через стекло и бетон, пускай услышит он

Сигналы S. O. S»

Зара — На полную громкость

Яна

От него исходил жар. Мне стыдно было признаться, но находясь рядом с ним, уткнувшись носом в его широкую и крепкую грудь, впитывая в себя запах его тела, смешанный с дорогим парфюмом, я, снова вернувшись в прошлое, не хотела его отпускать. И даже на секунду, всего на миг, забыла почему дрожащими руками набрала именно его номер и попросила приехать, вопреки громким обещаниям, что больше никогда не попрошу у него помощи.

Попросила. Более того, не просто просила, а умоляла. Дрожала всем телом, вновь погружаясь в пучину такого знакомого отчаянья, слушала длинные гудки и боялась, что он не возьмет трубку. Сбросит вызов или вовсе откажется приезжать, сославшись на важные дела. Необоснованно кляла его и в ту же минуту мысленно вопила о помощи.

Не помню, как вообще умудрилась добраться домой. Действовала на каких-то только Богу ведомых инстинктах, надеясь, что травма Тимки не больше чем ушиб. Но рука синела, боль не прекращалась и испуганные глаза дитя, его бледное как полотно личико, кинжалом кромсали моё сердце. Я вновь и вновь, по кругу, переживала всё то же самое, что чувствовала, когда заболел Саша. Снова пыталась бороться и быть сильной, но чертовски

понимала, что не справлюсь в одиночку. Без каких-либо прав на ребенка, без документов на руках. Глупая, лелеющая свою гордыню, непутевая мамаша.

Права была моя мама, когда говорила, что роль матери не для меня. Что только я виновата в смерти Сашки и дурасть в моей ситуации разбазариваться таким мужиком как Сергей. Она всегда была на стороне зятя, даже в такой кошмарной ситуации, как у нас.

Не хочу думать. Не хочу вспоминать, не хочу ковырять незажившие раны по новой. Только бы стоять так с ним вечно, впитывать всеми порами его тепло и молчать. Но нельзя.

Я с сожалением отпускаю его и отступаю. Лепечу что-то в своё оправдание, наблюдая как он избавляется от обуви и верхней одежды и с дотошностью пытается разобраться в положении дел. Собранный, спокойный, уверенный в себе. Этаким гранитный камень, нерушимый и фундаментальный.

— Ну, здравствуй, малый, — усмехается Сергей и присаживается на корточки возле сидящего на диване Тимофея. — Болит?

— Здрасте, — поджигает губы Тима и едва заметно кивает, прижимая пострадавшую руку к себе. — Просто синяк.

— Просто или не просто, будет врач решать, — отрезает Царёв и вставая, обращается уже ко мне. — Собирайтесь. Я отвезу вас в клинику.

— Но... — пытаюсь возразить я. — У меня же нет документов, ничего нет. Я же...

— Всё потом. Собирайтесь, — командует мужчина и скрывается в дверном проеме, бросив напоследок: — Я жду вас на кухне.

У меня миллион причин не верить ему, но вопреки этому, сейчас я безоговорочно доверяю Царёву. И не задаю больше никаких лишних вопросов, сидя на заднем сиденье его авто и тесно прижимая к себе Тимку, который от боли даже забывает выпустить свои маленькие иголки.

— Помнишь Егора? Он бы свидетелем на нашей свадьбе, — прерывает густое напряженное молчание Сергей, кинув мимолетный взгляд на меня в зеркало заднего вида.

Я киваю, начиная понимать к чему ведет бывший муж. Его лучший друг детства, был некогда подающим надежды молодым пластическим хирургом.

— У Егора своя клиника. Я уже позвонил и договорился. Пацаненку без вопросов сделают рентген и, если понадобится, наложат гипсовую повязку.

Сергей старательно игнорирует его имя, но возражать сейчас я не решаюсь, просто коротко благодарю и, отвернувшись к окну, стараюсь не показывать, как меня задевает такое отношение к моему ребенку. Потому что, как бы Царёв не сопротивлялся, как бы не пытался обезличить Тимофея, он был моим, пусть не я была его биологической матерью.

Я не понимаю, почему меня злит его поведение. Он не обязан был принимать Тимку, у него своя жизнь, невеста, свадьба, в конце концов. Рано или поздно он вновь исчезнет с моих радаров, растворится в будущем, уйдет, как ушел три года назад не оглянувшись. У него своя интересная жизнь, в которой нет места проблемной бывшей жене и маленькому беспризорнику. Но отчего тогда так сильно тошно? Будто бы меня снова предают.

— Яна, какой приятный сюрприз, — Егор встречает нас на парковке у клиники, освещая пространство вокруг себя белоснежной улыбкой. А затем и вовсе раскрывает свои объятия, хватая меня и кружит, словно свою давнюю подругу, которую не видел много лет. — А ты совсем не изменилась. Поверь мне, как главному ценителю красоты. А этот молодой джентльмен?

— Тимофей, — представляю я, притихшего за моей спиной ребенка.

— Привет, герой, — улыбается ему Егор и кивает на руку: — Как ты так умудрился?

— На велосипеде катался, — бурчит Тима.

— Ничего, — хмыкает шатен. — Шрамы украшают мужчину. Кто из нас в детстве не квасил носы. Да, Серега?

— Угу, — как-то слишком грубо отзывается Царёв, буравя взглядом лучшего друга. Однако тому кажется это совершенно не мешает, одаривать флюидами обаяния всех окружающих.

— Пойдем, боец. Будем лечить твою многострадальную руку, — произносит Егор, подмигнув Тимке и, переведя взгляд на меня, добавляет: — У нас при клинике есть кафе. Можете пока подождать там, выпить по чашечке кофе.

— Да, спасибо большое. Я заплачу, сколько потребуется... — начинаю я, но обрываюсь на полуслове, глядя, как хмурится недовольно Сергей и весело отмахивается Егор.

— В счёт старой дружбы, — улыбается мужчина. — Не чужие же люди, Ян.

— Вот кто действительно не меняется, так это Егор, — философски замечая я, когда лучший друг бывшего мужа уводит Тимофея, и обхватываю себя двумя руками.

— Замерзла? — игнорирует моё утверждение Царёв. — Нам здесь торчать минимум час, пойдем и правда посидим в кафе.

Переживания за Тимку не хотят меня отпускать. И я продолжаю нервно крутить чашку в руках, даже когда, сидя в уютном небольшом кафетерии, проходит полчаса с того момента, как Егор забрал с собой ребенка.

Закусываю щеку изнутри, удерживая себя на одном месте, понимая, что Тима в безопасности и ему помогут, что поводов для беспокойства нет, но потеря его из вида, выбивает меня из колеи. Мне чудится будто бы меня снова утягивает топь. И даже горячие стенки чашки не прогоняют мороз, бегущий вдоль моего позвоночника.

— Всё будет хорошо, — Сергей протягивает руку, нежно отрывает мои ледяные пальцы от чашки и легонько сжимает их.

Я поднимаю взгляд от черной жижи на дне посуды и смотрю на бывшего мужа. И будто бы вижу его впервые.

Четыре года назад именно этих слов от него мне и не хватало. Именно этих теплых пальцев, сжимающих мою руку и уверенной спокойной улыбки. Мне не хватало его всего. И кажется только сейчас я начинаю прощать ему эту нехватку.

11.2. Сергей

«Мы по-прежнему здесь одни — в тёмном небе ни огонька;

Это всё ещё, чёрт возьми, моё сердце, моя рука.»

Анжелика Варум, Леонид Агутин — На паузу

Сергей

— Ба, какие люди, — пропел насмешливый голос лучшего друга в трубке. — Я уж думал, тебя твоя паучиха сожрала.

— Зубы не доросли, — огрызнулся я и вздохнул. — Дело есть.

— А ты мне иначе и не звонишь, — парирует Егор. — Лучший друг, называется. Выкладывай, раз уж позвонил. Чего тебе надобно, старче?

— Только давай без лишних вопросов. Ладно?

— Лады, — уже более серьезно раздается на том конце трубки, после секундного замешательства. — Что случилось?

— Яне нужна помощь, — и не дожидаясь попыток психоанализа со стороны друга,

выкладываю всю ситуацию, как на духу, лишь умолчав про причину такой скрытности.

— Подожди. Яне? Так, малый твой сын? — моментально реагирует Егор и мне даже чудится, что я вижу, словно мгновенно он подбирается и готов броситься в атаку, растерзав меня вопросами.

— Нет. Пацан не мой, — горчит и жжет где-то в районе груди.

«Мой давно в могиле» — ревет и беснуется внутренний голос, но я молчу, сжимая челюсти до зубового скрипа.

А еще я, кажется, стал понимать, что ревную Яну к этому ребенку. Ревную, пусть и не имею на это право. Горячо, остро. Будто бы он отнимает её у меня. Словно её нежность в глазах, когда она смотрит на него и то с каким остервенением она борется за него, должны предназначаться мне.

— Что ж, — резюмирует Егор. — Привози, посмотрим, что можно сделать. У нас, конечно, клиника пластической хирургии, но что-то придумаем.

Киваю, пусть собеседник этого не видит и, коротко поблагодарив, завершаю разговор, как раз к тому моменту, как на кухне появляется Яна с пацаном.

Язык не поворачивается, назвать его по имени. Даже мысленно, я пытаюсь абстрагироваться от него, лишний раз замечая, лишь как досадную помеху. Какой он в принципе и был. Помеха, которая уже начала портить жизнь моей бывшей жене.

Всю дорогу мы почти не разговариваем. Лишь на полпути я объясняю Яне куда отвезу её с ребенком и больше не говорю ни слова. А когда Егор лезет к ней со своими объятиями и вовсе готов прихлопнуть лучшего друга на месте, точно надоедливую муху. Его становится слишком много и то какие взгляды кидает он на Яну, заставляют меня медленно закипать.

Да, мы давно в разводе. И у меня новая жизнь, но... Черт! Как же глупо и нереально всё происходящее. Каждая секунда с ней, каждый миг. Я хочу быть рядом и прекрасно понимаю, что это невозможно. Но сдержаться себя не могу.

И когда она в кафе, пытается согреть ладони, нервничает, бросая взгляды на выход из помещения, натянутая, словно струна, я беру её ладошку в свою руки, сжимаю и делюсь своим теплом. Просто, чтобы она расслабилась и улыбнулась. Чтобы перестала дрожать и переживать за этого пацана, словно он и правда её сын.

Момент душевной близости разрушает звонок мобильного.

— Егор, — оповещаю Яну, скрывая своё недовольство, что кто-то посмел нарушить наше уединение и поднимаю трубку.

— Можете забирать Тимофея, — сообщает лучший друг и как только я передаю Яне информацию, она мгновенно срывается с места и спешит на выход, что мне замешкавшись с оплатой, потом приходится ее догонять.

— Принимайте, своего бойца, — Егор передает мне на руки сонного ребенка и поворачивается к Яне: — Не всё так страшно. У него трещина, гипс наложили. Чтобы не травмировать детскую психику, решили наркоз сделать. Не переживай. Проспится и отойдет. Если будут какие-то проблемы — вот мой номер. Звони в любое время дня и ночи.

Небольшой прямоугольник кочует в руки Яны, и она тут же прячет его в боковой карман сумочки.

— Бедный мой мальчик, — невесомо поглаживая пацана по волосам, бывшая жена интересуется: — Сколько ему так ходить? Какой уход?

— Придете на рентген через месяц, посмотрим. Главное, не мочить. И через сутки пусть пытается напрягать мышцы под гипсом, чтобы они не потеряли силу.

Всё это время я молчу, не вмешиваясь в их разговор, имея возможность рассмотреть пацана поближе. Нет, никакие струны души не дергаются и сердце не замирает. Ничего. Ребенок — как ребенок. Нос курносый, ресницы длинные, лоб отчего-то нахмуренный. Да, шрам на лбу. У Сашки был похожий, но немного другой. И в целом он совершенно, даже отдаленно, не был похож на нашего сына.

«Что же она нашла в тебе?» — недоуменно спрашиваю про себя и не нахожу ответа.

С небывалым облегчением сгружаю свою ношу на заднее сидение машины и по дороге то и дело подглядываю за Яной, которая держит голову ребенка на своих острых коленках, обтянутых синей тканью простых джинсов, поглаживая его по голове. А затем и вовсе наклоняется и губами прикасается к его лбу, шепчет что-то едва слышно и улыбается ему так нежно, что я едва не пропускаю сигнал светофора, очнувшись только когда сзади стоящая машина возмущенно начинает гудеть.

Мы подъезжаем к её дому, когда на улице уже начинает смеркаться. Пацан, который отошел от наркоза еще в машине, вновь засыпает, утомленный событиями дня и мне приходится нести его на руках до кровати.

— Выпьешь кофе? — спрашивает тихо девушка, когда я укладываю ребенка на покрывало.

— Я сам сделаю. Помочь раздеть? — подбородком указываю в сторону ребенка и получив твердый отказ, пожимаю плечами и иду на кухню варить крепкий эспрессо, прекрасно осознавая, что дома меня ждет скандал в исполнении Вики и соответственно беспокойный сон на неудобном диване.

— Спасибо, что приехал, — раздается за спиной

Я слишком сильно погружаюсь в свои мысли, что пропускаю появление бывшей жены на кухне. Рука дергается, и несколько черных капель летит из джезвы на столешницу.

— Ты же знаешь, что я всегда приеду. Только скажи.

— Не всегда, — качает головой Яна. — Однажды ты не приехал.

Именно так. Однажды я не приехал. Не успел. И это мой рок. Мой грех и мой личный камень, который никогда даст покоя и спокойной жизни. Я буду нести его до конца своих дней, помнить до последнего вздоха.

— Ты никогда не простишь меня? — я не помню, каким образом оказываюсь так близко к ней. Как отставляю сосуд с кофе, и двумя размашистыми шагами преодолеваю расстояние между нами.

— Нет, — качает она головой, но глаза говорят совершенно о другом. И эта речь гораздо ближе к правде, чем такое короткое и лживое: «нет».

Она первая сокращает последние миллиметры между нашими телами, а мне не надо больше никаких слов, чтобы вновь притянуть её в свои объятия, стянуть заколку, отшвырнув её куда-то в дальний угол и, запустив ладонь в её волосы, впиться в такие манящие и любимые губы. Всё еще любимые.

12.1. Яна

«Не она, ни я, не виноваты.

В том, что стало всё лишь, моей лишь утратой.

Я простила, но не отпустила.

Это — боль»

Alyosha — Маленький секрет

Яна

Безумие поглотило меня с головой. Я и сама не понимала, каким образом оказалась так близко к Сергею и зачем потянулась к его губам. Словно, вместе с переживаниями этого сумасшедшего дня, ушли и рамки, в которые я так старательно себя загоняла.

Я досконально помнила его губы, рваное дыхание, щетину, которая оставляла легкие царапины на моем подбородке. Помнила, пусть и старалась забыть столь долгое время, замещая все воспоминания чистой концентрированной болью.

Знала, что делаю только хуже. И себе, и ему, и даже Тимке. Потому что ничем хорошим это не закончится, а в моей жизни и так столько сложностей и проблем. Но вопреки всему, я цеплялась за его плечи, притягивала мужское тело ближе и млела в его обжигающих объятиях.

Потом. Всё придет потом. Сожаление, обида, злость, вина. А сейчас оставался только он. Только его глаза напротив, его ладонь на моем затылке и наше общее прошлое. Так как будущего у нас точно нет.

А затем все закончилась. Столь резко и неожиданно, что я сама не поняла, когда оттолкнула его от себя.

На столе продолжал вибрировать мобильный телефон Царёва и мне хватило одного мимолетного взгляда, чтобы понять, кому именно понадобился мой бывший муж.

— Ответь, — потребовала я, соскакивая с кухонного стола на котором оказалась непонятно, когда и как.

— Потом, — отмахнулся Сергей, не отрывая от меня внимательного взгляда. — Подождет.

— Когда умирал Саша и ты не взял трубку, думал точно так же? — интересуюсь я, пытаюсь скрыть всю свою клокочущую внутри меня ярость.

— Яна... — он пытается приблизиться, но я намеренно обхожу стол, оставляя между нами хоть какое-то препятствие.

Страсть схлынула, оставляя после себя лишь разочарование. Какая же я дура, Господи. Как я вообще позволила ему притронуться к себе. После всего, что произошло. И этот звонок. Этот чертов звонок мобильного, который враз поставил всех на свои места. Новая жизнь требовала его присутствия, точно так же, как требовала его я, когда понимала, что сыну остаются считанные минуты.

— Я не знал.

— Это не оправдание, черт тебя дерь, Царёв! — я стараюсь не кричать, понимая, что в соседней комнате спит маленький ребенок, но в голосе то и дело прорываются высокие ноты отчаянья. — Ты хоть любил кого-то, кроме себя? Меня, Сашу? Её? Ты любишь ее? Свою невесту.

Сергей вздыхает и устало трет переносицу. Он никогда не мог с должностью переносить мои истерики. Его утомляли мои слезы и ровно, как и сейчас, он не видел смысла говорить со мной, предпочитая трусливо прятаться в своей раковине, цепляя маску безразличия.

«Саше становилось всё хуже. И я чувствовала неизбежный конец. Сжимала холодную ладонь сына и беззвучно глотала горькие слезы. Я не должна была его пугать, но сдерживать себя не получалось.

— Мама, — он улыбался бледными пересохшими губами. Мой маленький солнечный мальчик, которому так рано пришлось повзрослеть.

— Все будет хорошо, — уверяла его я, невесомо целуя в макушку. — Скоро ты

поправишься, мы переедем в новый дом, заведем собаку. Ты же хотел собаку?

— Да, — едва шепчет он. — Когда придет папа?

— Скоро, малыш. Очень скоро. Я сейчас ему позвоню, и он обязательно придет, — хватаю мобильный с тумбочки у больничной койки и спешу за дверь, кусая губы, чтобы не закричать в голос от разрывающей меня на куски боли.

Стою так несколько секунд, привалившись затылком к двери и онемевшими пальцами, набираю заученный наизусть номер. Но в ответ слышу лишь гудки. Длинные протяжные гудки, которые подобно пулям решают меня насквозь.

— Пожалуйста. Возьми трубку, — шепчу я, набирая его снова и снова. Но абонент не слышит мои отчаянные крики о помощи, не слышит и слышать не желает, сбрасывая очередной звонок.

Я возвращаюсь в палату, старательно делая вид, что все хорошо. Присаживаюсь у ног сына, поправляю одеяло, улыбаюсь, сквозь призму слез, плещущихся на дне глаз.

— Папа скоро будет, — отчаянно вру я. — Он уже совсем рядом.

— Ладно, — кивает Саша, устало прикрывая отяжелевшие веки.

В тот вечер он так его и не дождался...»

— Любил. Любил тебя и нашего сына, — врывается голос Сергея в моё сознание. — Не все обстоятельства зависят от нас. Если бы я тогда знал...

— Но знать ты не захотел, — заканчиваю за него я.

Я не хочу больше скандалов. Более того, воспоминания высасывают из меня последнюю энергию и мне едва хватает сил, чтобы держаться на ногах, а не сползти на холодный пол кухни, проваливаясь в спасательный сон.

— Ты же прекрасно знаешь, что это не так, — он вскакивает со стула и в несколько шагов оказывается рядом, хватая меня за плечи. — Я никогда не прощу себе этого. Никогда, слышишь? Но исправить я уже ничего не смогу. Я тоже потерял сына, Яна. Не только ты. И мне тоже было больно и плохо, как и любому живому человеку, но ты эгоистично предпочитала об этом забывать. Была только ты и твоя боль. И вместо того, чтобы пройти этот путь вместе, ты предпочла закрыть от всего мира.

— Отпусти, — морщусь я, пытаюсь вырваться из его крепкого захвата. — Мне больно.

Его правда действует на меня, как ушат воды. Думала ли я когда-то о его чувствах? Определенно нет. Я жила в своей холодной пустоши, заморозив все мысли. Но ведь и сейчас размышлять об этом было слишком поздно. Мы стали другими и прожитые годы вдали друг от друга, оставили абсолютно разные отпечатки на нас. У него теперь невеста, у меня Тимка. Все правильно, как и должно быть.

— Прости, — Сергей отпускает меня и его руки безвольными плетями падают вдоль туловища.

— Тебе лучше уйти, Царёв.

Я клетка для него. И как бы мне не хотелось вновь оказаться в его объятиях и ощутить его теплые губы на своих губах, я должна его отпустить. Снова.

Телефон вновь начинает вибрировать. Сергей берет его в руки и не отрывая от меня взгляда, подносит к уху, предварительно приняв входящих вызов.

— Скоро буду, — так и не дослушав длинную тираду собеседницы на том конце провода, произносит он и скидывает вызов, делая свой окончательный выбор.

12.2. Сергей

«Моя любовь пьяным голосом,

Кричит во всем виноват ты сам,
Но до сих пор на ее мели
Стоят души моей корабли»
Сергей Мироненко — Любовь СК редкая
Сергей

Я ушел, вопреки тому, что хотел остаться. Ушел, плотно, почти беззвучно, затворив за собой дверь, хотя в душе был такой немислимый ураган, что хотелось крушить всё на своем пути. Эта женщина никогда не давала мне возможности оставаться безразличным. Умело выворачивала все мои чувства наизнанку, полоскала душу в крутом кипятке, ошкуривала наживую. И я поддавался ей. Вновь и вновь. Потому что не мог иначе, потому что сердце еще болезненно сжималось, стоило лишь понять, что она больше не моя.

Все усложнялось. Я запутался окончательно и бесповоротно. И маятник судьбы раскачивался в разные стороны с неумолимой скоростью. Была Яна. Был этот пацаненок, были проблемы, прошлое, Сашка. И была Вика, с которой я мог начать все чистого листа. Построить новую, возможно не такую счастливую, как казалось ранее, жизнь.

Я ехал по пустым улицам ночного города, медленно затягивался сигаретой, выпуская кольца дыма в приоткрытое окно и вместо того, чтобы решить для себя хоть что-то, вспоминал. Какие на вкус были её губы и как она цеплялась за мои плечи, будто я её личный спасательный круг. И горький яд её слов, который проникал прямиком под кожу, жая и медленно отравляя сознание.

«Ты хоть любил кого-то, кроме себя?» — вновь спрашивает Яна в моей голове.

Любил. Тебя. До безумия любил и кажется, что ничего из этого не осталось в прошлом. Но у меня были обязательства перед другой женщиной, в конце концов, я не мог поступить, как подонок еще и по отношению к ней.

Вика встречает меня в коридоре. Я не успеваю зайти, как натыкаюсь на бушующее пламя в глубине глаз моей невесты и поджатые пухлые губы. Она в одном тонком халатике, босая, недовольная и очень красивая. И мне правда стоит ценить то, что я имею. Я, черт возьми, счастливчик, каких поискать, но кроме эстетического удовольствия, я больше ничего не испытываю к блондинке. Словно картинка, которой можно только любоваться, но не любить.

— Где ты был? — шипит Виктория, не хуже гадюки, которой наступили на хвост.

— Извини. Задержали на работе, — устало тру виски в безуспешной попытке избавиться от стягивающего голову ментального обруча.

— Врешь, — цедит Вика.

Вру. Безбожно вру, но и сказать правду язык отчего-то не поворачивается. Я ведь уверял ее, что всё в прошлом, что между мной и Яной ничего нет. И казалось даже сам в это верил. Вплоть до сегодняшнего дня, пока вновь не прикоснулся к ней и не потерял окончательно голову.

— Ты был у нее, да? У своей бывшей?! — голос невесты переходит на ультразвук, а я с невероятной силой борюсь с желанием заткнуть уши, чтобы не слышать этот раздражающий меня мышинный визг. — Ты спишь с ней?! Что ты молчишь?!

Виктория в считанные секунды оказывается рядом, и я отстранено наблюдаю, как изящная женская ладошка взлетает вверх, а затем щеку опалила пощечина. Я бы с легкостью мог перехватить её руку, но не стал. Возможно потому, что действительно заслужил этот удар. Я почти изменил ей и, если бы не Яна, не задумываясь перешел бы эту грань, попирая

все общепринятые моральные принципы. Потому что с Яной невозможно по-другому. Невозможно, касаясь её думать о том, что обещал быть верным совершенно другой женщине. Более того, я даже на секунду не вспомнил о ней, будучи рядом с бывшей женой.

— Поговорим, когда успокоишься, — я беру ключи от машины, которые успел швырнуть на тумбочку, как только пришел и выхожу из квартиры не сдерживаясь в этот раз, громко захлопываю за собой дверь.

Я зол. На себя в первую очередь. Зол, потому что ничего не могу поделать с собой, да и положила руку на сердце не хочу. В моей голове лишь одно желание: втопнуть педаль газа в пол и как можно быстрее оказаться рядом с Яной. Притянуть её хрупкое тело в свои объятия, дышать ей, согреть её своим теплом и жить рядом с ней. Ибо то, что было без нее — жизнью трудно назвать.

Она вынудила меня уйти, и я вновь позволил ей сделать выбор за нас двоих, танцующих чечетку на тех же самых граблях, невзирая на болезненные набитые шишки.

Превозмогая себя, я направляю машину к ближайшему бару, а не к её дому. Подолгу стою на стоянке, подпирая бедрами капот машины и курю одну за одной, в пустых попытках выветрить дурь из головы, вернуться к невесте и к спокойной размеренной понятной жизни, где больше нет Яны, ведь я потерял её много лет назад. Потерял, чтобы сейчас горько сожалеть и биться подобно мухе об стекло, убивая себя и заодно её.

В питейном заведении многолюдно, но мне удается отыскать одно место у барной стойки, и я спешно его занимаю, жестом подозвав к себе бармена.

— Коньяк и лимон.

Парень понятиливо кивает и в мгновении ока организует требуемое, после чего переключает своё внимание на других клиентов, разрываясь между посетителями.

Я залпом выпиваю горячительный напиток и жестом прошу повторить, занюхивая спиртное долькой лимона. Пить нет абсолютно никакого желания, но лишь алкоголь сейчас в состоянии заглушить бурлящий поток моих эмоций.

— Х*еново? — интересуется сосед справа, поворачиваясь ко мне в пол-оборота и представляется: — Дмитрий.

— Сергей, — киваю я, занимая рот цитрусовыми, не желая вступать в диалог с абсолютно незнакомым мужиком, который, казалось, возомнил себя великим психологом. Я сам в состоянии разобраться со своей жизнью без чужих советов и нравочений.

— Дай угадаю: баба? — не отстаёт навязчивый собеседник и, оценив моё молчание, как знак согласия, продолжает свой монолог. — Понимаю.

Ровным счетом ничего ты не понимаешь. Но и объяснять что-то я не собираюсь. Молча слушаю, вливая в себя коньяк, стараясь отрешиться от всего происходящего, но голос соседа то и дело врзается в сознание, не даёт покоя, рушит тонкое и шаткое равновесие.

— Я думал найду этой ведьме зеленоглазой замену по щелчку пальцев, столько баб перетр*хал, а толку, — Дмитрий невесело хмыкает. — Она мне сына родила, из тюрьмы ждала, передачи носила. А я как был м*даком, так и остался. Изменил ей с какой-то шл*хой. Даже имени её уже не помню. Привык, что Инна ради меня на всё готова была. А она ушла. Замуж вышла, дочку родила. Её новый муженек сына моего воспитывает. Только вот я остался один у разбитого корыта.

Мужик замолкает. Смотрит куда-то в пустоту стеклянными глазами, а потом вдруг переводит взгляд на меня и отмирает. Хлопает меня по плечу и изрекает:

— Мой тебе совет: если жизни без нее нет, не задумываясь хватай и не отпускай. Иначе

потом будешь сидеть в баре пьяным в стельку с каким-то мужиком и рассказывать ему, как в своё время облажался. А потом вернешься в холодную пустую квартиру и волком выть будешь от грызущего одиночества, а та которую любишь, словно издеваясь, тебе снится будет каждую ночь. И ни одна другая её не заменит. Поверь мне.

13.1. Яна

«Падали с небес, яркие звезды

А может нам с тобой, все еще не поздно

А может мы с тобой, так и не остыли

Господи, как же мы любили»

Ирина Билык ft. Сергей Мироненко — Отпусти

Яна

Шестеренки начинают крутиться в очередной раз запуская машину времени, сотканную из боли, отчаянья, воспоминаний. И каждый его прощальный взгляд, каждый шум удаляющихся шагов, оставляет на сердце выжженный шрам. Мне бы свыкнуться, да не получается.

Мы раз за разом ходим по замкнутому кругу, видимо, не желая верить, что между нами давно все в прошлом. И сколько бы я не твердила себе, сколько бы не отталкивала его, всегда возвращалась к истоку. Всегда ждала его, прислушиваясь к любому скрипу за дверью и верила. Черт знает во что, но верила. И как же горько и до ужаса обидно, что вера моя лишь пустая иллюзия.

— Мне приснился кошмар...и рука болит, — тихий детский шепот где-то на грани слышимости отрезвляет.

Я вскидываю глаза, обвожу взглядом щуплую фигурку Тимки и вдруг отчетливо понимаю, что все мои переживания — мелочи. Вот он смысл моей жизни, стоит передо мной, переминаясь с ноги на ногу на холодном полу, поглаживает облаченную в гипс руку и стыдливо опускает глаза. Просто потому что не привык показывать свою слабость кому-либо.

Мне до зуда в пальцах хочется погладить его впалую щечку и убрать непослушные пряди со лба, прижать к сердцу и просто вдыхать особенный сладкий запах счастья, которым пахнут лишь дети. И один только страх вновь напугать Тимофея своим неуместным порывом материнских чувств, заставляет держать себя в узде.

Я подхожу вплотную, присаживаюсь на корточки и улыбаюсь ребенку. Усталость вмиг улетучивается, ни оставляя и следа от себя. И я готова переворачивать горы, и менять русло рек, только бы один маленький мальчик доверился мне и полюбил меня так, как уже успела полюбить его я. Безоговорочно и навсегда.

— Хочешь, я прочту тебе сказку на ночь и посижу рядом, пока ты не уснешь?

Тимка разглядывает меня долгую минуту, хмурит бровки и лоб, а затем неуверенно кивает и направляется к книжному стеллажу, без раздумий тянется к нужной полке и достает томик «Книга джунгли», который словно только и ждал своего счастливого часа.

Я насильно растягиваю губы в улыбке, ощущая, как несколько слезинок начинают дрожать на ресницах, а затем и вовсе скатываются по щекам, оставляя за собой мокрые соленые следы. И грызущее чувство потери, вновь вскидывает голову и радостно щерится, упиваясь моим состоянием.

— Мой сын... — я кусаю едва ли не до крови губу, пытаюсь себя заставить замолчать, но вопреки всему продолжаю. — Это была его любимая история.

— Почитаешь мне её? — спрашивает неуверенно Тима, протягивая здоровой рукой книгу.

— Конечно, — неуверенно киваю и принимаю из рук ребенка талмуд. Бережно прижав его к груди, прикрываю глаза и выдыхаю.

Слишком много совпадений, случайностей и схожести между ними. Настолько много, что каждый угрюмый взгляд Тимки, поворот головы или поджатые губы, заставляют сердце болезненно сжиматься в груди и выть.

Тимка устраивается на моей широкой двуспальной кровати, которая успела стать его персональным ложем и завернувшись в одеяло по самый нос, терпеливо застывает в ожидании меня. Я присаживаюсь с краю, не выпуская из рук сборник и уже готова приступить к чтению, когда как Тима удивляет и меня, и самого себя.

— Полежишь со мной? — смотрит умоляюще, двигаясь в сторону и освобождая мне место.

Язык прилипает к небу и не желает двигаться. И я киваю, кусая нижнюю губу, чтобы позорно не разрыдаться на глазах у ребенка. В последнее время я стала слишком сентиментальной, особенно когда дело касалось Тимофея.

Я ложусь рядом, подложив под спину подушку и погружаюсь в историю, краем глаза наблюдая, как становится осолопевшим взгляд Тимы, а глаза постепенно сами закрываются, так и не дослушав одну из историй до конца.

Поправляю одеяло, невесомо, стараясь не разбудить дитя, глажу его по лобик, кончиками пальцев обводя шрам. И все кажется настолько верным и правильным, что тяжесть прошедшего дня начинает постепенно отпускать меня. Как бы то ни было, теперь я не одна. У меня есть Тимофей, а у него есть я. И чтобы не произошло между мной и Сергеем, как бы не сложилась наша дальнейшая жизнь, Тимку это никак не должно коснуться. Он слишком много натерпелся, чтобы сейчас страдать вновь.

Выбираюсь из кровати, выключаю ночник, оставляя книгу на краю прикроватной тумбочке, и выскальзываю из комнаты, притворив за собой дверь. Спина затекла от неудобного положения, я, стараясь растереть поясницу, направляюсь в ванную, когда тишину погрузившейся во мрак квартиры, разрывает дверной звонок.

Время уже слишком позднее для незваных гостей, но я, не вникая в эти сложности, спешу открыть, боясь, что излишний шум разбудит только что уснувшего ребенка.

— Здравствуй, — произносит гость, плечом облокотившись о дверной косяк.

Казалось прошло всего несколько часов с последней нашей встречи, но бывший муж, успел растерять весь свой прежний лоск. Помятый, взлохмаченный, с мешками под глазами и морщинками в уголках губ. От него разит алкоголем за версту и кажется порван рукав у дорожущего пальто, хотя в сумерках прихожей такие детали сложно разглядеть.

— Зачем ты вернулся? — облизываю пересохшие губы, не отводя взгляда от мужчины, будто бы он, подобно выдумке моей воспаленной фантазии, растворится в воздухе, стоит мне лишь отвернуться.

— Кажется, я сделал неправильный выбор...

— Кажется? — мелочно придираюсь к словам, только чтобы скрыть свое неуместное волнение, клокочущее обжигающей лавой где-то внутри.

Я ведь втайне надеялась на такой исход. Пусть и ругала саму себя, уверяя, что Царёв давно стал чужим мужчиной. Но ведь сердце не прикажешь. Оно предательски замирало при виде него и рвалось к нему, толкало меня в его объятия, раз за разом заставляя жалеть.

— Какая же ты невыносимая, — шепчет он, оказываясь в одну секунду слишком близко, ладонью зарываясь в мои волосы, оттягивая их и открывая себе лучший доступ к губам. А затем пьет меня до дна, кусает, облизывает рот и жалит своими пьяными поцелуями с привкусом коньяка. — Моя.

Я не отрицаю, царапаю его плечи, напрочь забываю про открытую настежь дверь и соседей, которые могут узреть сие безобразие. Просто дышу им, его запахом, губами, сильными и уверенными касаниями, болью, что жалит и ласкает меня изнутри.

Одному Богу ведомо, как я скучала. Как проклинала себя и жалела день за днем без него, как рвалась на части, в попытках забыть его и не забывать. Противоречила самой себе, медленно умирала, превращаясь в ту самую старуху из зеркала.

Он подхватывает меня на руки, заставляя обвить ногами его талию, прижимает к стене, спускаясь горячими губами вдоль шеи к ключице. Ласкает взглядом из-под опущенных темных ресниц, опалает дыханием кожу, шепчет на ухо всякие глупости, и я сдаюсь на его милость, наплевав на его свадьбу, невесту и новую жизнь.

13.2. Яна

«И я за ним по краю, снова забываю
Все обиды и все что болит
И мне бы стать сильнее, но я им болею
Я попала в его лабиринт»
Ани Лорак — Лабиринт
Яна

Вода, льющаяся из душа, кажется ледяной по сравнению с его горячим телом, которое вот уже целую вечность прижимается ко мне сзади вплотную, отказываясь выпускать мое брэнное разморенное тельце из своего плена. Хотя стоит признать, что я и сама не горю желанием уходить. Потому что там за стенами душевой кабинки нас накроет реальность. Пусть не сразу, а с рассветом, но этот момент обязательно наступит. И я до трясущихся поджилок боюсь этого. Боюсь его потерять, как уже однажды теряла. Да только тогда всё было гораздо проще. Мои эмоции были покрыты оглушающей анестезией, действие которой теперь сошло на нет.

Ныне моя душа — оголенный нерв. Мое сердце — открытая кровоточащая рана, прикрытая, каким-то неумелым хирургом, легкими стежками. И то, что я позволила Сергею войти в мой дом, целовать меня, заниматься со мной любовью, нисколько не помогает краем этой раны срастись, а скорее наоборот. И мне бы выставить его за дверь, но я продолжаю стоять, теснее прижимаясь спиной к его крепкой груди.

— Не думай, — ласковый шепот на ухо и мягкие губы, терзающие мочку моего уха.

— Не могу, — разворачиваюсь в его руках и утыкаюсь носом в ложбинку на шее, вдыхая такой знакомый и родной запах. — Что будет дальше?

— Я не знаю, — неуверенно улыбается он. — Но сделаю всё от меня зависящее, чтобы мы снова были вместе. Я и ты.

— И Тимка...

— Яна, — вздыхает Сергей, но я вскидываю голову и твердо смотрю ему в глаза.

Я не отступлюсь от этого ребенка. Чтобы ни случилось и как бы дальше не развивались наши с Сергеем отношения. И если он действительно хочет быть со мной, он должен это понять, иначе ничего не выйдет. Как бы я его не любила.

— И Тимка, — кивает Сергей, качая головой.

Я вздыхаю и, прикрыв глаза, снова утыкаюсь в него носом, не в силах больше вымолвить ни слово. Но этого и не нужно.

Сергей сам выключает воду, сгребает меня в охапку и выносит из душа, после укутывая в полотенце, как маленького ребенка. А потом, так же на руках, переносит на диван, придвигая своим телом к стенке и накидывая на нас одеяло.

И вопреки тому, что диван не предназначен для двоих человек, и мне ужасно тесно, а еще очень жарко, я моментально погружаюсь в сон без сновидений, впервые за столько времени. Меня больше не мучают постоянные кошмары. Мне так спокойно и хорошо, что это должно пугать. Я слишком долго пребывала в пучине боли, что привыкла к ней. Каждый день ощущая сосущую внутри пустоту и сосуществуя с ней бок о бок. А теперь в его крепких объятиях, как в колыбели, я чувствовала, будто напряжение постепенно уходит и отпускает. Рассыпается мелкой крошкой в воздухе, превращаясь в пыль.

И будит меня не собственный крик, а аромат крепкого кофе, щекочущий нос. Я провожу рукой по дивану налетая на пустоту, но тихие голоса, которые доносятся из кухни, дают понять, что Сергей и наше ночное безумие, мне явно не приснилось.

Накидываю халат и, стараясь не шуметь, крадусь на кухню, чтобы застать милейшую картину. Даже невольно улыбаюсь не в силах сдержаться.

Тимка сидит на стуле и с огромным усердием пытается справиться с яичницей на тарелке, а Сергей, сидя напротив, цедит маленькими глоточками кофе и с неподдельным интересом следит за Тимофеем и его разборками над неповинными яйцами.

— Доброе утро, — оповещаю о своём присутствии. — Смотрю ты освоился.

— Всё лежало на прежних местах, — пожимает плечами бывший муж. — Ты, как прежде, консерватор. Садись. Сварю тебе кофе.

— Спасибо, — улыбаюсь благодарно и тут же ловлю невесомый поцелуй на своих губах.

Стушевавшись кошусь на Тиму, но тот кажется даже не обращает на нас внимания. Едва ли не утыкается носом в тарелку и хмурит бровки-домиком пуще прежнего. И мне отчего-то это не нравится. Поганое предчувствие подбирается все ближе и вопит, будто разъяренная банши в моей голове. Лишь бы чего не надумал ребенок лишнего. Только более-менее стал привыкать к моему присутствию в его жизни.

— Мне надо съездить по делам, — чашка горячего терпкого напитка оказывается передо мной на столе, а Сергей присаживается рядом, заглядывая мне в лицо. — Я поговорю с Викой, а затем надо будет заняться вопросом твоего сорванца. Мне нужен адрес его отца.

— Зачем? — мы вскрикиваем с Тимофеем почти одновременно, даже не пытаюсь сдержать просачивающуюся в голосе панику.

— Вы вернете меня обратно? — тут же продолжает Тима, и я наблюдаю, как бездонные блюдца ребенка наполняются соленой влагой, и нижняя губа начинает слегка подрагивать, пусть он и закусывает ее в попытках скрыть своё беспокойство.

— Нет, — категорически заявляю я и вскакиваю из-за стола, чтобы скорее оказаться возле малыша. Поворачиваю стул и присаживаюсь около его ножек на корточки, чтобы заглянуть в опечаленные глаза ребятенка. — Никто и никогда тебя не отдаст. Это теперь твой дом. Запомни это.

— Ладно, — шмыгает носом Тима, но в глубине глаз все также плещется недоверие.

— Яна права. Никто не собирается отдавать тебя обратно, — вмешивается Сергей. — Но и жить здесь у тебя нет законных оснований. Ты же не хочешь, чтобы Яна пострадала из-за этого?

— Царёв! — рычу подобно разъяренный тигрицей, взглядом призывая его замолчать. Не хватало мне, чтобы Тима решил, будто обуза для меня.

— Не хочу, — мотает головой Тимофей.

— И я не хочу, — продолжает бывший муж как ни в чем не бывало, старательно игнорируя моё возмущенное пыхтение. — Но твой отец может доставить нам множество лишних проблем. Именно поэтому я должен с ним поговорить. Рано или поздно, он вспомнит о сыне и тогда мы можем угодить в большие неприятности.

— Я понимаю, — угрюмо кивает Тимка.

— Хватит запугивать ребенка, — не выдерживаю я, вскакивая. — Как-никак, здесь только один человек виноват в сложившейся ситуации. И этот человек — я. Значит я и буду решать проблемы по мере их поступления.

И хоть разумное зерно было в словах Сергея, тон с которым он это пытался донести, совершенно выводил меня из себя. Явился и принялся командовать, словно мы только и ждали, когда он прискачет на своей дорогущей машине и решит все наши проблемы. В конце концов, Тима еще ребенок, чтобы сваливать на него ушат взрослых проблем. Да и прежде чем начинать совершенно недетский разговор, Царёв обязан был поговорить со мной, а не со всей присущей ему прямолинейностью давить на Тимку грузом ответственности, черт бы его побрал.

14.1. Сергей

«Мой брат сказал однажды мне: "Если не задалось, — не жди!"

Полжизни привыкал я к ней, а нужно было просто уйти»

Валерий Меладзе и Константин Меладзе — Мой брат

Сергей

За последние годы я никогда еще не чувствовал себя более полноценным, чем сейчас. Лежа на узком диване в гостиной, прикрытый клочком одеяла и до чертиков счастливый, держа в своих объятиях бывшую жену. Если боги хотели поглумиться над нами — у них прекрасно получилось.

Я жестоко обманывал себя, когда утверждал, что действую по наитию грызущей совести и просто хочу помочь. Хотя никаким альтруизмом тут и не пахло. Просто кто-то зашил мне в груди магнит, который то и дело тянул меня к Яне. И если раньше я тупым бараном упирался этому притяжению, то теперь все встало на свои места. Кусочки головоломки сложились в цельную картинку и склеились намертво.

Идеальная для меня. Со всеми её сложностями, глупостями, нервами от которых, в своё время, я так трусливо бежал. Бежал, чтобы вновь вернуться, но теперь уже навсегда.

Сам не замечаю, как за размышлениями проваливаюсь в дремоту и лишь долгий буравящий взгляд заставляет очнуться, сбросив с себя оковы сна. Едва разлеплю глаза, как натыкаюсь взглядом на пацана, который совершенно не скрываясь рассматривает меня.

— Выспался? — интересуюсь, поправляя одеяло.

— Угу, — бурчит неразборчиво и хмурится.

— Завтракать будешь? — пытаюсь наладить диалог, но мелкий на контакт явно идти не стремится.

Усмехаюсь, понимая, что сам не в великом восторге от его присутствия в жизни Яны. Но и поделаться ничего не могу. Этот пацаненок ей стал слишком дорог. И я попросту боюсь, что поставь я её перед выбором, падет он явно не в мою пользу. Поэтому, вопреки моему жгучему порыву схватить пацана за холку и оттащить к родителям, мне придется учиться с

ним коммуницировать. Постараться найти хоть какие-то точки соприкосновения. Хотя бы ради Яны и её душевного спокойствия.

— Блинов не обещаю, — не дождавшись ответа продолжаю я. — Могу предложить яичницу. Сойдет?

Кулинарные способности у меня далеки от совершенства, но с этим блюдом сложностей возникнуть не должно.

Пацан кивает и, разворачиваясь, топает босоногими ступнями на кухню, не оборачиваясь.

Вздыхаю, всего на секунду прикрыв глаза, пытаюсь вспомнить где в последний раз видел свои вещи. Не хотелось бы устраивать голый забег по гостиной на глазах у ребенка.

Когда появляюсь на кухне, мелкий сидит за столом, едва не приклеившись к окошку, словно, не замечая моего присутствия. И мне бы махнуть рукой на сей протест, но мысленно вздохнув и поставив сковородку на плиту, произношу:

— Тимофей.

Кажется, впервые за все время обращаюсь я к пацану по имени.

— Что с твоими родителями?

— Батя пьет, — пожимает плечами мелкий и поворачивается ко мне, вновь нахмутив высокий лоб. — Мама умерла.

Я киваю и отворачиваюсь к плите, делая вид, что чертовски занят приготовление яичницы.

Теперь понятно, отчего пацан такой колючий. Явно не привык кому-то доверять, особенно мужскому полу. Вон как жметесь в угол дивана и взглядом забитого волчонка сверлит мою спину.

Но он не Саша. И чем быстрее Яна поймет это, тем будет лучше для нас всех. Именно это я и пытаюсь донести ей и пацану, как только бывшая жена появляется на кухне. Слушать, однако, меня не желают, пытаюсь выстроить новую стену между нами.

Ну, нет родная. Так не пойдет. Один раз ты успешно провернула этот фокус со мной, больше я на это не клюну. Работа над ошибками проведена успешно, мы все повзрослели и стали отчасти мудрее. Закрывать от меня и убегать — я больше тебе не дам. Слишком дорога цена бесконечного одиночества, в котором мы плескались друг без друга.

Именно поэтому, невзирая на протесты Яны и её ярость, направленную в мою сторону, я пересекаю расстояние между нами, заключая бывшую жену в свои объятия. Сгребая в охапку, не давая сделать лишнего движения.

— Ты такая красивая, когда злишься, — шепчу в маленькое аккуратное ушко и непроизвольно улыбаюсь, краем глаза наблюдая, как пацан тихонько ретируется из кухни.

— Дурак, — фыркает девушка, но выдираться перестает, а затем и вовсе сдувается, расслабляясь в моих объятиях. — Я не отдам его никому. Понимаешь?

— Нет, не понимаю, — вздыхаю, качая головой. — Не понимаю, Ян. Но принимаю. И хочу помочь. Позволишь мне?

Она вздрагивает и поднимает взгляд, проникая им в самую душу. А затем кивает и сдается. Называет мне адрес, где проживает отец пацана и утыкается носом в грудь, отчего сердце болезненно сжимается в груди и ускоряет свой ритм. Я невесомо целую её в макушку, и мы стоим так обнявшись, кажется, целую вечность.

А потом я наживую отрываю себя от неё, ощущая эфемерную боль. Мне надо идти. Нельзя начинать новую жизнь, не расставив точки в старой. Да и Вика не заслуживает

такого обмана. Глупо было полагать, что дыру в сердце можно заштопать присутствием другой женщины в своей жизни и свадьбой с ней.

Доезжаю до своей квартиры быстро. Еще несколько минут сижу в машине и пытаюсь обдумать речь, но в голове, как назло, сплошной туман. Никаких мыслей, чистый лист. Расставаться всегда сложно, а тем более с девушкой, которая всего через две недели должна была стать твоей женой. Впрочем, я с самого начала понимал, что затея со свадьбой, по меньшей мере, дурацкая. Уходить надо было сразу. А еще лучше и вовсе не доводить до предложения.

Вику нахожу в гостинной. Она увлеченно листает свадебные каталоги, но стоит мне зайти в комнату, отрывается от своего занятия, вскидывает голову и, как ни в чем не бывало, улыбается.

— Милый, ты вернулся, — блондинка вскакивает с дивана и счастливо несется на встречу, пытаюсь повиснуть на шее, но я не позволяю. Выставляю руки, не давая ей прикоснуться к себе.

— Ты обижаешься за вчерашнее, да? Ну прости меня. Сглупила. Просто ты так резко исчез и не отвечал на звонки. Я, между прочим, переживала. Свадьба уже скоро, а у нас ничего не готово, — лепечет блондинка, взглядом побитого щенка взирая на меня.

— Свадьбы не будет, — коротко бросаю ей и разжимаю ладони, которыми удерживал девичьи запястья. — Я уйду.

— Что? Сережа, это шутка такая? Ты же сейчас шутишь? — взвизгивает Виктория, хлопая густыми наращёнными ресницами.

Я качаю головой, не отрывая от нее взгляда. Что же я нашел в ней? В её пухлых губах, сделанных умелым косметологом, искусственных ресницах и выбеленных волосах, упругой груди, за которую пришлось отдать немалые деньги. Картинка, которой хорошо любоваться, но не более.

— Ты просто устал. Я понимаю. Давай не будем рубить с плеча. Хочешь я отменю свадьбу? Просто распишемся и всё.

— Нет, Вика, — горько усмехаюсь я. — Я уйду к другой женщине. На этом точка.

14.2. Сергей

«Я обещаю, я тебя не потревожу

И ты мне кое-что пообещай

Как бы ни было тяжело и сложно

Скажи мне «прощай»»

Natan и Ирина Дубцова — Давай обнимемся в последний раз

Сергей

— М*дак ты, Царёв, — шипит Вика, скрестив руки на груди и наблюдая за тем, как я собираю свои вещи в чемодан.

Я лишь безразлично пожимаю плечами на это заявление, не стараясь что-либо доказать своей теперь уже бывшей невесте. Потому что и правда м*дак. Первостепенный такой. Любил одну, жил с другой, а теперь и вовсе уйду к бывшей жене, бросая невесту едва ли не у алтаря.

— Я потратила на тебя лучшие годы своей жизни! — продолжает причитать Виктория.

— Тебя никто не просил, — холодно подмечаю, застегивая молнию на багаже. Напоследок обвожу взглядом комнату, словно и дела мне нет до пышущей за моей спиной злобой девушки. Стараюсь вспомнить не забыл ли чего сверхнеобходимого и лишь затем

поворачиваюсь к Виктории, смело глядя в глаза.

— Да пошёл ты, — она пытается залепить мне пощечину, но я ловко перехватываю руку и сжимаю сильнее, чем следует. Больше такие фокусы со мной не пройдут. И припадки твои мне теперь абсолютно безразличны.

— Имей гордость, в конце концов, — кривлю губы в брезгливой гримасе и отпускаю женскую ладонь.

Я не люблю женские истерики. Всем своим нутром не перевариваю, как и большинство мужчин. Но сейчас, ничего кроме жалости к Вике я не испытываю. Даже злиться не могу понимая, что все ее манипуляции берут свое начало от безысходности, которая во всю плещется на дне её красивых глаз.

— Сереж... — тон у бывшей невесты как-то слишком резко меняется, отчего я даже не успеваю сообразить, а потом Вика и вовсе горько всхлипывает, падает на пол, хватая меня за ноги. Утыкаясь лицом в колени и ревет. Громко, да так надрывно, что у меня где-то в области сердца чувствуется болезненный укол.

— Не уходи, я прошу тебя. Не бросай меня. Я сделаю, все что хочешь. Если ты уйдешь — я выпрыгну из окна. Веришь? Прыгну!

— Дурочка, — вздыхаю и опускаю ладонь на женский затылок, невесомо поглаживая по волосам. — Вставай!

Помогаю подняться блондинке, подвожу её к дивану и заставляю присесть. Даже, ведомый сочувствием, приношу стакан воды с успокоительным и наблюдаю как в несколько глотков девушка осушает его, пытаюсь удержать стеклянную посуду в дрожащих руках.

— Не так надо было начинать, наверное, — морщусь, потирая переносицу. — Ты заслуживаешь гораздо большего, чем мужчину, который будет тебя предавать изо дня в день. Пусть не физически, но ментально уж точно.

— Я люблю тебя...

— А я тебя нет. В этом и заключается вся проблема, Вика, — тишина заполняет собой пространство квартиры. Вика беззвучно плачет, сжимая стакан до побелевших костяшек, а я молча наблюдаю за её безуспешными попытками успокоиться.

В конце концов, измученный гнетущем безмолвием, я отставляю мягкий поцелуй на её макушке и шепчу:

— Прости.

А затем ухожу. Забираю чемодан, закрываю за собой входную дверь и выдыхаю от облегчения, накрывшего меня с головой. Еще с минуту стою на лестничной клетке, взглядом буравя дверь квартиры и лишь затем, подхватывая чемоданы, спешу к машине.

Разговор с Викторией всколыхнул воспоминания, вытасканные из самых недр моей души. Как точно так же я уходил от Яны и просил прощения, выжигая пламенем ту проклятую любовь, что жила во мне с самой первой нашей встречи. Как оказалось, весьма безуспешно.

Я оступился. Опустил руки там, где нужно было проявить железное терпение и сжать зубы, поступив как настоящий мужик, а не обиженная на весь мир кисейная барышня. Но это было прошлое. Горькое, болезненное, но прошлое. Впереди же маячит будущее. Возможно не такое светлое, как грезится нам всем в мечтах, но стопроцентно новое. Новая жизнь, начатая с чистого листа. И только от нас с Яной зависит, как мы её напишем.

Вероятно, поэтому вместо того, чтобы лететь слома голову обратно к ней, я стоял у машины, хмуро рассматривая пятиэтажку за стенами которой прятались наши

потенциальные проблемы.

Спешно докурив сигарету, я проскакиваю мимо любопытных бабушек, сидящих на скамейке и скрываюсь в подъезде.

Дверь в квартиру отца Тимофея оказывается открыта. Ради приличия я несколько минут жму на дверной звонок, но так и не дождавшись ответа, решаю испытать удачу, потянув дверное полотно за ручку.

Жилище выглядит старым и обветшалым. Я прохожу по коридору, носком туфли пнув мешающую под ногами бутылку, и захожу на кухню, чтобы под тусклым светом лампочки застать пьяное тело, валяющееся опухшей рожой в тарелке.

С неким отвращением рассматриваю эшелон бутылок, которыми заставлен весь стол. Прохожу взглядом по грязным тарелкам в раковине и застывшему у плиты таракану, который кажется совершенно никуда не спешит, наслаждаясь атмосферой деградации, царившей в квартире.

Дабы утолить рвущийся наружу интерес обхожу остальные комнаты в квартире. Долго кручу в руках старого видавшего виды игрушечного медведя с оторванной лапой, чтобы все же забрать его с собой. Пацан, небось, обрадуется, увидев своего косолапого.

В целом мне стоило мысленно вlepить себе затрещину, потому что увиденное абсолютно кардинально поменяло моё отношение к мелкому. И пусть я не в великом восторге от его присутствия в жизни Яны, но одно знаю точно — мальчика надо вытаскивать. Этот клоповник совершенно не то что нужно маленькому ребенку.

Возвращаюсь на кухню, умащивая медведя на стол, возле пустой бутылки и беру чайник, набирая из-под крана ледяной воды. Пора будить спящего «красавца» и убираться отсюда. И так приходится дышать через раз, дабы не разъесть слизистую зловонием аммиака, вперемешку со спиртом.

— Подъем, — рывкаю прямо над ухом алкаша, поливая его голову из чайника.

— Че? Ты кто? Че те надо? — орет сей индивид, пытаюсь вскочить со стула.

— Сидеть! — жму со всей силы на плечи собеседника и, дождаввшись пока он послушно сядет, продолжаю: — Я пришел поговорить.

— Говори, — бухтит мужик, грозно нахмутив брови, но больше не предпринимает попыток вскочить, лишь раздраженно почесывая густую щетину на подбородке.

Даже вид деловой пытается сделать, когда я все же появляюсь в зоне его видимости и присаживаюсь напротив, предварительно смахнув ладонью грязь со стула.

— Сын твой знаешь где?

— Тимка что ли? — хмыкает горе-папаша. — Прячется где-то паразит. Не впервой. А тебе то чего? На молоденьких потянуло? Знаю я вас, извращуг...

Последнее и вовсе тянет так ехидно, прикрепляя громким неприятным ржанием, что у меня невольно чешутся кулаки, схватить его за шиворот и поелозить несколько раз мордой об пол.

— Но ты так и знай, я тебе его за просто так не отдам. Придется заплатить.

— Сколько? — едва сдерживая кипящую внутри злобу, рычу я сквозь сжатые зубы.

15.1. Яна

«Всё, что тобой сказано — это заповедь

Всё, что с тобой связано — это золото

Всё, что я чувствую

Глядя на тебя — это любовь»

Ёлка — Нечего терять

Яна

Весь день сижу словно на пороховой бочке, ожидая и страшась неизвестность. Вдруг он не придет? Вдруг та жизнь окажется ярче и привлекательнее меня и Тимы, вместе взятых. Ведь по сути ничего он нам не должен...

Мне. Мне он ничего не должен, а Тимке и подавно. И пусть эту ночь он провел со мной. Всего одну, казалось, нескончаемую ночь, наполненную нежностью и любовью.

Кусаю до крови губы, расхаживаю по комнате из угла в угол и даже принимаюсь печь пирог, чтобы хоть как-то отвлечь не только себя, но и маленького человечка, который кажется нервничает еще больше меня. Вновь хмурит свой красивый высокий лоб, нервно сдувает челку и отчаянно делает вид, что увлечен не чем иным, как мультфильмом.

— Тима, — окликаю я ребенка. — К приезду Сергея хочу испечь его любимый сливовый пирог. Ты пробовал когда-то такое?

Нарочно нагоняю веселья в голос, хотя больше всего на свете, хочется принять лежачее положение и, уткнувшись лицом в подушку, как в совсем недавнем прошлом, жалеть себя. Но нельзя. Только не теперь, когда я в ответе за это маленькое щуплое тельце и ту искорку, что невольно стала тянуться ко мне. Я знаю, я чувствую.

— Нет, — качает головой Тима, но в глазах загорается огонь азарта и заинтересованности.

Я не перестаю удивляться, как мало нужно этому маленькому человечку. Щепотка любви, капля ласки, минута внимания. Всего ничего по меркам взрослого человека, но целый шквал эмоций для ребенка, ранее лишенного таких радостей. И я хочу подарить ему это счастье. Согреть подобно пушистому комочку в ладонях и поселить где-то в самом потайном уголке его сердца. Дать то, что возможно в своё время не смогла дать Сашеньке, потеряв его навсегда.

И мы вместе печем пирог. Тима одной рукой старательно моет сливы, пытаюсь хоть в чем-то стать полезным, а во мне открывается неведомый ранее словесный поток, и я начинаю трещать без умолку, чтобы хоть как-то заполнить пустоту. О погоде, о проведенных детских годах в селе у бабушки, где гусь Андрюшка был самым преданным и горячо любимым другом. Даже о сваренном бабушкином варенье из чайной розы, которое было гораздо вкуснее любого деликатеса.

— У меня тоже есть друг... — неуверенно тянет Тима, стыдливо опуская глаза. — Он со мной по заброшкам бродил. Я с ним всегда едой делился.

— И как же зовут твоего друга? — подобно утопающему хватаюсь за информацию, стараясь выведать как можно больше.

— Кот, — пожимает плечами ребенок. — Я не придумал ничего лучше. Просто кот.

— Так твой друг — это кот?

— Угу, — мычит Тимка. — Но он хороший, правда. Верный. Самый лучший.

— Скучаешь? — улыбаюсь едва заметно, прекрасно понимая, что скоро наше маленькое семейство ждет одно пушистое пополнение.

— Очень. Он, наверное, переживает и ждет меня. Он всегда ждет...

— Почему раньше не рассказывал? — спрашиваю, впрочем, сама осознавая, какой ответ меня ждет.

Тима банально боялся. Боялся довериться, открыться, рассказать. Боялся, так до конца и не осознав, что отнюдь не на миг я в его жизни, а навсегда. Что не брошу, не предаю, как это

делали другие.

— Пойдем, — решительно поднимаюсь со своего места и выключаю духовку, в которой томится еще сырой пирог.

— Куда? — удивленно хлопает длинными ресницами детёныш.

— Как это «куда»?! Будем искать твоего кота. Не дело это по улицам беспризорником ходить.

— Правда? — и столько надежды в глазах этого маленького человечка, что кажется своим светом затмит даже самый яркий всполох во всей вселенной.

— Самая настоящая, — невольно улыбаюсь я.

— А как же пирог?

— Не велика беда, — отмахиваюсь я. — Испечем другой.

Мы собираемся настолько спешно, что даже не замечаем, как терзавшие ранее мысли отступают на второй план. Тима предвкушает встречу с другом, а я просто люблюсь маленьким мальчиком, который впервые светится солнышком и не скрывает этого. Ну морщит нос, не хмурит губы, а просто улыбается, пусть и старательно пытается это скрыть. А потом и вовсе подается порыву. И когда я совсем этого не ожидаю, неумело прерывисто одной рукой обнимает меня, чтобы затем стыдливо отпрянуть и прошептать едва слышно: «Спасибо».

Мне требуется всего секунда, спустя которую я пересекаю образовавшиеся между нами расстояние и прижимаю ребенка. Моего ребенка. Ребенка, который не иначе как спас меня от самой себя.

Мы стоим так едва ли пару секунд, а потом я, вопреки вопящим и беснующимся материнским чувствам, отпускаю его. Чтобы ни спугнуть, ни нарушить ту тоненькую ниточку между нами.

Я чувствую себя сапером на заминированной территории. Нельзя ошибиться, иначе рванет. И ты лавируешь, пытаешься подобрать нужный путь, страшаешься сделать что-то не так. Ибо подорвавшись единожды, второго шанса у тебя уж точно не будет.

— А вы далеко собрались, авантюристы? — раздается голос Сергея, вслед за щелчком двери, когда мы собранные и одетые, стоим в прихожей.

Сердце сжимается, делает кульбит, а потом сознание затапливает чистая концентрированная радость. Он вернулся... Ко мне вернулся...

Делаю маленький шаг навстречу, всего на миг прижимаясь к его твердой груди и тут же отхожу, чтобы не смущать Тимофея.

— Кота искать, — неуверенно тянет Тимка, когда как я молча улыбаюсь и смотрю Цареву прямо в глаза.

— Какого кота, Яна? — слишком уж обреченно звучит его голос в прихожей нашей квартиры.

Я совсем как Тимофей жму плечами, ласково провожу по торчащему вихрю на Тимкином затылке, а затем в защитном жесте прижимая ребенка к себе.

— Нашего. Нашего кота, Сереж.

— А у нас есть кот?

— Теперь — да, — улыбаюсь, лукаво сощутив глаза. — И нам надо его найти. Поможешь?

— А у меня есть выбор?! — риторически спрашивает бывший муж, вздыхая. — Только переоденусь.

В наш достаточно узкий коридор вкатывается огромный чемодан, и я окончательно понимаю, что всё происходящее не моё большое воображение. Что он действительно рядом. Несмотря на чужого для него ребенка, эфемерного кота и просто целого вороха проблем, которые идут с нами в придачу.

— Все хорошо? — интересуюсь, покусывая нижнюю губу от какого-то странного бурлящего внутри меня волнения.

— Более чем, — понимает меня с полуслова Сергей и подмигивает Тимофею, доставая из бокового кармана своего багажа потрепанного старого медвежонка.

— Кажется, это твоё? — улыбается Царёв, вручая игрушку ребенку. — Я подумал, что ты захочешь его видеть.

— Миша, — с придыханием шепчет Тимка, прижимая медведя к сердцу. — Мне его подарила мама...

15.2.Яна

«Я обид не держу, я держу твою руку.

По любому твоя, хватит ранить друг друга.

Мы с тобой всё прошли, мы всё преодолели,

И ещё сотни раз на двоих всё поделим»

Максим — На двоих

Яна

Кота мы ищем долго и мучительно. Троицей бродим по уже знакомому недострою, спотыкаясь на корявых ступеньках и заглядывая в каждый угол.

Сергей идет впереди нас, нерушимым ледоколом разрезая залитое солнечным светом пространство. Мы же с Тимой семеним сзади. Я крепко держу его ладонку в своей руке, то и дело мысленно возвращаясь к нашей первой встрече, которая, казалось бы, была так давно, словно в прошлой жизни. Хотя была ли эта жизнь до него?! До них...

Как много я не замечала раньше. Принимала как должное. Отмахивалась, вместо того, чтобы прочно вцепиться и не отпускать. Как много я потеряла и только лишь сейчас начала обретать вновь.

— Что-то не видно твоего блохастого, — озадачено хмыкнул Царёв резко останавливаясь. Мы с Тимой едва не врезаемся в его широкую обтянутую серым джемпером спину.

— Он боится, — печально вздыхает ребенок и подняв глаза на меня неуверенно продолжает: — Я это...можно сам? Он так никогда не выйдет.

— Здесь слишком опасно, я не уверена, что ...

— Яна, — одергивает меня Сергей, многозначительно вздернув бровь. — Он знает эту заброшку, как свои пять пальцев. Знаешь же?

Последний вопрос бывший муж адресует Тимофею и тот мгновенно подтверждает его догадки мелкими кивками, после чего оба мужчины бросают свои требовательные взгляды в мою сторону.

— Яна... — тянет мужчина.

— Пожалуйста, — подает голосок Тима.

— Ладно, — сдаюсь я, не выдержав столь синхронного давления — Но это плохая идея. Очень плохая.

Естественно меня уже никто не слышит. Стоит мне отпустить Тимкину руку, как ребенок срывается с места и, невзирая на сломанную руку, несется вперед. Да так шустро,

что я едва поспеваю за ним.

Правда, далеко мне уйти не дают. Сергей ловит в свои объятия, заставляя остановиться и, умащивая подбородок на мою макушку, шепчет:

— Умница.

Я делаю тщетные попытки вырваться, но объятия Царева становятся только крепче, подобно стальным канатам облетая мое безвольное тело.

— Дай ему свободы. Ты не можешь быть рядом постоянно.

Мне хочется закричать на него, ударить, сделать больно. Но как бы тяжело мне не было это признавать — он черт возьми прав. Прав на все двести процентов. Только это постижение нисколько не приносит облегчения, наоборот заставляет сердце в груди выть и бесноваться.

«Он ведь любит меня...» — я ловлю эту мысль на краю сознания. Притягиваю к себе, лишь бы отвлечься, но она звучит в голове всё громче, бьет набатом по вискам. Любит... И одно дело предугадывать, а другое осознавать так точно, словно это ничто иное, как прописная истина. Иначе ведь быть не может. Только любящий мужчина бросит красавицу-невесту, ради бывшей жены с вагоном проблем и тараканов. Только любящий мужчина будет искать с ней кота по развалинам города. И только любящий, примет чужого для себя ребенка, несмотря на то, что все равно считает это блажью.

«— Не реви, — грубо обрывает меня Сергей, но вопреки жестким словам, его руки с нежностью обхватывают мои плечи. — Мы справимся.

— Ты не понимаешь... Я не переживу... Сашенька, такой маленький, — я орошаю слезами его рубашку, пальцами цепляясь за лацканы пиджака.

Сегодня пришли анализы. Рак... Приговор для всей нашей семьи. Приговор для моего маленького сыночка, который ничего плохого не успел сделать этому миру, но уже должен расплачиваться.

Если ты есть Боже, если слышишь меня, если знаешь, почему ты допускаешь это?! Почему истязаете неповинные души?! ПОЧЕМУ???

— Ты должна быть сильной. Ради него. Слышишь? — он легонько встряхивает меня.

— Я не могу... — шепчу, подобно сумасшедшей. — Не могу...

Где взять эти чертовы силы, когда всё твоё нутро разрывается на части от осознания своей беспомощности. Не уберегла, не заслонила собой, не отвела беду.

— Можешь, Яна. Должна! — слишком уверено заявляет Сергей. — Я сделаю абсолютно все, что в моих силах. Деньги, врачи — это не проблема. Мы просто обязаны справиться. Иначе и быть не может!»

Я впервые смотрю на нас под другим углом. Не пропускаю всю ситуацию, через призму боли и обиды. Царёв ведь и правда делал всё, что зависело от него. Дневал и ночевал на работе, но обеспечивал нас всем необходимым. И лишь быть рядом не смог. Но можно ли его за это винить?!

— Почему ты ушел? — шепчу еле слышно, но в пустом помещении слова разлетаются эхом, отлетая от стен.

— Хотел подарить тебе новую жизнь. Без меня.

Я горько смеюсь, глотая набежавшие слезы.

— А я, в конечном итоге, без тебя и жить не умею...

И это оказывается так просто и по-настоящему. Отпустить себя, признаться. Понять, что лишь его звонок среди ночи стал пусковым крючком. Запустил механизм, который заставил

меня очнуться ото сна, подобно волшебному поцелую, что разбудил Спящую Красавицу...

— Нашёл! — счастливый детский крик заставил нас оторваться друг от друга.

Сергей хватает меня за руку и тащит куда-то в сторону, то и дело подхватывая, когда я, спотыкаяюсь на камнях и кучах мусора. Как маленькая, ей-богу...

— Мяу! — истерично вторит Тимке его друг.

В общем застаём мы с Сергеем не иначе как идиллию, влетев в очередное пустое, заваленное только лишь хламом, помещение.

Черный облезлый кот с порванным ухом трется об ноги дитя, в то время, как Тимка наглаживает плешистую спину животного.

И мне бы возмутиться, что кошка грязный и, возможно даже заразный, но я счастливо улыбаюсь, наблюдая за двумя друзьями и прижимаясь щекой к плечу бывшего мужа.

— Теперь проблем у тебя стало на одну больше, — негромко подмечаю я.

— Кажется, пора привыкнуть, — довольно ухмыляется Сергей.

Именно с этого момента у нас всех начинается приятная рутина. Забег по зоомагазину, очередь в ветеринарной клинике, где животное напрочь отказывается слезать с Тимкиного плеча, своим ором пугая других посетителей. И врач, который почесывая густую бороду искренне удивляется, как такой задохлик может быть относительно здоров.

Когда мы, наконец, добираемся до дома, часы отбивают полночь. Наспех ужинаем, кормим новообретенного питомца и разбредаемся по комнатам, валясь с ног от усталости. Тима засыпает, едва касаясь подушки головой. А когда я, спустя несколько минут, возвращаюсь к нему выключить свет, замираю от неожиданности, застав на одеяле непрошенного гостя.

— Только сегодня! — шепчу, пригрозив ушастому пальцем. Но кто бы меня еще слушал. Прищурился зеленый глаз, кот вальяжно зевает и переворачиваясь на другой бок, напрочь игнорирует моё заявление.

16.1. Сергей

«Береги любовь, береги свой мир

Помни и пойми — мы рождены, чтоб быть счастливыми людьми.

Береги свой дом, души и сердца,

Поверь, что это ближе чем нам кажется...»

Фабрика Звёзд — Береги

Сергей

«С каждым днем мне всё чаще стало казаться, что я теряю её...

Психологи не помогают. Разводят руками, грустно качая головами. Чтобы спасти человека из темной пучины, одних денег не всегда достаточно. Необходимо желание спастись. А у Яны его и в помине нет.

Она почти ничего не ест. Едва не насильно я пичкаю жену едой, кормлю из ложечки, словно маленькую девочку и, честно говоря, начинаю сходить понемногу с ума. Этот овощ — не моя Яна. Я прикладываю просто тонну сил, чтобы отыскать её внутри пустой амёбной оболочки, в которую она спряталась. Да только все мои усилия тщетны. Моей Яны больше нет.

Меня охватывает отчаянье. Вместе с сыном в тот роковой день, я похоронил и жену. Женщину, которую я любил всем сердцем. И которую едва и не ненавижу сейчас, наблюдая за тем с какой легкостью она режет последние связующие нас нити.

Злость вперемешку с бессилием устраивают в моей душе настоящий ад. Я борюсь с

внутренними демонами, раз за разом поигрывая в этой нелегкой битве.

Пора бы признаться себе, что наша семейная чаша, когда-то давшая течь, давно превратилась в осколки, которые ранят нас двоих. И как бы не было больно, как бы не душило меня, я должен был отпустить её. Дать ей шанс на новую жизнь. Без меня»

— Держи его! Сережа!

— Бл*ть! Кусается, зараза!

— Не выражайся при ребенке!

— Ребенок и не такое слышал, — бурчу себе под нос, пытаюсь удержать двумя руками орущее и копошащееся в пене кошачье исчадие.

— Он боится, — неуверенно подает голос пацан, выглядывая из-под моей подмышки.

Вздорная была идея купать кота. Но Яна решила иначе, разумно заметив, что животину следует отмыть и обработать от блох, пока они не стали перепрыгивать на двуногих обитателей квартиры. Жить они на нас, естественно, не станут. Но и в укусах мало приятного.

Оказалось, что решить на словах гораздо проще, чем исполнить. Кот выводил длинные и затяжные рулады, царапался, кусался и всячески пытался выскользнуть из ванны. Мне едва удавалось удерживать влажное и скользкое от пены тельце. Где только силы берет, совсем же задохлик.

— Фух, — устало выдохнув, Яна разгибается, шипит, потирая поясницу и берет полотенце. — Давай его сюда. Сейчас Тима посидит с ним в гостиной, а я переоденусь. Всю футболку вымочил, гаденыш.

Подаю ей извивающегося в моих руках кота и Яна тут же ловко хватает его, пеленая с помощью полотенца, дабы ограничить подвижность животного.

— Справишься? — спрашивает уже у мелкого.

Что отвечает пацан уже не слышу. Пространство квартиры разрывает дверной звонок.

— Я открою, — кричу скрывшемуся из ванны трио, одергивая промокшую одежду. Не мешало бы тоже переодеться во что-то сухое. В следующий раз, как только соберемся купать кота, придется приобретать водолазный костюм.

— Принесла же кого-то нелегкая, — бурчу едва слышно, самому себе напоминая противного и ворчливого старикашку.

Я кажется смирился с тем, что неотъемлемой частью нашей с Яной новой жизни будет пацан. С горем пополам, даже принял кота, хотя вообще раньше не воспринимал животных в доме. Всё как-то не до них было. Работа, обязанности, семья.

Сашка помнится собаку всё выпрашивал. А я отмахивался. Мал еще, кто за ней следить будет?! Опять-таки шерсть повсюду. Отказал, кажется, в такой малости. Всего-то не купил сыну собаку, расстроил. Лишь потом понимая, что глупости это все. Бренное. Есть вещи гораздо важнее. А улыбка твоего ребенка стоит всех неудобств, которые могут причинить его хотелки.

Нервно дергаю головой, избавляясь от навязчивых мыслей. Слишком поздно корить себя. Сашу это не вернет, как и не вернет нас с Яной прежних. Жизнь перемолола наши души и выплюнула обратно абсолютно других людей. Нам остается учесть прошлые ошибки и не повторять их.

— Здравствуйте, а... — лепечет нежданная гостя, нервно поправляя темные волосы. — Яна Витальевна дома?

— Дома. А Вы? — изгибаю бровь, намекая, что не лишним было бы представиться.

прежде чем переступить порог квартиры.

— Ох, простите. Я — Инна. Секретарь Яны Витальевны. Я могу её увидеть? — отрапортовала брюнетка.

Если девушка и была удивлена моим присутствием, то весьма быстро и профессионально взяла себя в руки, нацепив на лицо вежливую до оскомины приторную улыбку.

— Яна, к тебе пришли, — крикнул вглубь квартиры, а сам посторонился, пропуская гостью.

Интересно, сколько же еще сюрпризов преподнесет мне бывшая жена?!

В самом начале нашего брака мы решили, что работать Яна не будет. Она не особо рвалась, а я пусть и не запрещал, но и восторгов от этой идеи не испытывал. Не хотелось делить жену с кем-либо еще. Затем родился Сашка. Пеленки, смеси, бессонные ночи. Все это занимало так много места в её жизни, что порой мне самому не хватало её внимания и тепла.

Да и после развода никакой необходимости в работе не было. Я ежемесячно делал отчисления на её банковский счет, на которые вполне можно было жить безбедно. Но она, как обычно, решила по-своему. В этом вся Яна.

— Инна, здравствуй. Что-то случилось?

Убираюсь, дабы не мешать девушкам разговаривать, а сам, скоро сменив мокрую одежду на сухую, присоединяюсь к пацану в гостиной.

— Надо бы тебя в школу определить, — философски замечаю я, опуская на ковер у дивана, где расположились два беспризорника. — Читать умеешь?

— Угу, — кивает Тимофей, поглаживая притихшего и, кажись, даже задремавшего кота. — Только плохо. Мама учила. А потом я сам пытался книги читать, пока батя не пропил всё.

— Врезать бы твоему бате, — фыркаю я, мысленно возвращаясь к нашему с ним нелицеприятному диалогу, в ходе которого эта мразь родного сына продал и не поморщился.

Малец жмет плечами и, задумчиво наглаживая своего питомца, хмурит лоб.

— Вы теперь женитесь на тёте Яне?

— Скорее всего. Не знаю.

Об этом вопросе я и правда не задумывался. Проблем хватало. Между нами ведь и так все ясно, как белый день. Есть она, есть я. Есть чувства между нами, которые никакими штампами не измерить.

— Женщины любят определенность, — тянет мелкий Сэнсэй.

Закусываю щеку изнутри, чтобы не засмеяться и важно киваю. В чем-то Тимофей ведь действительно прав. Смышлёный пацан — этого не отнять.

16.2. Яна

«Около тебя мир зеленее

Около тебя солнцу теплее

Около тебя я понимаю, что счастье есть

Когда ты здесь.»

Ёлка — Около тебя

Яна

Счастье многогранно. Оно взъерошенное и босоногое, уплетает сырники на кухне. Оно матерящееся и мокрое, пытается удержать брыкающегося кота. Оно пушистое и мурчащее,

пугается в ногах и выпрашивает еду со стола. Оно неожиданное, но такое сладкое, что мне невольно становится страшно. Так не бывает. Не со мной.

Рано или поздно я разобью его. Не удержу в дрожавших ладонях, как это случилось прежде. И тогда вновь наступит холодная и беспросветная тьма, разъедающая меня изнутри. Затопит моё сознание, утягивая на самое дно. На этот раз навсегда.

— Всё будет хорошо, — шепчет Сергей в мою макушку, крепко сжимая в своих объятиях.

Я делаю вид, что верю. Прячу лицо у него на груди и свято надеюсь, что именно так все и будет. Мне ведь большего и не нужно. Чтобы просто он был рядом. Обнимал меня вот так же крепко, гладил по голове и вселял в веру в наше общее счастливое будущее. И чтобы Тимка улыбался своим щербатым ртом не только когда наглаживает своего вновь обретенного пушистого друга. Чтобы горе больше не постучалось в нашу дверь...

Именно поэтому, появление Инны становится для меня громом среди ясного неба. Я подсознательно жду неприятностей. Раз за разом повторяю себе, что ничего еще не случилось, но волна надвигающейся катастрофы уже зарождается где-то на краю сознания, готовится сорваться в любой момент и к чертям затопить наше благополучие.

— Мне неловко выдергивать Вас из отпуска... — Инна кивает в сторону гостиной, где притаились мои домочадцы и тяжело вздыхает.

— Зайдешь?

— Нет, нет. Я на секундочку, — рьяно отказывается девушка, на что я лишь облегченно выдыхаю, совсем не заметив, что задержала воздух в легких, напряженно ожидая её ответа.

Да, я эгоистично не хочу ни с кем делить своё счастье. Оно такое хрупкое, мимолетное, что одно лишнее движение грозит его целостности. И пусть Инна не тот человек, от которого я могу ждать неприятностей, но что-то внутри меня рьяно защищает мой маленький мир от любых посягательств.

— Леонова уволили. Михаил Семенович желает видеть Вас в кресле своего заместителя, — Инна счастливо улыбается. — Поздравляю.

Реальность накрывает меня бетонной плитой. А ведь совсем недавно я действительно хотела кресло заместителя генерального. С остервенением доказывала директору, что стою гораздо большего, чем Леонов. Но всё это было так давно, словно в другой жизни. А теперь...

Хочу ли я этого в свете последних событий? Определённо нет. Работа весьма паршиво, но в какой-то степени спасала меня, дарила возможность забыться. Сейчас же необходимость в этом отпала. У меня был Тима, был Сергей и даже кот...

— Я не могу. У меня ребенок, ему необходимо моё присутствие рядом. Ты должна меня понять...

— Я прекрасно Вас понимаю как мать. Но Яна Витальевна — это Ваш шанс.

— Шанс? — я горько усмехаюсь. — Это был мой стимул жить, а сейчас... Сейчас у меня совершенно другие стимулы для этого.

— Всё в порядке? — Сергей появляется как нельзя вовремя.

Я киваю, нежно улыбаюсь ему и, переведя взгляд на Инну, развожу руками.

— Как-то так.

Благо Инна понимает меня без слов. Переводит взгляд на Царёва, кивает каким-то своим мыслям и, пробормотав несколько слов на прощание, скрывается за входной дверью, оставляя нас двоих в узкой прихожей квартиры.

— Меня повысили, — как-то безрадостно объявляю я, отведя взгляд. Мне отчего-то слишком боязно посмотреть ему в глаза.

Да, я отказалась. Отказалась потому что прекрасно понимаю, что с появлением в моей жизни Тимофея я больше не смогу уделять работе должного внимания. Признаться, я даже думать не могу о том, что однажды мне все же придется выйти из затянувшегося отпуска, оставив Тиму на попечения школы, няни, Господа Бога. Не могу. Не хочу.

— Мне можно тебя поздравить?

— Не стоит. Я ответила отказом, — глухо отвечаю я и пытаюсь проскочить мимо него в гостиную, но занявший весь дверной проём Сергей не позволяет мне это сделать.

Царёв ловит меня за локоть, притягивает к себе и оплетает руками, умащивая подбородок на макушке. Дышит ровно, невесомо кончиками пальцев проводит по позвоночнику и улыбается.

Я не могу видеть его лица, ибо, уткнувшись носом в яремную ямку на его шее, стараюсь сдерживать свои слишком смешанные и непонятные для меня самой чувства, но почему-то со стопроцентной уверенностью могу сказать, что Сергей растягивает губы в улыбке.

— Тебя это веселит? — раздраженно тяну я.

— Нисколько, — пожимает он плечами. — Просто вдруг вспомнил, какими мы были. Я и ты. Как любили, ценили, дорожили друг другом. Как точно так же обнявшись стояли по утрам, когда ты неохотно отпускала меня на работу, и как встречала горячими поцелуями с работы, будто мы не виделись целую вечность.

— Тогда именно так мне и казалось...

— А сейчас?

— Сейчас я сама до конца не понимаю, что происходит. Будто то бы долгое время ты сидел в крошечной темноте, а потом кто-то включил свет. И я так боюсь, Сереж. Боюсь, что его выключат снова...

— Мяу! — возмущенно вопит еще до конца не обсохший от водных процедур кот, вклиниваясь между нами, раздраженно, словно плеткой,огревая наши ноги хвостом.

— Кот! Стой. Пусть уже себе обжимаются! — шепчет Тимофей, притаившись где-то за спиной Сергея.

Всхлипываю, то ли от плача, то ли от рвущегося наружу смеха и, спешно вытерев успевшие набежать слезы, встаю на носочки, выглядывая из-за плеча Царёва.

— Голодный?

— Ой, — округляет глаза ребенок. — Я не хотел мешать. Это всё кот.

— Ты не помешал, — качаю я головой. — Так что? Как насчет обеда?

— Пицца? — выносит на обсуждение своё предложение Сергей.

— Пицца! — счастливо взвизгивает Тима, подскакивая на месте.

— Тогда предлагаю развеяться. Пицца, парк, аттракционы и конечно же мороженное.

— Сереж, рука, — напоминаю я бывшему мужу, положив ладонь ему на плече и легонько сжав.

— Думаю, что Тимофей вполне управится с мороженым и одной рукой, — подмигивает Тимке Сергей и тот тут же согласно кивает.

— Мяу!

— Прости друг, но ты остаешься дома. Так уж и быть, дадим тебе кусок колбасы, — улыбаюсь, поглядывая на пушистого, который таращит свои раскосые зеленые глаза, а затем, махнув напоследок хвостом, скрывается из виду, теряясь в недрах квартиры.

— Кажется, он согласен...

— Еще бы. За колбасу то, — хмыкает весело Сергей.

17.1. Яна

«На чьей ты стороне, мой ангел хранитель?

Союзника во мне искал, но не видел.

В любви, как на войне — копил, но не тратил.

На чьей ты стороне, мой ангел-предатель,

На чьей ты стороне?»

Анна Плетнева — На чьей ты стороне?!

Яна

— До вечера, — Сергей сладко целует меня на прощание, забрав свой портфель с бумагами из моих рук и, напоследок нежно скользнув тыльной стороной руки по моей щеке, уходит.

Стою еще минуту и глупо улыбаюсь, разглядывая закрывшуюся за ним дверь, всё еще не в силах поверить в происходящее.

Две недели пролетели, как один миг. Две недели абсолютного концентрированного счастья, где были только мы втроем. Это кажется безумием, но уровень моей тревожности снизился, я больше не вздрагивала от каждого телефонного или дверного звонка. Уверовала, что дальше всё будет становиться только лучше. Что Сергей прав — мы справимся абсолютно совсем, главное держаться друг друга и не опускать рук.

Тимке совместное времяпрепровождение тоже пошло на пользу. В какой-то момент я стала подмечать, что он больше не сторонится Сергея так рьяно. Даже разговаривает с ним, больше не хмуря свои бровки-домики.

Постепенно ребенок оттаивал. Мы вместе гуляли в парке, где в тире Сергей выиграл Тимофею огромного мягкого медведя, поедали вкусную пиццу, смотрели комедии, сидя в обнимку на диване в гостиной. Мы становились семьей. И это не могло не радовать меня.

— Дядя Сережа уже ушел? — спрашивает Тимофей, громко зевая.

— Ага. Рано утром, — киваю, поставив перед ребенком тарелку с блинами. — Чай или молоко?

— Молоко.

Подогреваю стакан молока, добавляю в него ложку меда и, дождавшись, когда сладость полностью растворится, переливаю напиток в чашку.

— Чем займемся сегодня? — отдаю Тиме молоко и присаживаюсь напротив, невольно любуясь с каким аппетитом дитё уминает мои блины.

Тимофей пожимает хрупкими плечиками, засунув блин за щеку и, задумчиво его прожевав, выдает:

— Я хотел предложить зоопарк, но как мы туда пойдём без дяди Сережи?! Он же обидится.

Я представляю, как Царёв дует губы и плочает горькие слезы, только потому что его не взяли с собой в зоопарк и едва скрываю рвущийся наружу смех.

— Думаю, что дядя Сережа как-то переживет.

День проходит в суматохе. Мы прохаживаем несколько километров по зоопарку, останавливаясь у каждого вольера, где Тима со всей старательностью пытается прочитать описание того или иного обитателя. Местами ребенок заикается, делает ошибки, но упрямо отказывается от помощи и самостоятельно изучает текст на табличках. Наскоро перекусив в

кафе, мы продолжаем свой путь в царство животных, спохватившись лишь когда часы показывают без десяти четыре.

Уже на подъезде к дому меня начинает тревожить странное чувство неизбежности. Я болтаю с Тимой, в попытках отвлечься и погасить в себе неумную тревогу, но нервозность скрыть никак не удастся. То и дело я подолгу стою на светофоре, заставляя нервничать остальных участников дорожного движения, пропускаю поворот к дому и едва ли не нарываюсь на штраф.

Понимаю, что причин для такого нервоза пока нет и с ребенком в машине стоит быть внимательнее на дороге. Но все же, как только мы приезжаем к дому, я осознаю, что моя интуиция была как нельзя права, ведь повод для беспокойства уже ждал меня у двери.

Виктория была прекрасна. Высокая, стройная с роскошными светлыми волосами и улыбкой на миллион долларов. Именно такая и должна быть рядом с Сергеем. Красивое дополнение к успешному мужчине.

Тима бегущий впереди резко тормозит, всю разглядывая непрошенную гостью. Хмурит лоб, сжимает губы в тонкую ниточку и бросает на меня волнительные взгляды.

«Все хорошо» — пытаюсь сказать ему глазами, но прекрасно понимаю, что ничего хорошего больше не будет. С этого вот самого момента.

— Виктория, — приветствую девушку. — Чем обязана?

— Даже не пригласишь? — ядовито скалит она свои белоснежные зубы в улыбке.

— А нужно? — открываю входную дверь, жестом пропуская Тимофея в квартиру и спешно закрываю её обратно. — Думаю, мы и здесь прекрасно поговорим. Ты ведь для этого здесь?!

— Что ж, — Вика сцепляет руки в замок перед собой и обведя меня взглядом с ног до головы, хмыкает. — Если ты так хочешь посвятить всех в то, как ты увела чужого мужчину, я не вправе тебе мешать.

— Я никого не уводила. Он сам пришел, — развожу руками я. — В конце концов, он взрослый мальчик и сам умеет принимать решения.

— Какая ты жалкая, — ухмыляется эта стерва. — Правда, Яна. Мне даже жаль тебя. Эти глупые твои попытки удержать мужика ребенком, да еще и чужим. Это же надо. Своего уберечь не смогла, так с чего ты решила, что этому сможешь что-то дать? Твой сын умер из-за тебя. Тебе теперь жить с этим.

— Замолчи, — шиплю я, сживая руки в кулаки.

Змеи сомнения и горечи поднимаю голову, оплетая меня изнутри. Я думала, что избавилась от них. Думала, что убедила себя в том, что смерть Саша не моя вина, но слова этой гадины, подобно яду впиваются в мою кровь, разносятся по кровотоку, опалая органы огненной лавиной.

Мой сын, мой Сашенька. Чтобы я не делала тогда, этого явно было недостаточно. Я сама виновата. Сама...

— А я ему наследника рожу совсем скоро, — ладонь блондинки скользит на плоский живот. — Как думаешь, кого он выберет, а? Бывшую с приблудой или своего родного ребенка? Плоть и кровь.

— Ты...? — рот пересыхает от волнения, язык прилипает к небу и напрочь отказывается произносить то, что и так пульсирует у меня в голове, обжигая своей неизбежностью.

— Да. Я беременна.

Сердце разрывается в груди, подобно взорвавшейся бомбе. Ранит осколками

внутренности, заставляет корчиться в агонии душу. Мне бы завывать, сквозь плотно сжатые зубы, но Виктория только этого и ждет. Упивается моей безысходностью, давит на те самые болевые точки с садистским наслаждением. И я не могу ей ничем противостоять. Потому что она права. Я не удержу Сергея чужим ребенком, да и держать никогда не стану. Рано или поздно, мы придем к тому, что я попросту испорчу его слаженную жизнь. Жизнь, где до меня у него не было никаких сложностей. Жизнь, где он был героем лишь по факту своего существования.

— Уходи, — хриплю я. — Я тебя услышала.

— Как здорово, что мы поняли друг друга, — улыбается бывшая невеста Сергея.

Хотя в свете последних событий, далеко не бывшая. Будущая. Возможно не жена, но стопроцентно мать его ребенка. Родного ребенка.... Ребенка, которого она уж точно убережет, в отличие от меня.

«— Ты плохая мать, Яна. И жена паршивая, — голос матери звучит из динамиков ноутбука. — Радуйся, что Сергей всё еще не бросил тебя. Хотя был бы прав.

— Хватит, мама, — шепчу, едва дыша из-за непролитых, плещущихся где-то на дне глаз, слез.

— Хватит, мама, — перекиривляет меня изображение родной матери. — Подумала бы лучше, как мужика удержать. На тебя смотреть невозможно. Кожа да кости.

— Сашенька болеет, ты же знаешь. Мне не до внешнего вида, — парирую я.

— Не перекладывай с больной головы на здоровую. В этом только твоя вина. Следить надо было лучше за ребенком.

— Мама!

— Ты же знаешь, что я права, Яна. Я всегда права.»

17.2. Яна

«Мне останется сердце на память

А я уже привыкаю, как жить без тебя

Нет, я правда тебя отпускаю

Отчаянно понимаю, так дальше нельзя»

Светлана Лобода — Лети

Яна

У него будет ребенок. Этого следовало ожидать. Он ведь для чего-то жил с ней, строил планы, планировал свадьбу. А я...Я бывшая несчастная жена с приблудой в комплекте. Так кажется она сказала?! Жалкая, растоптанная, чужая.

Имею ли я право ставить его перед выбором, которого по сути и нет. И выбрать он должен не меня, а своего родного ребенка, которому нужен отец. И который несколько не виноват, что его мать еще та с*ка.

На негнущихся ногах я захожу в квартиру и сразу же натыкаюсь на неподдельное волнение, плещущееся в глазах ребенка. Лишь только это беспокойство, заставляет тянуть онемевшие губы в улыбке и мастерски делать вид, что разговор с невестой Сергея меня вовсе не волнует.

Скоро готовлю ужин, кормлю Тимку, убираю лоток за котом. Занимаю себя обычными повседневными делами, то и дело взглядом возвращаясь к полуразобранному чемодану с вещами Сергея.

Всё как-то некогда было его разбирать. То разборки с папашей Тимы, то кот, то еще что-то. Так и стоял он в углу гостиной, ожидая своего звездного часа.

— Я дома!

Он приходит поздно. Ближе к вечеру отписывается, что задерживается на работе, заканчивая предложение смайликом в виде сердечка, а я малодушно игнорирую его сообщение, смахивая уведомление. Мне надо собрать себя по частям и сделать то, что должна была сделать с самого начала. Отпустить его на все четыре стороны. К невесте и ребенку.

— Что на ужин? Ужасно голоден. Представляешь....- он что-то говорит, но в моей голове сплошной белый шум и больше ничего.

Сижу почти неподвижно. Смотрю, как он ставит чайник и до боли сжимаю кулаки, ногтями впиваясь в кожу. Такой родной и знакомый, он задумчиво чешет затылок, заглядывая в холодильник, а затем поворачивается ко мне и бледнеет.

Я знаю, что он видит. Ту самую старуху из зеркала. Ту самую ледяную статую, которая заставила уйти его в прошлый раз. Ту самую Яну, которой я и должна быть. Холодной и мертвой изнутри. Потому что только такая «я» смогу его отпустить.

— Сегодня приходила твоя невеста... — отвожу взгляд к окну и замолкаю.

«А я ему наследника рожу совсем скоро...» — как на повторе звучит её мерзкий голос в моей голове.

— Вика? Зачем? Что она хотела? Яна! Посмотри на меня, пожалуйста. Зачем приходила, Вика? Что она сказала тебе? — он приближается неумолимо близко, хватая мои ледяные руки в плен своих горячих ладоней. Я не сопротивляюсь. Не могу. Господи, я ведь люблю его. Такого вот резкого, дурного, моего пусть и бывшего мужа.

— Она ждет от тебя ребенка. Плоть и кровь.

— Что? Какого к чертям собачьим ребенка? — Сергей на взводе. Отскакивает от меня на несколько шагов, меряет пространство комнаты, как запертый в клетку хищник, зарывшись пальцами в густую шевелюру. — Даже если так. Это ничего не меняет между нами.

— Это всё меняет, Царёв, — встаю из-за стола, отхожу к окну и обхватывая себя двумя руками в пустых попытках согреться. — У тебя будет семья.

— Ты моя семья! — рычит он за спиной и больно хватая меня за плечи. И мне, наверное, стоит возмутиться, но эта боль дает силы довести задуманное до конца. Он должен уйти.

— И Тимка?

— Что? При тут Тимофей?

— При том, что он неотъемлемая часть меня. Есть и будет. Это мой ребенок, но не твой. И я прекрасно понимаю, что ТВОЙ ребенок будет тебе гораздо дороже чужого. Она родит тебе малыша, вы поженитесь и создадите ячейку общества. Ты начнешь жизнь с чистого листа. Исправишь все то, что мы не смогли исправить. Понимаешь?

Я смотрю на его отражение в окне. Боюсь повернуться и заглянуть в глаза. Увидеть в них себя и вновь утонуть в этом сладком омуте, оттаивая в его горячих руках, которые кажется даже через одежду, оставляют глубокие ожоги на моих плечах.

— Какую же чушь ты несешь, Яна, — вздыхает он, носом зарываясь в волосы на затылке. — Просто невероятную. И если в прошлый раз я тебе поверил, то сейчас этот номер больше не пройдет. Я уже начал жизнь с чистого листа, когда вернулся к тебе. Чтобы ты не говорила и как не гнала. Я не уйду.

— Но ты должен...

— Кому? Кому и что я успел задолжать?

— Первоочередно своему ребенку и его матери.

— Это еще надо выяснить, — тянет Сергей. — Существует ли ребенок на самом деле. И даже если все сказанное ей правда — я согласен выплачивать алименты и брать его на выходные. Где один, там и двое. Всегда можно найти выход, Яна. Если есть желание его искать, а не прятаться от проблем. Мы уже разрушили свои жизни однажды. Я не хочу повторения.

— А я не хочу, чтобы ты жил со мной из жалости. Чтобы воспитывал чужого для тебя ребенка. Чтобы в конечном итоге возненавидел меня за свою разрушенную жизнь!

— Только в этом дело? В том, что Тимка мне не родной? Это тебя пугает? Родим родного. В конце концов, мы ведь хотели второго ребенка до того, как Сашка заболел.

— Нет, — дрожащими губами еле слышно говорю я. — Не будет больше никаких детей. Никогда.

Снова пройти через этот ужас? Прикипеть всей душой, а затем потерять? Не уберечь? Нет! Только не это. Я не готова подарить новую жизнь, обрекая ее на страдания. Ведь всё может повториться и этого я уж точно больше не переживу.

— Уходи. Пожалуйста, просто уходи.

Мелкая дрожь сотрясает моё тело. Я впиваюсь ногтями в предплечье, ощущая, как Сергей отстраняется и моё тело моментально окутывает холод. А внутри бушует вьюга, заматает там, где совсем недавно была оттепель. Больно. Как же больно и страшно. Страшно, что он уйдет, пусть я вновь вынудила его это сделать. Собственноручно отдала другой, надеясь, что именно она сможет подарить ему счастье.

— Я вернусь завтра, когда ты успокоишься, и мы сможем нормально поговорить. Завтра, Яна. На сей раз я не отступлюсь от тебя.

Хлопает входная дверь и квартиру окутывает оглушающая тишина. Я опускаюсь на пол и закрыв рот ладонью, стараюсь рыдать, как можно тише, но громкие всхлипы то и дело, разносятся эхом по комнате. Я сломана, выжата, выпита до самого дна.

— Не плачь, — тихий голос, заставляет поднять заплаканные глаза.

Окутанная ореолом света на пороге стоит темная детская фигура. Она неуверенно переминается с ноги на ногу, но потом, все же решив что-то для себя, подходит совсем близко. Садится рядом и обнимает меня. Да так крепко, что я диву даюсь, откуда столько сил в тщедушном тельце.

— Дядя Сережа хороший. Он обязательно вернется. Только не плачь.

18.1. Яна

«А в памяти кружатся кадры, ссоры, истерики

Почему любовь еще бежит по артериям?

Знаю, точно от любви боль настанет

Но неизбежно к тебе так тянет»

Юлианна Караулова — Сильная

Яна

— Папа, лови!

Маленькая девчушка с двумя забавными хвостиками на макушке прыгает со ступенек высокого крыльца, чтобы в одну секунду оказаться в крепких и надежных объятиях отца. На вид ей года четыре. В своем пышном розовом платье с огромным бантом на поясице и светлыми локонами, она похожа на самую настоящую принцессу из сказки.

В отцовских объятиях не страшно. Она счастливо улыбается и, обхватив маленькими ладошками, покрытые густой темной щетиной мужские щеки, оставляет невесомый поцелуй на его носу, после заливисто смеясь. Ей весело и спокойно. Её мир целостный и состоит из ярких красок.

Я стою в тени деревьев, оставаясь незамеченной. Наблюдаю за идиллией и сердце омывается кровавыми слезами. Стонет, рвется изо всех сил, чтобы пусть всего лишь на миг, но прикоснуться к этому теплому комочку счастья. Но я не имею на это права. Он больше не мой муж, а она не моя дочь...

Просыпаюсь от простреливающей боли в спине. Все же спать на полу в моём возрасте не лучшая из идей.

Рядом умиротворенно сопит Тимофей, подложив сложенные ладошки под голову и прижимаясь ко мне маленьким тельцем в явных попытках согреться. Бедный ребенок так и не ушел к себе, пытаюсь укротить мою ночную истерику.

Воспоминания острой иглой пробивают сознание. Вика, Сергей, их общий ребенок. Всё идет, как и должно. И я уверяю себя, что именно так правильно. Ребенку нужна полноценная семья, а не сухие алименты и воскресный папа.

Подхватываю на руки Тимку и несу в спальню, где бережно сгружаю свою ношу, прикрыв теплым одеялом. Дитя тут же расслабленно выдыхает, причмокивает губами и поворачивается набок.

Провожу ладошкой по непослушным вихрям, кусаю губу в тщетных попытках, вновь не скатиться в бездну боли, которая только и ждет, чтобы благосклонно приветить меня в своих стальных оковах.

Кажется, целую вечность я сижу на краю кровати и вслушиваюсь в мерное дыхание ребенка. Чувствую себя абсолютно разбитой и пустой. Словно меня выжали, пропустили через центрифугу, стерли в пыль.

А еще холод. Вновь этот чертов холод, идущий прямо изнутри. Он никуда не делся. Я будто в ледяной пустоши из которой нет выхода. И даже Тимка, такой славный и родной, не помогает.

Тихонько выхожу из спальни, бесшумно прикрыв за собой дверь. Призраком брожу по кухне, заваривая себе терпкий зеленый чай, вглядываюсь в темноту окон и жду. Жду, пусть и надежды в моем случае — пустое.

Начинает светать. Грея ладони об чашку, я начинаю различать силуэты во дворе, взглядом пытаюсь отыскать лишь один единственный. Тот без которого и правда не вижу больше смысла. Тот, которого должна, просто обязана отпустить, но не могу.

Он стоит рядом со своим авто и курит. Сквозь толщу стекла я отчетливо вижу темную фигуру и тлеющий уголек на его фоне.

Рядом... Не уехал... Не отпустил...

Срываюсь, будто наркоман учуявший дозу. И чашка с громким стуком летит на стол, и пальто в спешке забывается на вешалке, и вместо нормально обуви по сезону на ногах остаются пушистые тапочки. Всё меркнет и становится неважным.

Царёв ловит меня в свои объятия, стоит мне только выскочить из подъезда. Прижимает крепко, что-то шепчет на ухо.

Словно воронка цунами вновь в свой водоворот меня закручивает истерика. Я цепляюсь за лацканы его пальто и реву. Потому что несусветная дура. Потому что разум твердит одно, а сердце совершенно другое и я абсолютно не понимаю сама себя.

— Тише-тише, — он будто маленькую гладит меня по голове, целует в макушку, пытается укутать полами пальто, недовольно бубня что-то себе под нос. Мол, выскочила совсем голая, еще заболеть не хватало.

— Пойдем в машину. Руки ледяные, — произносит Сергей, когда мой плач почти затихает.

Я неуверенно киваю, порываясь оторваться от него, но у бывшего мужа совсем другие планы. Не успеваю и пикнуть, как оказываюсь подхваченная на руки. Подобно дорогой фарфоровой кукле, он бережно и нежно прижимает меня к себе, как самую большую ценность в своей жизни. И даже садится он на заднее сидение авто вместе со мной, ни на секунду не разжимая рук. Точно я мираж, который растворится в ночи, стоит Царёву меня отпустить.

— Яна, — шепчет Сергей, обдавая горячим дыханием ушную раковину. — Такими темпами ты сведешь меня с ума.

— Не мне одной быть сумасшедшей, — еле заметно улыбаюсь.

— И то верно, — смеется бывший муж, носом зарываясь в мои волосы.

Салон машины заполняет тишина. Я полной грудью вдыхаю запах его тела, окутывающий меня, будто кокон. Каждой клеткой запоминаю, впитываю в себя, чтобы холодными вечерами вспоминать и греть себя этими воспоминаниями. Без него будет плохо. И после внутри меня останется лишь пепелище, но сейчас... Сейчас я даю себе время.

— Поцелуй меня, — мой голос охрип от рыданий и звучит надтреснуто. — Пожалуйста.

Сергею не нужно повторять дважды. Его губы накрывают мои в считанные секунды. Поглаживания из нежных, превращаются в страстные и вот уже его пальцы зарываются в волосы, тянут, заставляя откидывать голову назад, открывая для поцелуев шею.

Как же ты не прав, Царёв. Мы давно сошли с ума вместе. А сейчас окончательно слетели с катушек, раз позволяем себе набрасываться друг на друга со рвением оголодавших хищников.

Но если и где-то на задворках моего сознания бесновалась совесть, то напор бывшего мужа, раскатал её напрочь, не оставив и следа.

Его губы и руки были везде. Ласкали, испытывали, доводили до исступления, дарили шквал разнообразных эмоций и чувств. Я умирала и птицей фениксом возрождалась вновь. Горела в его объятиях.

И пусть секс в машине — это явно не про взрослых и умудренных опытом людей. Такое поведение больше подходит двум подростком в период пубертата, когда гормоны ярким фейерверком напрочь сшибают все предохранители. Но мне вдруг стало всё равно. Я отдавала ему всю себя без остатка, зная, что совсем скоро заново буду собирать себя по частям, когда потеряю его навсегда.

— Это ничего не значит, — говорю я, спустя время, полулежа на его груди.

Пальто Сергея валяется где-то в ногах, рубашка расстегнула на все пуговицы и грудная клетка его тяжело вздымается в усиленных попытках выровнять дыхание.

— Глупости, — отрезает он, кончиками пальцев выводя узоры на моей голой пояснице. — Я же сказал, что не отпущу тебя больше. Неужели ты мне и сейчас не веришь?

— Верю, но...

Свободной рукой Сергей бережно берет меня за подбородок, заставляя поднять голову и посмотреть ему в глаза, где всю плещется решимость.

— Значит, никаких «но» не будет, Яна. И точка.

18.2. Яна

«Кто приходит и заводит эти часы?

Словно наших дней возводит солнце на весы

Дней до разлуки»

Ани Лорак — Солнце

Яна

Впервые за всю свою жизнь я стыдливо отводила глаза, глядя на свое донельзя довольное отражение. Отворачивалась, чтобы не видеть невыносимый блеск глаз, красные щеки, торчащие в разные стороны волосы. Напрасно пыталась стереть прилипшую улыбку, кусала щеки изнутри, но подлая предательница вновь растягивала губы.

Я понимала, что поступаю несправедливо. Что увожу мужчину из семьи, забираю у его ребенка шанс видеть отца постоянно рядом, но ничего поделать не могла. Ругала себя на чем свет стоит, собиралась с силами набрать сообщение бывшему мужу с просьбой больше не тревожить наш с Тимой покой, но тут же позорно сдавалась, беспечно стирая текст в мессенджере.

Столько лет я ведь как-то жила без Сергея. Работала, добивалась каких-то успехов. Да только время, проведенное порознь, осталось лишь блеклой черно-белой тенью в моих воспоминаниях. И это была моя самая большая проблема. Я не помнила себя без него и Сашеньки.

В квартиру я возвращалась, когда рассветные лучи всю рассекали пространство улицы и ранние птички — собачники, повели своих четвероногих питомцев на выгул, сладко зевая на ходу.

Мне не хотелось покидать горячие объятия бывшего мужа, но я и так поступала как в высшей степени безответственная мать, оставив, пусть и на пару часов, ребенка одного в квартире. Да и Сергею стоило уезжать. В его мире осталась работа и Виктория, которая совсем вскоре станет матерью его ребенка, а еще возможно и его женой...

Нет, я верила Царёву. Правда верила. Ведь невозможно не верить, когда его взгляд проникает в самую душу, руки сжимают так крепко, что кажется еще немного и кости превратятся в пыль. Да только не бывает всё просто и легко. И уж точно не у нас, когда тысячи «но» существенно усложняют жизнь.

Я любила его. Безумно и всепоглощающе. Любила, даже когда казалось, что ненавижу весь этот чертов мир и его в том числе.

И сейчас люблю. До мелких мушек перед глазами и тянущего из меня все жилы чувства безысходности.

Успеваю принять душ и приготовить завтрак, прежде чем на кухне появляется заспанный ребенок. Старательно делаю вид, что занята, страшась выдать себя с головой и показать, как мне неловко перед ним. Уж точно я не хотела, чтобы вчера Тима видел меня такой жалкой и разбитой.

— Дядя Сережа приходил? — бубнит Тима, засунув целый оладушек в рот.

— Нет, — лукавлю я, отрицательно качая головой и ощущая, как щеки покрывает красная краска стыда. — Не приходил. Молоко или чай?

Отворачиваюсь, достаю из верхнего кухонного шкафчика чашку, мимоходом приложив тыльные стороны ладоней к щекам, чтобы хоть как-то унять идущий изнутри жар.

— Чай.

Рутина спасает. Отработанные до автоматизма движения дарят обманчивое

спокойствие, но мысленно я то и дело возвращаюсь к Сергею и тому безумию, что охватило нас всего несколько часов назад.

Будто я снова стала прежней молодой необремененной проблемами Яной. Той самой, что безоговорочно влипла в любовь, как в паутину, напрочь отключая разум и идя на поводу у сердца. Однажды, я уже поплатилась за это... Цена любви оказалась слишком высока.

Тимофей сосредоточено пьет чай и болтает ногами сидя на стуле. Кот крутится под ногами, выпрашивая еду со стола, а за окном поют птички и слепит яркое солнце. Почти идеально, если не считать отсутствие Сергея рядом с нами.

Гораздо позже я пойму, как сильно ошибалась, упустив последнюю возможность насладиться этим моментом. Ведь когда в дверь позвонили вся моя жизнь, вновь пошла под откос...

Отчаянно ожидая увидеть Сергея, я спешно припустилась к входной двери, не соизволив посмотреть в глазок и совершенно позабыв про элементарные правила безопасности. В тот кошмарный момент я и подумать не могла, что может произойти что-то еще. Гораздо страшнее беременной невесты на пороге моего дома.

— Ну, здравствуй, дамочка, — хищно оскалился мужчина. — Я за сыном.

Несомненно, в этот раз папаша Тимки выглядел гораздо лучше, чем в прошлую нашу встречу. Гладко выбрит, причесан, даже облачен в некое подобие костюма, состоящее из мятого и явно маленького на него пиджака и давно изжитых себя черных классических брюк. Однако, относительно приличный вид портил наливающийся под глазом синяк и щербатый рот, который сейчас противно ухмылялся, пока мужчина оглядывал меня с головы до ног.

— На порог то пустишь? — хмыкнул мужик и не дожидаясь ответа, крикнул мне за плечо: — Тимоха, собирайся. Папка пришел.

Я онемела. Внутренности сковало егозой до такой степени, что легкие напрочь забыли про свои главную функцию и дышать становилось всё сложнее и сложнее. И лишь одна мысль набатом била в голове: «не отдам».

— Пошел вон, — прошипела я, собравшись с силами.

Тело действовало на голых инстинктах. Закрыть собой, уберечь, сохранить. Я перекрыла дверной проем, прекрасно понимая, что отодвинуть меня в сторону ему ничего не стоит. Прихлопнет как муху и не заметит.

— Ну уж нет, куколка. Наигралась в дочки-матери и хватит, — захохотал мужик.

— Немедленно убирайтесь или я вызову полицию...

— И что ты им скажешь, а? Что ребенка чужого украла и у себя удерживала? Это статья, Сладкая. А знаешь, что с такими красотками на зоне делают? — его пальцы грубо хватают меня за подбородок и лицо верзилы оказывается совсем близко к моему.

Не размыкая пальцев и дыша на меня смрадом гнилых зубов и паров алкоголя, он продолжает неистово наслаждаться моей беспомощностью и смеяться, в то время как я задыхаюсь от страха.

Страх не за себя. На самом деле мне глубоко плевать, что в конечном итоге будет со мной, но Тима не заслуживает такой жизни. И внешний вид, его якобы вставшего на путь исправления отца, меня совершенно не обманывает. Что ждет его дальше? Голод, нищета, алкоголь, наркотики? Какое будущее сможет обеспечить ему такой родитель? В какое чудовище он превратится, спустя несколько лет?

Этот мальчик — моё всё. Он заставил меня открыть глаза, заставил поверить, что не все

потеряно, что я еще могу жить. Смеяться, любить, верить. Он спас меня от самой себя.

— Папа, не трогай тетю Яну. Пожалуйста, — решительный детский голос привлекает к себе внимание и мужик отпускает меня, поднимая руки ладонями в верх и делая шаг назад.

— Тимоха! Как я соскучился, охламон ты мелкий. Иди к папочке!

— Тима, нет, — срывается мой голос на крик.

19.1. Виктория

«Ждёшь в глазах моих печаль? Прошло, не мечтай!

Знаю, любишь его и тебя мне не жаль!

Раз не видишь по глазам, читай по губам:

"Знаешь, я его никому не отдам!"»

МакСим — Не отдам

Виктория

— Забираешь своего сопляка и проваливаешь. Будет сопротивляться — вызывай ментов. Этой дряни не помешает посидеть на нарах. Всё понял?

Вытаскиваю из сумочки пачку с тонкими сигаретами, достаю одну, поджигаю зажигалкой, предварительно щелкнув кнопку внутри фильтра и затягиваюсь с превеликим наслаждением, выдыхая кольца дыма в узкое пространство авто.

Мужчина сидящий рядом неопределенно ведет плечами и, шмыгнув носом, скалится:

— А бабло? Ты обещала!

Хочется заорать на этого дебила, но я лишь перегибаюсь к заднему сиденью и хватаю сумку в которой хранится несколько внушительных пачек красненьких купюр. Пришлось потратиться на это достаточно рискованное предприятие, в надежде, что игра стоила свеч.

— Забирай и пошел вон. Не дай бог узнаю, что ты меня нагрел. Пеняй на себя. Уяснил?

— Не кипишуй, детка. Я человек чести.

Невесело хмыкаю рассматривая убогого, который невольно стал моим напарником. У судьбы явно своеобразное чувство юмора.

— Ты только скажи, на кой хер тебе этот слащавый? — скалит гнилые зубы бабуин и наклоняется ко мне чуть ближе, поигрывая бровями. — Я ведь гораздо лучше. Пусть себе тетешкает чужого пацана дальше.

— Не твоего ума дела, — рычу я, сквозь зубы. — Вали, давай. И чтобы больше никогда здесь не появлялся. Никто не должен знать, что мы хоть как-то знакомы.

Этот слащавый, как выразился папаша мелкого засранца, ничто иное, как мой счастливый билет, который я уж точно не упущу и не отдам никакой блеклой мышши, по типу его бывшей женушки.

Потратить столько с*ка лет впустую? Упустить золотую жилу? Я не тупоголовая дурочка, за которую он меня принимает и своего уж точно не упущу.

Яна, Яна, Яна — это чертова Яна отравляла всю нашу совместную жизнь. Не было и секунды, когда он не бредил ею. И я терпела. Делала вид, что не замечаю, как украдкой он смотрит их совместные фотографии, как ночами заседает в гостиной и строчит что-то в своём ноутбуке. Однажды, я сунула туда свой прекрасный носик и откопала целый архив писем, где адресатом была она.

Именно поэтому я прислала ей это дурацкое приглашение на свадьбу. Хотела увидеть, как она корчится от боли. Хотела знать, что новая жизнь Сергея без нее, вскрыет ей вены, лучше всякого лезвия. Я ненавидела её всей своей душой. Я хотела, чтобы она страдала.

Как оказалось, одна моя ошибка повлекла череду новых. И вот уже суровый и

непоколебимый Царёв послушной собачонкой бежит её спасать, срывается на помощь, забыв о свадьбе и наличии невесты. Нагло предаёт меня, врет глядя в глаза, а после и вовсе уходит.

— Тварь! — ору как всю мощь своих легких. В стену летит стакан с водой, разбиваясь вдребезги.

Порядочный до зубового скрежета м*дак, так благодушно оставил мне квартиру, в которой мы жили, но этого было ужасно мало. Что такое маленькая двухкомнатная квартира, когда как на кону стоит банковский счет и беззаботная жизнь на многие года.

Нет, я не привыкла сдаваться. Прогрызать себе дорогу и идти по трупам я умела слишком хорошо. Иначе так и осталась бы девочкой из маленькой забитой деревушки на окраине Сибири.

Действуя на голых эмоциях в одном розовом шелковом халатике, в тот день, когда он решил «осчастливить» меня нашим расставанием, я сбежала за ним, но увидела только багажник скрывающегося за поворотом автомобиля. И решила проследить, куда он направится дальше. Именно так я и вышла на Игоря, который оказался весьма ответственным родителем и продал Царёву своего щенка за сущие копейки.

Я ухмыльнулась, вынырнув из воспоминаний и, подождав пока пьяница вывалится из моей машины, дала по газам. Стоило поторопиться, ведь Сергей мог явиться с минуты на минуту. Наш новоиспеченный папочка обязательно подставит под сомнение своё отцовство и факт моей беременности, но у меня уже давно приготовлены козыри в рукавах.

— Ох, Сереженька, — приговариваю я, красуюсь у зеркала дома в черной кружевной комбинации, которая так сексуально обтягивает моё сочное загорелое тело. — А ведь можно было просто жениться на мне.

Царёв не ищет легких путей никогда. Безумец, обожающий сложности.

Я же была для него идеальной. Ничего не требовала, заглядывала ему в рот, лишней раз, боясь, вкнуть хоть слово. Ежедневный секс, красивые ужины, тренажерный зал, строгая диета. Да на меня, мать вашу, молиться следовало. А он что? Ушёл к истеричке, которая каждодневно мотала ему нервы. Даже подкидыша этого согласился взять под крылышко и обогреть, когда как со мной настолько щепетильно относился к предохранению, что казался мне чертовым параноиком. Детей Сергей категорически не хотел, ссылаясь на то, что сын у него уже был. Лимит любви к детям у него исчерпан. Как же... Козел!

Ненавижу! Царёва, его бывшую, щенка этого малолетнего! Гореть им всем в преисподней за каждую мою угробленную нервную клетку. А уж ад на земле я им точно обеспечу.

Мобильный телефон гудит входящим вызовом, и я подскакиваю, надеясь увидеть на дисплее имя Сергея, но надежды оказываются пусты.

— А, это ты, — разочаровано тяну, принимая вызов. — Думала, Сережа звонит.

— Вчера так и не явился? — интересуется лучшая подруга на том конце провода. — Хотела узнать, прокатила справка или нет?

Переключаю её на громкую связь и возвращаюсь к зеркалу, чтобы нанести на губы кроваво-красную помаду.

— Не явился. Ничего, прискачет как миленький. Недолго ему бегать от меня осталось.

— Не боишься, что обман вскроется? Тебе надо забеременеть в ближайший месяц или уже подыскивать суррогатную мать, — нудит Анька.

Именно она и помогла мне с липовой справкой о беременности, а теперь трусит за своё

хлебное место в женской консультации.

— Не боюсь, — фыркаю недовольно я. — Главное, пусть женится. А там видно будет. Всегда можно сказать, что не доносила плод. В наше время такое повсеместно.

— А если захочет проверить? Ответит тебя к своему врачу...

— Царёв? — хохочу я. — Да он только с виду такой суровый, а на деле тряпка тряпкой, каких еще поискать.

— Надо же, — врывается в наш диалог мужской голос, а после раздаются сухие аплодисменты. — Bravo, Вика. Я и правда тебя недооценил.

Резко оборачиваюсь и застаю Царёва, стоящим прямоком в дверном проеме спальни. И его злой взгляд, и напряжённая челюсть не сулят мне явно ничего хорошего...

19.2. Сергей

«Сила в правде, но ты слабая

Мне так жаль, мне так жаль, послушай

Ты уходишь, я не замечаю

И печаль не берет за душу»

Костя Лакоста — Иностранец

Сергей

— Тряпка, значит, — невесело усмехаюсь и прохожу вглубь комнаты, наблюдая как эмоции сменяют друг друга на идеальном личике моей бывшей невесты.

Она бледна и напугана. Кроваво-красные пухлые губы на фоне этой бледности выглядят настолько пошло и неестественно, что я невольно кривлю уголки губ в омерзении.

Почему же раньше я этого не замечал? Конечно, я знал, что Вика далека от великой святости и тот кроткий вид, всего лишь удачно подобранный образ. Нет-нет, да истинная сучность невестушки прорывалась, но я старательно делал вид, что это в порядке вещей. Собственноручно позволял ей играть с собой, пытаясь как можно больше самоустраниться от этих отношений.

— Вика... — дрожит голос её подружки из динамиков телефона.

Выгибаю вопросительно бровь, но так и не дождавшись от Вики хоть каких-то действий, беру мобильный телефон в руки, опускаясь в глубокое кресло в углу комнаты.

— Она перезвонит, — на дисплее жму «отклонить вызов» и перевожу взгляд на переминающуюся босыми ступнями по полу Викторию. — Я тебя внимательно слушаю.

— Я...Сережа!

Глаза полные невыплаканных слез больше не вызывают у меня никаких эмоций. И подкосившиеся колени блондинки, её ползки ко мне на четвереньках и валяния в ногах, совершенно не дергают никакие струны души. Абсолютно. Полный штиль.

Я даже не могу злиться. Хотя, казалось бы, должен. Несколько минут назад меня обозвали тряпкой, да и вовсе пытались выставить полнейшим идиотом, подцепив на мнимую беременность, как на рыболовный крючок. Но вопреки этому, разум был холоден. Более того, удовлетворен.

С самого начала я понимал, что беременность Виктории — бред. Нет, был один процент из ста, что такое возможно. Все же ни одни контрацептивы не дают полной гарантии. Но в целом, что-то внутри меня категорически не признавало будущего отцовства. И я оказался прав.

— Я ведь люблю тебя, — по новой заводит свою шарманку Вика.

Я молчу. Театр одного актера достаточно утомителен, но и уйти просто так я уже не

могу. Не сейчас. В конце концов этот вопрос нужно было решать сразу, но тогда я смалодушничал. Был уверен, что наше с Викой расставание прошло относительно гладко и у меня всё под контролем. Теперь распишитесь-получите и не жалуйтесь.

Самое паршивое, что снова пострадала Яна. Как я не пытался её оградить, а всё равно пропал впросак. Не смог уберечь от новых потрясений. И пусть утром я был более чем убедителен, но этого слишком мало для бывшей жены. Она захочет большего и будет чертовски права. Если и начинать новую жизнь, то с чистого листа без старых помарок и ошибок.

— Хватит! — рычу, когда в попытках угодить и притупить моё внимание, Вика оказывается на моих коленях и тянется к губам, чтобы поцеловать.

Ни грамма не церемонясь скидываю блондинку на пол и хватаю за подбородок, чтобы удостовериться, что информация, которую я озвучу сейчас дойдет до адресата в полной мере, а не потеряется в завитках золотистых локонов.

— Значит так: собираешь свои вещи, и чтобы спустя час твоего духа здесь не было. Меня не волнует куда ты пойдешь, где будешь спать и чем питаться. Думаю, без труда найдешь себе новую тряпку, которая поведется на липовую справку из женской консультации...

В кармане пальто вибрирует мобильный, но я не обращаю на него внимания, поглощенный праведным гневом и своим спичем.

— Моя позиция ясна?

Вика испуганно кивает, но мне этого недостаточно. Хватаю её за плечи и несколько раз встряхиваю, отчего она возмущенно визжит, а когда отпускаю, и вовсе отползает от меня на большое расстояние, обхватывая колени руками.

— Не слышу!

— Я поняла, — дрожит всем телом, вскакивает, суетится, вытряхивает всё содержимое шкафов на пол и кровать.

Сжимаю переносицу и прикрываю глаза. Перегнул.

Жалости не было, но и видеть страх в глазах женщины я не привык. Особенно, если боялись меня самого. А то, что Вика напугана до смерти было видно невооруженным глазом.

Все же, возможно, стоило действовать как-то мягче, но получилось явно доходчивее, чем я планировал изначально. С психом связываться захотят единицы. Для кого-то своя шкура ценнее денег, и я надеялся, что в этот раз Вика не разочарует меня, навсегда исчезнув с радаров.

Телефон продолжает вибрировать в недрах кармана пальто, которое я так и не удосужился снять, но разговаривать при лишних свидетелях мне не с руки. Нащупываю рукой гаджет, достаю и глядя на фото Яны с дисплея, отклоняю вызов. Быстро печатаю короткое: «Перезвоню» и бросаю телефон обратно в карман, возвращаясь к наблюдениям за блондинкой.

«Что могло такого случиться у нее с Тимкой за несколько часов, пока меня не было, что Яна сама решила меня набрать?!» — эта мысль не дает мне покоя и я едва не срываюсь на крик, подметив, как успокоившись, Виктория начинается замедляться в своих сборах, бросая в мою сторону косые взгляды.

Волна паники накрывает с головой. Кажется, даже волоски на затылке начинаю шевелиться.

Звонки прекращаются, но я не могу усидеть на месте. Поднимаюсь с кресла, подхожу к

окну и, засунув руки в карманы, смотрю как во внутреннем дворе дома на детской площадке играют малыши.

Яна упрямо утверждает, что не хочет больше детей, но я уверен, что смогу её переубедить. Саши нет с нами, но это совершенно не значит, что второй ребенок повторит его судьбу. Впрочем, как и то, что он перестанет быть нашим сыном и память о нём исчезнет. Да, мы потеряли нашего ребенка, но жизнь не стоит на месте. В нашем случае явно следует отключать эмоции и действовать философски.

Яна прекрасная мать. И я более чем уверен: стоит ей взять на руки нашего малыша, как все её страхи уйдут на второй план.

Мысли плавно перетекают в другое русло. Я представляю, как внизу в песочнице сидит наш сын или дочь. Как Яна, вместе с остальными мамочками, наблюдает за ребенком со скамейки. Как Тима учит малыша стоять замок из песка. Да, стоит признать, что этот пацан стал неотъемлемой частью нашей жизни. Частью с которой я смирился и более того, даже принял, пусть и пытался делать вид, что терплю его только ради Яны.

Я отвлекаюсь, но где-то в подкорке продолжает зудеть беспокойство. Она не простит меня, если что-то случится. Моя фатальная, без которой я больше не вижу своей жизни.

Неожиданное прикосновение к лопаткам женской ладони, заставляет вздрогнуть. Передергиваю нервно плечами и оглядываюсь на бывшую невесту.

— Я вызвала такси, — мнется Вика, отводя взгляд. — Переночую у сестры и...

— Меня не интересует, — совершенно по-скотски обрываю я её и отворачиваюсь.

— Не поможешь с чемоданами?

— Сама справишься. В остальном же ты как-то обошлась без меня.

20.1. Сергей

«Когда захлопнется твой капкан

Когда я буду готов умереть от ран

Дай слово, что перестанешь казнить меня

Стала жестокой игра»

Сергей Лазарев — Сдавайся

Сергей

Пальцы у бывшей жены ледяные. Мне дозволено ощутить это лишь на миг, пока её тонкая ладошка не выскользывает из моей хватки. Слишком жестоко, как для женщины, которая совсем недавно отдавалась мне на заднем сидении моего автомобиля.

Яна обхватывает свои плечи руками, сжимает бледные губы в тонкую линию и отводит взгляд, выстраивая между нами грёбанную китайскую стену! Снова!

— Посмотри на меня, пожалуйста, — я стараюсь говорить, как можно спокойнее, контролируя бурлящее негодование внутри меня, но выходит из рук вон паршиво. — Яна!

— Уходи, — в ответ лишь тихий шелест её губ и взгляд полный боли и отчаянья.

Я уже видел эту боль. Знаком с ней не понаслышке. Именно так она смотрела на меня, когда умер Саша. Проникала под кожу, препарировала и медленно убивала. В такие моменты мне казалось, что я боюсь её. Но на деле существовать без нее оказалось гораздо страшнее.

— Нет.

Слишком много крайностей там, где они совершенно не уместны. Необратима только смерть, а в нашей ситуации все живы и относительно здоровы. Но не для Яны. Тот маленький мирок, который она выстроила в своей голове, рухнул как карточный домик. И

возможно это через чур хладнокровно, но подсознательно именно такого исхода я ожидал. Именно поэтому, в попытках её защитить, отчаянно сопротивлялся тому, чтобы пацаненок оставался с ней.

— Я позвонил своему адвокату, сейчас мы выясним имеется ли возможность, чтобы тебя выпустили под залог. Если нет — будем думать, как решить данную ситуацию в нашу пользу. Всё-таки было бы проще, отдать Тимофея отцу. Теперь тебе шьют похищение. Даже если этот м*дак заберет заявление, суда не избежать.

— Плевать.

Хмыкаю и поднимаюсь со своего места. Обхожу стол и становлюсь за спиной девушки. Упираясь в спинку её стула, подаюсь немного вперед, пересекая расстояние между нами.

Как бы мне хотелось узнать, что за дурацкие мысли роятся сейчас в её темноволосой головке.

— Яна. Если я пообещаю тебе...

— Ты не брал трубку, — перебивает она меня. — Я звонила несколько раз. Он умирал у меня на руках, а ты не брал трубку...

Она всхлипывает. Её тело начинает колотить мелкой дрожью, а я вдруг понимаю, что она так и не простила меня. Не отпустила всё то, что давно душило её изнутри. Я сам того не подозревая, вернул её в далекое прошлое, где смерть нашего сына, стала спусковым крючком к нашему расставанию.

Притягиваю её к себе, крепко держу, пусть она и не пытается вырваться. Плачет беззвучно и дрожит в моих объятиях в этой серой неживой комнате для свиданий.

— Мы справимся, — шепчу в её в затылок. — Обещаю.

Я готов расшибиться в лепешку, чтобы сдержать своё слово. Именно поэтому, когда суровый мент заходит комнату и многозначительно стучит указательным пальцем по циферблату своих наручных часов, я покидаю Яну, вопреки тому, что сердце отчаянно рвется обратно к ней. И мне до жути не хочется оставлять её в таком шатком подавленном состоянии.

Но воронка свалившихся на голову дел, закручивает меня с невероятной скоростью. Адвокаты, опека, менты. Меняются лица, вливаются деньги, ситуация накаляется с каждым днем всё больше и больше.

Я натуральным образом рою землю, пытаюсь найти выход из ситуации. Адвокаты ищут свидетелей, опека прижимает папашу пацана и Тиму изымают. Позже я все-таки узнаю, в какой детский дом его определяют, пока суд рассматривает дело о лишении этого козла родительских прав. К н и г о е д . н е т

Сплю я от силы несколько часов, а потом гонка начинается сначала. Невероятных усилий мне стоит не слететь с катушек. Но желание всё бросить я отмечаю на корню. Однажды, я смалодушничал и теперь имею то, что имею.

Бывшая жена не верит мне. Каждый мой визит к ней, воспринимает с опаской. Особенно, когда я все же добиваюсь того, чтобы к ней пустили психолога.

Яна вообще умела всё усложнять. Но когда я любил простоту? То-то же. От этого откровения перед самим собой становиться как-то легче, и пружина внутри меня разжимается. Отпустило.

Раз ей хочется бодаться, то я совсем не против. Особенно если от этого искупиться пусть и малая часть моей вины перед ней. И её вредность, и постоянные пустые попытки меня выгнать, в конце концов даже начинают меня забавлять. Впрочем, это становится

единственной моей отдушиной в череде наступивших тяжелых дней.

— Выходи за меня, — предлагаю её в один из очередных визитов.

— Что? — Яна округляет глаза и смотрит на меня, как на полного идиота.

Пусть так, но её статус в моей жизни, в последний дни стал безмерно раздражать. Какая же она к чертям собачьим бывшая, когда как только ради нее я затеял всю эту вакханалию с судами и опекой.

— Я предполагаю, что после суда, где тебя непременно оправдают, ты захочешь усыновить Тимофея. Гораздо легче это будет сделать, если мы будем женаты, — пожимаю плечами я.

Прекрасно осознаю, что давлю на больное, но, вопреки этому, нисколько не сожалею. Она моя жена и точка. Если для этого нужно прибегнуть к небольшой хитрости — так тому и быть.

— Царёв, ты без царя в голове, — хмыкает Яна, качая головой, но впервые за всё время, проведенное в следственном изоляторе, улыбается.

Видимо, некая тавтология в этой фразе забавляет её, но мне сейчас явно не до смеха. Вон как ладошки потеют и дрожат мелко. Кажется, даже делая предложение ей в первый раз, я волновался гораздо меньше. Может быть потому, что точно знал положительный ответ на свой вопрос. Но сейчас...

Сейчас всё было слишком сложно между нами. Мы вроде бы были близки, но так отчаянно далеки. Все наши разговоры вращались вокруг суда, слов адвоката и Тимофея. Как он? Где? Что с ним? Одет, обут, сыт?

Я понимал её волнения, пусть они и были беспочвенны. Всё что касалось благополучия пацанёнка, я контролировал лично. Пусть и навещать его не получалось слишком часто. Да и сам Тима не охотно разговаривал со мной. Вздрагивал, услышав шаги, вскидывал голову, сдувая непослушную челку с глаз, но видя, что прихожу я один, быстро сдувался, теряя всякое настроение.

Было сложно. Я пытался объяснить ему, что не все обстоятельства зависят только от нас. И что Яна обязательно вернется за ним. Всё упиралось во время, но как бы Тима ни был разумен не по годам, он был всего лишь маленьким мальчиком, потерявшим всякую, казалось бы, незыблемую, опору в своей жизни.

— Это «да»? — нетерпеливо уточняю.

Она неопределенно разводит руками. И как это черт возьми понимать?!

20.2. Яна

«Ты взлетаешь высоко и не слышишь никого.

И забыв о всем Святом, ты разбиваешься.

Но едва открыв глаза, ты кричишь один в слезах:

Неужели жизнь моя... Жизнь продолжается!»

Тина Кароль — Жизнь продолжается

Яна

— Мама!

— Тима, — из последних сил шепчу на выдохе.

Тимофей подрос за то время, пока мы были не вместе. А еще кажется стал гораздо взрослее. И этот ослепляющий свет в его глазах, который загорается, стоит мне только переступить порог игровой комнаты в детском доме, перечеркивает абсолютно все серые, пропитанные одиночеством и болью дни без него.

Он утыкается носом в мой живот и плачет. Еле слышно, почти беззвучно, но я так отчетливо это вижу по тому как сотрясаются хрупкие мальчишечьи плечики и стремительно мокнет моя блузка, что сердце вновь разрывается от невыносимой тоски.

Сама не замечаю, как по щекам начинают течь соленые капли.

Мой маленький, но такой сильный мальчик. Он ждал меня, верил, что я обязательно вернусь к нему. И его вера расправляет такие необходимые мне сейчас крылья за моей спиной. Творит чудеса, исцеляет кровавые раны моей души.

Отстраняюсь совсем немного, только для того, чтобы присесть у детских ног, вытереть сладкие впалые щечки, убрать челку, которая за время нашей разлуки отросла, почти полностью закрывая шрам на лбу.

— Как ты меня назвал? — облизываю пересохшие от волнения губы, заглянув Тимофею в глаза.

— Мама, — шелестит он неуверенно, будто страхась и отводит взгляд.

А у меня в груди сердце еще немного и выскочит. Счастье топит до краев и я, поддавшись его порывам, притягиваю дитя к себе, целую в макушку и шепчу:

— Тима... Сыночек...

Почти месяц назад, его отбирали у меня силой, привлекая полицию на потеху всем соседям. Я отчаянно вырывалась, до последнего не желая отдавать своего ребенка. Да, возможно, Сергей действительно прав, и я должна была отпустить его с родным отцом, но всё внутри меня противилось этому решению. Собственноручно отдать его в лапы этого монстра?! Нет, я не смогла. Я бы не посмела.

— Вы признаете свою вину?

— Что?! — около двух суток я не сплю.

В тюремных заслонках время бежит совершенно по-другому и этот нескончаемый поток голосов, омерзительная сосущая пустота и отчаянье, складываются в бешеную какофонию, медленно сводя меня с ума. Следователи упорно пытаются доказать мою эфемерную вину, давят и обвиняют в похищении Тимы.

В моей голове все событие смешиваются в один сплошной ком, и я больше не понимаю, где прошлое, а где настоящее. Лишь долгие гудки набатом бьют по вискам и короткое «перезвоню», что так и отпечталось на обратной стороне век. Стоит лишь прикрыть глаза и кошмар повторяется. Раз за разом. И я уже не понимаю, где Тима, а где Сашенька.

Именно в такие моменты я вдруг понимаю, что больше не справляюсь со своими внутренними демонами.

— Вы ненавидите своего мужа?

Не знаю, какими правдами и неправдами Сергею это удастся, но вскоре в моей жизни появляются сеансы психолога. И пусть сначала я отчаянно сопротивляюсь этому, но в последствии смиряюсь, становясь зависимой от этих посещений.

Нет, я не стала ментально здоровой личностью. До этого было слишком далеко, но и винить себя и Сергея в произошедшем с нашими жизнями стала гораздо сложнее. Не все обстоятельства зависят от нас и от нашего выбора, как бы прискорбно это не звучало.

— Нет, — отвечаю уверенно на поставленный вопрос, нервно теребя пальцами край кофты.

— Вы любите его? — продолжает допытываться женщина, делая очерки в своем блокноте.

— Я не знаю. Наверное...

— Закройте глаза и представьте, что его нет больше в Вашей жизни. Что вы чувствуете?

Прикрыв веки и глубоко вздохнув, возвращаюсь мысленно в прошлое, где Сергея больше нет рядом. Где, кроме грызущего одиночества и боли, я не чувствую абсолютно ничего.

— Пустота, — выдавливаю из себя еле слышно. — Я чувствую пустоту. Будто был яркий свет, а потом кто-то щелкнул тумблер выключателя.

— Вам больно?

— Сильно, — ладонью тру грудь, пытаюсь хоть немного унять жжение.

— Открывайте глаза, Яна. И теперь вновь спросите себя, любите ли Вы этого человека. Можете не отвечать вслух. Достаточно просто быть честной самой с собой.

И я действительно мысленно честно отвечаю на вопрос, ответ которого и так лежит на поверхности, терпеливо ожидая своего часа.

Люблю... И любила все эти годы, когда его не было рядом. Вопреки обидам, горечам расставания и утраты. Даже тогда, когда, казалось бы, и не умею больше любить. Любила, когда отчаянно пыталась ненавидеть.

И ведь два пропущенных звонка, совсем не повод переставать это делать. Верно?!

Но когда Сергей вновь зовёт меня замуж, подбираясь, будто тигр завидевший добычу, я теряюсь. Свадьба — это ведь закономерный итог двух влюбленных сердец. Однако понимание, что мы это уже проходили и у нас ничего не получилось — невероятно страшит, лишая возможности двигаться дальше.

Я трусливо ухажу от ответа, отшучиваюсь и наивно полагаю, что эта тема канет в небытие, но Сергей слишком упрям и явно не собирается отступать. А еще вдруг оказывается, что вся история с Викой, не более чем вымысел и отчаянная попытка бывшей невесты, вернуть расположение Царева.

— Она заплатила отцу Тимы, чтобы тот накатыл на тебя заявление.

— Что? — поначалу опешив, я громко сглатываю и переспрашиваю: — Заплатила?

— Что тебя удивляет? — Сергей засовывает руки в карманы брюк и отходит к зарешечённому окну. — Он продал собственного сына. Дважды.

— Дважды?

— Я заплатил ему, чтобы он не отсвечивался в нашей жизни. Не думал, что у этой крысы хватит смелости меня кинуть, — хмыкает Царёв.

— Подожди... — отрицательно качаю головой, не в силах переварить услышанную информацию. — Но откуда Вика вообще узнала про Тиму? И как нашла его отца?

— Следила, наверное, — пожимает он плечами. — Я не вдавался в подробности.

— И что теперь? Со мной? С Тимой? — делаю небольшую паузу и добавляю чуть тише: — С нами?

— А мы есть? — спина бывшего мужа напрягается, он резко разворачивается и в несколько шагов оказывается рядом. Перегибается через разделяющий нас стол, нависает, сжав губы в одну тонкую линию.

— Ты ведь так и не ответила на моё предложение.

— Это обязательно?

— Сама как думаешь? — шепчет он, препарируя меня своим жестким нетерпеливым взглядом.

Я молчу. Секунды растягиваются в минуты, и он не выдерживает первым. Выпрямляется, натянутый, подобно тетиве и, горько усмехнувшись, произносит:

— Ты так и не простила меня?

— Простила, — отвечаю молниеносно, даже не задумываясь над ответом.

— Тогда почему?

— Я боюсь. Боюсь, что всё снова повторится. Что мы вновь не справимся с поставленными ролями. Что разрушим всё то, что так отчаянно выстроили из праха. Посмотри на нас, Сереж. Мы будто на минном поле. Один неверный шаг, и мы подорвемся, взлетим на воздух. Я больше не выдержу.

— Нельзя постоянно ожидать чего-то плохого, Яна. Жизнь состоит из миллиардов оттенков, а не только из черного и белого. Мы справимся, — он садится напротив, берет мои ладони в свои большие, подносит к губам, оставляя невесомый поцелуй. — Вместе. Как и планировали. Я, ты, Тима.

— Тима?

— Конечно. Я ведь говорил, что нам будет проще усыновить его, находясь в законном браке и...

— Я в тюрьме, Царев, — невесело хмыкаю я.

— Я это исправлю. Обещаю.

И ведь не обманул. Исправил. Когда судья объявляет оправдательный приговор, лишь твердый и непоколебимый взгляд Царёва не дает мне свалиться в обморок, прямиком в зале суда.

— Суд постановил, признать гражданку Царёву Яну Витальевну невиновной в совершении преступлений, предусмотренных пунктом д, статьи 126 УК РФ и освободить из-под стражи в зале суда....

Эпилог

«Просто держи меня за руку, прямо до самой старости

Преданные до зависти, вместе и в горе, и в радости

Ты это все, пожалуйста, береги»

Ирина Дубцова — Я люблю тебя до Луны

Яна

Бывают ночи, когда я просыпаюсь в холодном поту. В темноте нашариваю рукой ночник и теплый мягкий свет, озаряя комнату, прогоняет все ночные кошмары прочь. А затем, сделав несколько глубоких вдохов, я крепче прижимаюсь к твердой спине мужа и сладко засыпаю. Моё невыносимое и болезненное прошлое никогда не оставит меня в покое, но это не мешает мне жить дальше. Почти не мешает...

Я научила себя подсознательно больше не ждать новых ударов судьбы. Прорабатываю свои проблемы с психологом, учусь слушать и слышать не только себя, но и близких. И в конце концов прихожу к тому, что никакое чудо не вернет мне сына. Но в этом нет ничьей вины. Ни моей, ни Сергея.

А еще Сашенька перестал мне сниться. Ровно после того, как Сергей настоял на том, чтобы открыть его комнату, которая в свое время превратилась в мемориал памяти.

Мы сделали это вместе. Втроем. Как настоящая семья.

И пусть особого облегчения мне это не принесло и боль потери внутри нисколько не утихла, но я сделала еще один маленький шаг к тому, чтобы отпустить его. Пусть лишь на миг, но отпустить.

— Мам, Серега опять заставляет меня учить математику. Я ненавижу её. Мам...Ну скажи ему!

Прошло всего полгода с того момента, как мы окончательно забрали Тимофея домой.

Пройдя тьму инстанций, школу приемных родителей, собрав целую кипу документов, чтобы теперь я могла слышать его звонкий голосок каждый день. Чтобы, открывая глаза, я улыбалась, от того, что совсем скоро мой маленький сонный мальчишка, нахмутив свой высокий красивый лоб, босыми ногами пришепает на кухню. Как будет крутить носом на набившую оскомину овсянку, и как нехотя будет собираться в школу.

Я буду готовить кофе мужу и жарить блины. Буду устраивать забеги по квартире, ощущая на себе тяжелый и осуждающий взгляд кота, когда опоздание на работу угрозой повиснет в воздухе. Буду лететь сломя голову домой, после тянущегося рабочего дня, чтобы приготовить ужин и порадовать своих мужчин. Я буду жить. В таких маленьких и бытовых вещах, которые совсем недавно мне были недоступны.

Больше не будет одиночества. От слова совсем...

— Мам, ты где? Мам, где носки? Мам, мне в школу нужна поделка. Мам, а Серега...

Папой для него он так и не стал. Мнимое перемирие между ними, дало несколько ростков дружбы, но иногда Сергей был слишком строг и бескомпромиссным в вопросах детского воспитания. Беспочвенные опасения, что плохие гены выйдут и Тима вырастет таким, как его отец, явно не давали ему покоя.

И вот теперь он Серега. Уже не дядя Сережа, и не сухое официальное "Сергей", которое проскальзывает, когда Тима на него слишком обижен. Они учатся сосуществовать на почве любви ко мне. И я так это ценю, что всячески подталкиваю их к друг другу. Периодами, ощущаю себя паршивой женой и матерью, когда оставляю их наедине, убегая с Инной в СПА или салон красоты. Я четко понимаю, что им двоим нужно время. Рано или поздно лед обязательно тронется...

Но не сегодня. Впрочем, сегодня я вообще не хотела вмешиваться в их взаимоотношения, ведь на повестке дня была более важная тема.

На краю раковины рядом выстроились, как солдаты на построение, тесты на беременность. Все как один одинаковые. Положительные.

— Ян, все хорошо? Мелкий сказал, ты тут давно сидишь и не откликаешься. Открой.

А вот и виновник, так сказать торжества, пожаловал. Я хмыкнула и впервые за все эти полгода пожалела, что нигде не могу укрыться и посидеть в тишине. Понять, что делать дальше. Как выстраивать свою жизнь в связи с последними событиями.

Ведь мы, черт возьми, предохранялись. Я не готова к ребенку. Я не могу. Не хочу. Я...

Мне так плохо морально, что тело мгновенно откликается и тошнота скручивает внутренности. Приходится стремглав лететь к белом другу и отдавать ему весь свой завтрак. А затем, ожидаемо, накатывает слабость.

— Яна, — муж тарбанит в дверь все настойчивее, а у меня даже сил нет прогнать его или открыть двери, чтобы он наконец узрел, что натворил.

— Если ты сейчас же не откроешь, я вышибу эту дверь, напугаю кота, Тиму...

Приходится подниматься с кряхтением столетней старухи и волочить ноги к двери, чтобы Царёв не осуществил свою угрозу. Этот может.

Он вообще стал каким-то безумно категоричным в последнее время и не сказать, что мне это не нравится, но... Слишком мало общего с тем Сергеем, которого я знала ранее. Нынешний Царёв уж точно бы не ушел, укажи ему я сейчас на дверь. Надо бы и на коврикочке ночевал, как пес бездомный.

— Ты бледная, как мел. Что случилось? Где болит? — вихрем налетает муж на меня, ощупывая все тело в поисках неизвестных ему повреждений.

— Я беременна.

Сергей резко замолкает и поднимает на меня свой шокированный взгляд. Смотрит прямо в глаза, пытаясь отыскать ответы на свои немые вопросы. А вот я мысли читать не умею, и молчание его отчего-то задевает. Пусть я и сама не очень готова к такому повороту событий.

— Крутецки. Это у меня брат или сестра будет? — хитрющая мордашка Тимы появляется в дверном проеме совершенно неожиданно. Тут же за его спиной маячит любопытная кошачья морда.

— Я еще не...

— Да, — категорично отрезает Сергей, заставив меня подавиться несказанными словами. — Но на будущее: подслушивать не хорошо. А теперь марш делать математику!

— Ууу, — недовольно тянет Тима. — Пойдем, кот. Они сейчас будут целоваться.

Мы переглядываемся с Сергеем и тут же дружно начинаем хохотать, как два сумасшедших. Сама не замечаю, как смех стихает, а я оказываюсь в теплых мужских объятиях.

— Спасибо, родная. За самый ценный подарок — новую жизнь...

P.S. Автор

Яна родила девочку. Вопреки всем своим страхам и сомнениям абсолютно здорового ребенка. Анечка росла крепенькой на радость своим родителям и старшему брату. Тимофей не сразу, но все же стал называть Сергея отцом, вскоре перенимая его привычки и становясь все больше похожим на него.

Его родной отец попал в тюрьму за грабеж и, отсидев несколько лет, женился во второй раз. Про сына он больше ни разу не вспомнил.

Виктория стала любовницей влиятельного депутата, увела его из семьи и родила наследника. Добившись желаемого, но так и не став счастливой. Новоиспеченный муж пил, изменял и временами поднимал на нее руку, заглаживая свою вину дорогими подарками. Впрочем, Вика его прощала. По её мнению — у богатых мужчин, должны быть свои слабости.

Инна устав от преследований отца своего сына, забрала детей и вместе с мужем уехала в другой город. Они с Яной постоянно поддерживают связь и дружат семьями.

Царёвы купили дом, завели собаку. Каждый год они оставляют детей на приходящую няню и ходят на могилу к Сашеньке.

Где-то там, взирая на них сверху, он действительно счастлив...

Больше книг на сайте - Knigoed.net